Иван Родионов.
Забытый путь. Из архивов писателя:
письма, дневниковые записи, воспоминания, проза

Ассоциация исследователей российского общества
(АИРО–XXI)

Иван Родионов

Забытый путь

Из архивов писателя: письма,
дневниковые записи, воспоминания, проза

МОСКВА
2008

Поиски материалов, обработка,
комментарии, справочный аппарат

журналиста

Галины Стукаловой

Иван Родионов. Забытый путь. Из архивов писателя: письма, дневниковые записи, воспоминания, проза. – М.: «АИРО–XXI». 2008 г. – 145 стр.

В конце 1997 года в московском издательстве «Глосса» была издана повесть русского писателя начала прошлого века Ивана Александровича Родионова «Наше преступление». И имя автора, и название произведения мало что говорили тогда современному читателю. Ведь в последний раз книга печаталась в далёком 1922м году, да и то не в России, а в Германии, в Берлине.

Вступительная статья журналистки Галины Стукаловой к новому изданию «Нашего преступления» познакомила читателей с многолетними и разноплановыми поисками сведений о жизни и творчестве этого забытого ныне прозаика. Ей удалось частично восстановить биографию писателя, претендовавшего в 1909 г. на получение престижной Пушкинской премии и заслужившего тогда похвалы мастеров пера, среди которых был и Лев Николаевич Толстой. В результате дальнейшей работы журналистке посчастливилось получить более подробные материалы из Родионовского архива, что позволило с новых позиций раскрыть не только личность самого писателя, но и многие исторические события начала прошлого века и последующих десятилетий (вплоть до смерти Родионова в 1940м году).

Перечисленные материалы, дневниковые записи, письма и воспоминания есаула, а затем и полковника вошли в новую книгу Родионова «Забытый путь», повествующую, в частности, о его непосредственных контактах с генералами Брусиловым, Корниловым, Деникиным, Врангелем, атаманами Калединым и Красновым, а также известными иерархами Русской Православной церкви.

Книга дополнена отрывками из повести И. А. Родионова «Жертвы вечерние» (о «Ледяном походе» Добровольческой армии). В издание включены фотографии из семейных альбомов мемуариста и его потомков, а также фотографии руководителей Белого движения на Юге России, непосредственным участником которого был писатель-воин Иван Родионов.

ISBN 5-91022-063-2

От издателя

«Кто такой Родионов?» Подобным вопросом задавались многие: и филологи, и литераторы, и тем более рядовые читатели, когда в 1997 году в московском издательстве «Глосса» вышла нашумевшая в своё время книга этого забытого русского писателя – «Наше преступление». Ещё в начале прошлого века, в 1909 году, она выдвигалась на соискание престижной Пушкинской премии: её хвалили и одновременно ругали, но не было тогда в просвещённой России человека, который ничего не знал бы об этом произведении.

Премию книга не получила, но зато была удостоена внимания и высокой оценки ряда писателей, в частности, Льва Толстого:

> «Прекрасный язык, народный... “Наше преступление” – это преступление нашей интеллигенции перед народом, которого не просвещают».* Роман был посвящён разобщению русского культурного класса с народом, который, как считал Родионов, был брошен и, «беспомощный, невежественный, предоставлен собственной бедной судьбе. Если вовремя не придти к нему, то исход один – бездна, провал, дно».

В центре повествования – земельный конфликт между «богатым», а на деле – трудолюбивым и хозяйственным, оттого и зажиточным, крестьянином Иваном Кирильевым, добрым человеком и хорошим семьянином, и «бедными», молодыми, беспутными, **несамостоятельными**, как говорят о таких в народе, парнями, пропивающими любую доставшуюся им копейку, не останавливающимися ни перед грабежом, ни перед насилием. В романе детально (даже слишком) описан неправый суд, поощряющий вседозволенность, жестокость и убийства, показана страшная пропасть между интеллигенцией и простым народом. Писатель подводит читателя к мысли, что первая русская

* Д. П. Маковицкий. «Яснополянские записки». – М., Наука, 1979, сс. 92 и 293.

революция 1905 года расшатала самодержавные устои, и всё русское общество пожинает теперь её плоды.

Последний раз «Наше преступление» печаталось в Берлине в 1922 году. В предисловии к новому изданию 1997 года (разрыв, как видим, составил целых 75 лет!) я рассказала читателям о результатах своего многолетнего журналистского поиска по восстановлению более расширенной биографии этого малозаметного ныне прозаика и публициста.

В 70-х годах прошлого столетия в число лиц, заинтересовавших Александра Исаевича Солженицына, попал и Иван Александрович Родионов. В то время семья Солженицыных проживала в Америке, где находился тогда и сын И. А. Родионова, Святослав Иванович. Именно к нему, прямому потомку некогда известного писателя, и обратился Александр Исаевич с просьбой сообщить в письме подробности жизни и творчества его отца. Копию этого письма в 1995 году прислала мне в Москву Пиама Тимофеевна Родионова, супруга уже скончавшегося к тому времени Святослава Ивановича. Впервые оно было опубликовано в том же новом издании «Нашего преступления» после разрешения, полученного мною от Александра Исаевича Солженицына.

* * *

«REV. SVJATOSLAV I. RODIONOFF
21 Earle street
Milford, Conn. 06460
Tel. (203) 874-7783

Глубокоуважаемый и дорогой Александр Исаевич, прежде всего, благодарю Вас за переданное через А. Климова пожелание ознакомиться не только с творчеством, но, до некоторой степени, и с биографией моего отца. Считая, что его интеллектуально-идеологический облик достаточно выявлен его собственным словом, постараюсь дать лишь некоторые бытовые, житейские черты.

Иван Александрович Родионов, дворянин Всевеликого войска Донского, родился в Камышовской станице I Донского Округа 21 октября 1866 г.

Окончив Новочеркасское Юнкерское Училище по I разряду, Высочайшим Указом от 4 января 1887 г. произведён в хорунжие.

Прослужив положенное время, как «перворазрядник» держал экзамен в Академию Генерального Штаба. По всем предметам прошёл хорошо, но по вопросу об истории «Азовского сидения» заспорил с экзаменатором и не был принят в Академию за строптивость. В 1901 г. «вышел на льготу», в казачьих войсках заменявшую отставку, и предполагаю, что это могло совпасть во времени с неудавшейся попыткой поступления в Академию.

Первым браком был женат на Нине Владимировне, ур. Анзимировой, талантливой художнице, из московского либерального барства. От неё имел двух сыновей, Ярослава и Владимира.

Ярослав, после революции поступивший на сцену и иногда писавший стихи и прозу, во время подъёма советского патриотизма во II Мировую войну пошёл добровольцем на фронт (в качестве военного корреспондента) и был убит немецкой бомбой где-то около Архангельска. В номере «Журналиста», отмечавшем одну из годовщин войны, о нём один из коллег-корреспондентов пишет, что Ярослав во время налётов не прятался, но всегда внимательно наблюдал происходящее.

Владимир, выбравшийся за границу с театральной труппой в 1924 г. (если не ошибаюсь во времени), учился живописи в «Эколь дэ Боз-Артс»; в 1926 г. побывал в Югославии, поработал под руководством дворцового архитектора Смирнова на реставрации монастырских фресок или на новой фресковой росписи королевской усыпальницы; потом вернулся в Париж, закончил школу, написал большое историческое полотно «Битва при Гастингсе» и на значительной выставке в Лондоне получил за него первый приз. Начал зарабатывать хорошие деньги портретами, но вдруг всё бросил, постригся в монахи и поступил в евлогианский Богословский Институт. Однако, осознавши существование там ереси, перешёл под юрисдикцию Московской Патриархии. Теперь он Преосвященный Серафим, Епископ Цюрихский, которого или о котором Вы могли знать во время Вашего пребывания там. От советского подданства он отказался и при принятии швейцарского гражданства поручителями имел бывшего Президента Республики и мэра города Цюриха.

Как протекала жизнь отца с первой женой, не знаю, но знаю, что вскоре они «расплевались по-хорошему».

Вторая жена отца, моя мать, Анна Алексеевна, ур. Кованько, была дочерью Алексея Алексеевича и Софьи Дмитриевны*, ур. Озерской. Кованько и Озерские, принадлежавшие к петербургскому «свету», были люди, делавшие значительные карьеры и иногда занимавшие придворные должности. Мать получила отличное образование, но, на мой взгляд, в корне неправильное: знала 6 языков, но первым из них выучила не русский, а английский.

Детей от неё было трое: я родился в 1909 г., Гермоген в 1912 г. и София в 1916 г.

В I Мировую войну отец вышел на фронт в чине подъесаула, с назначением командиром Отдельной сотни при штабе Главнокомандующего Юго-Западным фронтом ген. Брусилова.

Случилось, что значительного размера венгерский кавалерийский разъезд, видимо производивший форсированную разведку, подошёл, по понятиям отца, слишком близко к месту расположения Штаба. Отец так стремительно атаковал «превосходящие силы противника», что уцелевшая часть их обратилась в бегство. Оказалось, что ген. Брусилов лично наблюдал эту стычку и спросил кого-то из штабных офицеров, что это за сорвиголова так раскрошил венгерцев? Узнав, что Родионов, поинтересовался, не автор ли «Нашего преступления», и, получив утвердительный ответ, распорядился сейчас же пригласить отца к себе. Отцу же сказал, что в лихих рубаках у нас недостатка нет, а автор «Нашего преступления» всего лишь один, и что он, Брусилов, за этого автора перед Россией отвечает. Тут же предложил ему взять в свои руки никудышный «Армейский вестник» и сделать его печатным органом, достойным этого названия. Во что отец превратил его, вскоре узнала не только Армия, но и вся, имевшая отношение к войне, Россия.

Революция застала его в чине полковника, имевшего ордена Св. Станислава, Анны и Владимира, все с мечами, т. е. за боевые заслуги. Ген. Брусилов, а потом и Атаман Краснов, предлагали отцу генеральство, но он предпочёл оставаться полковником императорского производства. Временному Правительству он даже не присягал: во время присяги Штаба распоряжался кинооператорами и фотографами и таким образом уклонился от бесславной формальности.

* Ошибка. Правильно – Александровны. – *Г. С.*

Во время печальной памяти «керенщины» Временное Правительство прислало кн. Львова с поручением ознакомиться с настроениями войск на фронте. В «Новом Русском Слове», если не ошибаюсь, в пятидесятых годах, была об этом заметка, в которой со свойственной этой газете полуправдивостью было сказано, что кн. Львов, спросивший какого-то казачьего офицера, не знавшего, кто с ним говорит, как бы он отнёсся к приезду на фронт Керенского, получил ответ, что он повесил бы его на первой же осине. Неправда заключается в том, что кн. Львов не знал, что разговаривает с редактором «А. В.», отлично осведомлённым о том, кто и почему говорит с ним. Я слышал от отца о приезде кн. Львова и о его разговоре с ним по крайней мере за пару десятков лет до появления статьи в «Н. Р. С.», а также неоднократное выражение сожаления, что ни кн. Львова, ни самого Керенского никто вовремя не повесил.

Отец участвовал в «заговоре» ген. Корнилова, вместе с ним сидел под арестом в Быхове и вместе с ним проделал «Ледяной поход», за который имел знак отличия I степени: меч в терновом венце на Георгиевской ленте. Когда после смерти ген. Корнилова под Екатеринодаром, возглавивший Белую Армию ген. Деникин распорядился оставить раненых, отец пришёл к нему и заявил, что это деморализует Армию, что солдаты и офицеры, зная, что в случае ранения будут оставлены на растерзание большевикам, станут стремиться не в бой к победе, а к укрытию от опасности, почему он считает наше дело проигранным. Деникин ответил, что это Армия добровольческая, что отца в ней насильно никто не удерживает, но что и критиковать распоряжения Главнокомандующего ему никто не предлагал. При первой же возможности, т. е. как только Армия пробилась из окружения, отец её оставил.

Знаю, что как-то отец был контужен, но было это в Императорской или Добровольческой Армии, не могу вспомнить*. В Новочеркасске, при атаманстве ген. Краснова, отец был директором Донского Телеграфного Агентства и редактором-издателем журнала «Часовой».

Во время войны и первое время после революции семья оставалась в материнском имении «Устье», в Боровическом уезде Новгородской губернии. В отцовские руки оно пришло

* Было это в Императорской Армии и лечился Родионов в санитарном поезде, находившемся под опекой жены генерала А. А. Брусилова, Надежды Владимировны. – *Г. С.*

в самом плачевном состоянии, заложенное и перезаложенное в Дворянском банке. Да и вообще 100 десятин в тех местах никаким богатством не были. Но отец принялся за разработку недр: глина пошла на боровический гончарный завод, уголь – на железнодорожную ветку, соединявшую Боровичи с Николаевской ж. д., и дела развились так, что в Петербурге круглый год содержалась 14-ти комнатная квартира на Кирочной ул. (дом № 3 – *Г. С.*), т. е., в действительно хорошем районе города, хотя пользовались ею лишь в зимний сезон, большую часть года живя в имении. Сколько вольнонаёмных шахтеров работали у нас, – не знаю, но военнопленных было 400 человек. Бюджет семьи составлял 20.000 руб. в год, но знаю, что до получения доходов от «Нашего преступления», т. е. до 1909 года, материальные затруднения бывали значительными.

На устьинскую жизнь революция сперва никак не повлияла, но вот вдруг от отца из Москвы пришла неожиданная и категорическая телеграмма: собрать детей и самое необходимое и, во что бы то ни стало, в 3 дня быть в Москве.

Указывался и маршрут по городу через Марьину рощу в дом Страхового О-ва у Никитских Ворот, в квартиру бывшей жены отца. Мать, петербурженка, Москвы совсем не знавшая, опасалась ехать «через какую-то рощу», но телеграмма выбора не оставляла...

Мы въехали в Москву в первый день семисуточного боя за город между красными и белыми. От вокзала ехали на ломовиках с вещами, проскакивая перекрёстки улиц во время перерывов пулемётного огня. На задней телеге одна из колёсных спиц была перебита пулей, но мы благополучно добрались по назначению. Оказались мы в одном из верхних этажей большого доходного дома. Через улицу дом был ещё выше нашего, и помню, как я с интересом наблюдал из окна катившиеся по его крыше обломки кирпичей от разбивавшихся снарядами труб и всё надеялся увидеть самый момент попадания, пока кто-то из взрослых не испортил всё удовольствие, уведя меня в подвал.

Через неделю выяснилось, что красные победили. Нина Владимировна, занятая успешной и интересной работой в театре, если не ошибаюсь, Камерном, решила остаться со своими сыновьями в Москве. А мы с матерью оказались с вещами на вокзале. Перед этим нам неоднократно говорилось, что если увидим папу, с ним не здороваться, на него не смотреть и

делать вид, будто это совсем чужой человек. Между прочим, насколько помню, в московскую неделю отца с нами не было. На вокзале он подходил к матери в каком-то потрёпанном штатском одеянии, перекинулся с ней несколькими словами, и мы без него уехали. Всё было как-то тревожно и уныло. Только потом мы узнали, что голова отца уже была оценена.

Новочеркасск матери очень понравился, и отец купил там 3 кирпичных особняка в одном дворе на Александровской площади, рядом с Мариинским приютом. Тут же на площади обучались боевым приёмам Чернецовцы и Семилетовцы, те самые вчерашние кадеты, юнкера и студенты, которым посвящена книга «Жертвы вечерние». Отец находил покупку недвижимости совершенно несвоевременной, но сделал её в угоду матери. Из Новочеркасска уходили с Комендантским обозом на волах в направлении на Аксай, а в Хотунок (или Хатунок?) уже входили большевики. Дон перешли по льду под Батайском. Мама боялась, что лёд под нами провалится. Папа показал ей длинноствольные орудия, находящиеся уже на другом берегу, и сказал, что, если эти пушки лёд выдержал, то нам беспокоиться не о чем.

Сколько времени скитались по сугробам Дона и Кубани, то один, то другой, болея разными видами тифа, воспаления лёгких и т. д., сказать не могу, но, в конце концов, на волах же доплелись до Екатеринодара, где каким-то чудом устроились под колёсами печатного станка в вагоне-типографии. Отец лежал в сыпняке, и семью спасла мать.

Когда во время передвижения на волах кому-то из захворавших понадобилось место для лежания, пришлось снять несколько чемоданов, и они были доверены хорошо знакомому генералу. В одном из чемоданов была большая рукопись. В те времена и вещи, и люди иногда исчезали бесследно. Ни чемоданов, ни генерала мы больше никогда не видели.

Впоследствии я узнал, что брат Ярослав в Союзе писателей попытался было установить факт, что Книга первая «Тихого Дона», написанная позже второй, обнаруживает более чем поверхностное сходство с рукописью отца, но там ему очень внушительно объяснили, что было бы в высшей степени бестактно заслуженного советского писателя обвинить в плагиате, да ещё у беглого белогвардейца. Будучи сыном этого белогвардейца, брат отлично понял, что не в такте дело, и благоразумно замолчал.

У меня никаких доказательств по этому делу нет, я даже рукописи отца никогда не читал: ведь мне ещё и 10 лет не было, когда она пропала. Брата, которому тогда было около 16 лет и который мог бы не только читать, но и иметь черновики рукописи, давно нет в живых. Но от нескольких человек, выбравшихся из Советчины вместе с отступавшими немцами в 1943 г., знаю, что в кругах читающей публики ходили слухи, что Шолохов действительно использовал случайно полученную рукопись какого-то белого офицера. Слышал и о бывшей на эту тему полемике.

Екатеринодар, Новороссийск и Феодосия вызывают неприятные воспоминания бивуачной неуютной жизни впроголодь, в холоде и всяческом неустройстве. Но Судак и Ялта с черноморскими пляжами кажутся какой-то фантазией, а не былью.

Потом Константинополь. Тут отец совершил непоправимую финансовую ошибку. Он мог, хоть и со значительной потерей на курсе, обменять свои деньги на полмиллиона американских долларов. Обменял без всяких потерь на немецкие марки, – и вскоре пропало всё.

В 1920 г. мы переехали в Югославию и сперва остановились у старого товарища отца, тоже быховца и первопоходника, полк. Л. Н. Новосильцева. Оттуда мать с младшими детьми была доставлена в Дубровник на Адриатическом побережье, а я по дороге «осел» в Русском кадетском корпусе в Сараеве. Отец переехал в Париж, а потом в Берлин, где написал и издал в 1922 г. «Жертвы вечерние» и переиздал «Наше преступление» и «Москву-Матушку» в том же году. «Наше преступление» было переведено на немецкий язык и печаталось по кусочку в газете. «Жертвы вечерние» были переведены на французский и венгерский языки и напечатаны отдельными книгами.

В Югославию отец вернулся в 1926 г. с неплохими деньгами: пара сотен тысяч французских франков с полумиллионом долларов не сравнится, но по нашим тогдашним обстоятельствам и это было неплохо. Но главное, затевалось действительно большое дело: некий Саид Курейши, индус, большой коммерсант, был где-то арестован большевиками и прошёл по этапу чуть ли не все северные лагеря. Как британский подданный, как-то оттуда выбрался и, как мог, описал всё, что видел. Требовалась литературная обработка, и её предложили отцу. Финансировать издание, а главное, – его перевод и английское издание для Америки взялся крупный голландский нефтепромышленник, Гарри Деттердинг. Книга представляла собой нечто вроде солоневической «России в концлагере», но на несколько лет раньше. Отец работал, не покладая рук, но, когда оставалось лишь переписать начисто, Деттердинг по каким-то финансово-политическим соображениям отказался принимать в этом деле участие. Отец ни копейки не получил.

Кроме того, французский перевод «Жертв вечерних» оказался настолько скверным, что мать настоятельно посоветовала изъять его из продажи. Отец послушался, что стоило около 60.000 фр. фр. В Венгрии тоже произошла неувязка: кто-то умер, не выполнив каких-то формальностей, и это стоило около 30.000 фр. фр.

Ещё где-то кто-то что-то присвоил и, в результате, отец «сел на мель». По благословению сербского Патриарха Варнавы он поселился в монастыре Житомисличи, где проживал на покое Черноморский Архиепископ Сергий. Отец продолжал писать, но не печатать. Причины, в общем, довольно простые. Его бескомпромиссный монархизм, понимание роли еврейства в подготовке и совершении русской революции, а также в управлении страной после революции, а главное, – безбоязненное высказывание своих мыслей создали ему сторонников, считавших и называвших его пророком и провидцем, и противников, называвших его мракобесом, черносотенцем и антисемитом, а для либеральной интеллигенции, в руках которой находилась и зарубежная печать, это были пороки непростительные, за которые места ему в этой печати не было. Как писатель он «перестал существовать» и совершенно разорился. В монастыре он писал большое произведение «У последних свершений» и в 1932 и 1937 гг. напечатал две небольших части его: «Сыны дьявола» и «Царство сатаны». Первая книга – в Белграде, на деньги, полученные от Патриарха Варнавы. Вторая – в Берлине, на какие деньги, – не знаю. С книгой «Сыны дьявола» вышел оригинальный конфуз: действительно умный, прекрасно образованный, окончивший русскую Духовную Академию, искренний друг и покровитель русских в Югославии Патриарх Варнава дал деньги на напечатание антикоммунистической книги отца. А не слишком образованный и довольно ограниченный русский священник с амвона объявил эту книгу вредной. Действительно, «своя своих не познаша»!

Не могу точно установить время, но незадолго до I Мировой войны были написаны и прочтены в Государственном Совете два доклада: «В чём гибель» (или «Неужели гибель?», отец

точно не помнил) и «Что же делать?». В них предлагалась отмена винной монополии и требовалось принятие решительных мер для прекращения всемирного пьянства. Отца ввёл в Гос. Совет любивший его И. Л. Горемыкин, но делу это не помогло: сановные бюрократы, высокопоставленные недоучки не смогли понять, что действительно большие акцизные доходы от алкоголя ни в какой мере не окупают и не искупают вреда, причиняемого преступностью, болезнями и разорением народа источником этих доходов.

Приблизительно в то же время была написана и в журнале «Прямой путь», начиная с февраля 1914 г., печаталась повесть «Разгром усадьбы», фотостаты которой вместе с фотостатами «Нашего преступления» уже отосланы А. Климову для передачи Вам (А. И. Солженицыну. – *Г. С.*).

I Мировую войну отец считал судьбоносной ошибкой Императорского Правительства, т. к. не Германия, а Англия являлась действительным историческим врагом России. С Германией же, соединяя её технику со своим сырьём, Россия могла бы составить непобедимый союз, которому никто в мире не был бы опасен. Он говаривал, что немец – хороший товарищ, и, в противоположность австрийцу, – надёжный союзник. Только ему надо сперва рога обломать, чтобы тевтонская спесь всего не испортила.

Монархизм был, пожалуй, частью его религиозных убеждений, и он говорил, что как Бог на Небе один, так и Царь на Земле один, имея ввиду Землю Русскую. Государю был предан, но считал его слишком мягким человеком, говорил, что при Александре III никакая революция не была бы возможна, т. к. он был настоящим хозяином своего дела.

За границей примыкал к группе так наз. Высшего Монархического Совета, возглавлявшегося В. Кн. Николаем Николаевичем. О В. Кн. Кирилле Владимировиче отзывался неодобрительно, считая, что он компрометирует самую идею, во-первых, тем, что называет себя Императором, никаких прав на это, на основании Закона о Престолонаследии, не имея; во-вторых, тем, что его недостойное поведение во время революции, выразившееся в ношении красного банта на груди, когда он вёл строем Гвардейский Экипаж присягать кучке бунтарей, захвативших власть, отняло бы всякое право на Престол, если бы оно изначально было.

Вообще же считал, что беда монархического дела заключается в том, что в нём участвует масса честных дураков и несколько неглупых прохвостов. Верю, что он был прав, но у левых, губителей России, и одних, и других больше... Говорить перед аудиторией, по крайней мере под конец жизни, он не любил и не умел. Но свои произведения читал мастерски и в небольшой компании рассказчиком был интересным и неистощимым. Стакан, другой вина выпивал, но ни водки, ни шампанского в рот не брал и пьяным никогда в жизни не был. В 1939 г. поехал в Берлин с надеждой напечатать «У последних свершений» и остановился там у своего старого друга, проф. мед. Руднева. В 1940 г. заболел чем-то вроде затяжной инфлюэнции, поправился, а ещё через несколько дней слёг и в 3 дня скончался. Только вскрытие обнаружило причину смерти: тромбоз большой артерии на почве рака желудка, видимо, давнишнего, но никогда им не осознанного.

В Петербурге у отца как-то произошло столкновение с Распутиным. Время его можно восстановить по воспоминаниям графа Коковцева, в своих воспоминаниях несколько переврившего этот эпизод. Граф подхватил ходившую по Петербургу сплетню, что Распутина монахи заманили в подворье и хотели там оскопить, но он вырвался и убежал. В действительности же его никто не заманивал и оскоплять не собирался, а епископ Гермоген пытался уговорить Распутина больше не бывать при Дворе.

Не буду останавливаться на подробностях этого случая, но известно, что за попытки бороться с влиянием Распутина, епископ Гермоген навлёк на себя немилость Императрицы Александры Фёдоровны и был сослан в Жировицкий (или Жеровицкий) монастырь. После революции он скончался мученически, если не ошибаюсь, в Тобольске: большевики привязали его к пароходному колесу и таким способом утопили. Отец давно знал Владыку, глубоко чтил его и считал если не святым, то праведником. В его честь мой младший брат был назван Гермогеном, и епископ был его крёстным отцом. Этот брат, по образованию абсольвент философского факультета Белградского университета, под конец II Мировой войны был преподавателем русского языка и истории в Красновской казачьей офицерской школе в Италии. Выдан союзниками большевикам в Лиенце и 10 лет проработал, подобно Ивану Денисовичу. По отбытии срока был «освобождён» и служил в Отделении Академии наук в Якутске, где и скончался от кровоизлияния в мозг, не достигнув пятидесятилет-

него возраста. Было ли существование в Якутске пребыванием «В круге первом», я не знаю, но предполагаю, что вся подсоветская жизнь, в разных степенях, проникнута адским духом.

Пропустил упомянуть немаловажную подробность: (sic ! – *Г. С.*) перед смертью отец сжёг все рукописи.

Если у Вас возникнут какие-либо вопросы из-за неясности изложения или пропусков каких-нибудь фактов или обстоятельств, пожалуйста, спрашивайте и, если смогу, отвечу.

Года два-три назад, когда моя жена служила в библиотеке Йельского университета, ей посчастливилось там встретиться и познакомиться с Вами. Мы живём в десяти милях от этой библиотеки, оба уже не работаем, т. е. ничем, кроме моего священнослужения, не связаны. Если вы продолжаете там бывать, может быть, нашли бы время и к нам заглянуть. Я мог бы практически в любое время подобрать Вас, а потом доставить, куда Вам понадобится. Считайте, что от библиотеки до нас на езду нужно не больше получаса.

Шлю от нас обоих самые лучшие пожелания и Вам лично, и всем Вашим родным и близким. Главное, дай Бог здоровья и того внутреннего мира, который не нарушается никакими житейскими обстояниями.

Ваш постоянный богомолец, недостойный дьякон

4/17 февраля 1978 г. Святослав Родионов».

* * *

В отличие от биографии архив Родионова достался мне не так легко и просто, но зато от другого сына писателя, Владимира Ивановича, служителя церкви в чине Архиепископа Цюрихского, правда, находившегося тогда уже на покое. Мне удалось встретиться с ним в Швейцарии, в маленьком городке Пайерн, и первые сведения об архиве отца (который после его смерти кочевал из Берлина в Америку, а из Америки – в Швейцарию) были неутешительными. Владыка или не понял поначалу моей просьбы, или забыл об этой большой и уже давней американской посылке. Но месяца через три после моего отъезда в Москву (в 1995 году) при содействии швейцарских друзей я получила кипу бумаг Родионовского архива. Конечно же, радости моей не было предела. Однако вскоре она сменилась полным отчаянием: совершенно невозможно

было разобрать этот витиеватый писательский почерк, этот текст, написанный чёрными чернилами, с большими чёрными кляксами, по старым правилам правописания, с «ятями» и «ерами». Что делать? Сколько трудов, дальних поездок, хлопот – и всё зря? Да, архив оказался нечитабельным, во всяком случае, для меня, не изучавшей на журфаке старорусскую вязь...

О своих бедах я рассказала давней старшей подруге, Павлине Гончаренко, украинской журналистке, много лет проработавшей корреспондентом «Учительской газеты» по Украине. «Я попробую расшифровать это», – сказала Павлинка (так называли её многие) и увезла архив в Киев.

Дело подвигалось медленно, на него ушёл не один год. Но с Божьей помощью и благодаря дружеской поддержке, архив был прочитан, переведён на современное правописание и более или менее систематизирован. Наиболее ценным в нём оказались личные воспоминания Родионова о генералах Корнилове, Каледине, Краснове, Богаевском и многое другое.*

Однако даже в новом виде материалы архива читались с трудом: писались они, по признанию самого автора, долго и мучительно, с повторами и переработкой. Видно, нелегко было ему бередить ещё не зажившие от поражения России раны, кроме того, одолевали болезни, да и эмигрантская жизнь была далеко не сладкой. Поэтому публикация затянулась. И только теперь архивы писателя-казака, белогвардейского офицера и военного журналиста, станут доступными и историкам, и литераторам, и всем читателям, интересующимся прошлым нашей Родины. На мой взгляд, воспоминания о 1-ой Мировой войне, о Белой гвардии, о трагедии революции и гибели великой страны писались кровью сердца и, благодаря таланту автора, мастерски воскрешались из тяжкого и незабываемого времени. Надеюсь, читатель разделит со мной горькую печаль от потери той старой России, увы, уже давно канувшей в Лету…

* Проделанную работу Павлиной Федосеевной Гончаренко я могу сравнить с подвигом, без которого публикация архива И. А. Родионова ещё долго оставалась бы под вопросом. Очень жаль, что моя соратница не дожила до выхода в свет этой книги. Вечная память тебе, наша дорогая, любимая и так рано ушедшая Павлинка. – *Г. С.*

Столкновение судеб

О чем поведали старые записи

Писателю-воину, Ивану Александровичу Родионову, в годы I Мировой войны, а также войны гражданской, довелось служить под началом многих знаменитых полководцев. Их роль в том, что тогда произошло и происходило с Россией, неоднозначна и неодинакова. Различно и отношение к ним Родионова. О своих встречах с этими людьми писатель свидетельствовал в своих дневниках.

О роли генерала Брусилова в жизни отца рассказал сын Родионова, Святослав Иванович, в биографии, напечатанной в начале книги. Встречи же с Лавром Георгиевичем Корниловым описал в своих дневниках сам Родионов. Я хочу предварить их краткой справкой о том времени, которое предшествовало так называемому Корниловскому мятежу и последующему аресту всех его участников.

В дни февральской революции 1917 г. генерал Корнилов был назначен главнокомандующим войсками Петроградского военного округа. В апреле того же года он попадает в действующую армию, командует войсками 8-й Армии, Юго-Западным фронтом, а в середине июля 1917 года А. Ф. Керенский, министр-председатель Временного правительства, назначает его Верховным главнокомандующим. Но трения и разногласия между Правительством и генералитетом привели к тому, что в военных кругах усиливалось недовольство Керенским, балансировавшим между Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов и Временным правительством. В конце концов Верховный главнокомандующий потребовал полного невмешательства во все оперативные распоряжения, предпринимаемые им для защиты России.

В ответ на это фактический глава Временного правительства предложил генералу сдать должность Верховного главнокомандующего и вернуться из Могилёвской ставки в Петроград.

Отвергнув требование Керенского, генерал Корнилов обратился к народу с воззванием, в котором, в частности, говорилось:

> «…Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германского штаба и одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил в Рижском побережье убивает армию и потрясает страну внутри… Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что лично мне ничего не надо, кроме сохранения великой России, и клянусь довести народ путём победы над врагом до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад своей новой государственной жизни…».

Выступление смещённого главковерха вызвало панику и в кругах, близких к Петроградскому Совету, и среди приближённых Керенского. И все силы, противостоящие «мятежнику», были брошены на то, чтобы разложить корниловские войска, продвигавшиеся к Петрограду. При этом активно использовались средства агитации и пропаганды, различные прокламации, где в невыгодном свете преподносились все намерения этого движения. Число сторонников генерала Корнилова всё уменьшалось, и в результате он оказался почти в полном одиночестве вместе с кучкой преданных ему генералов и офицеров. Через четыре дня после опубликования своего воззвания, 31 августа 1917 года, все оставшиеся и не разбежавшиеся корниловцы подверглись аресту и заключению под стражу.

Среди офицеров, примкнувших в те дни к генералу Корнилову, был и есаул Иван Александрович Родионов. Спустя несколько лет, находясь уже в эмиграции, И. А. Родионов описал в дневниках время, проведённое под арестом сначала в могилёвской гостинице «Метрополь», а затем в городке Старый Быхов, и свои почти каждодневные встречи и беседы с генералом Корниловым. И хотя в специальной литературе разные авторы посвятили этим событиям немало страниц, писательский взгляд ещё одного непосредственного их участника представляет, с моей точки зрения, не только интерес для читателей, но и определённую историческую ценность.

Итак, к делу. К «Делу генерала Корнилова», где столкнулись судьбы казачьего офицера Ивана Родионова и генерала от инфантерии Лавра Корнилова.

* * *

«Первая встреча моя с незабвенным Лавром Георгиевичем произошла 27 октября 1914 года. День этот памятен для меня...»

*Продолжения этого рассказа в архивных материалах нет. Но я нашла его в протоколах допроса Чрезвычайной комиссии по расследованию действий генерала Корнилова и его соучастников после подавления т.н. Корниловского мятежа, в данном случае в показаниях есаула Войска Донского И. А. Родионова. (Курсив здесь и далее мой. – Г. С.)**

«... В первый раз с генералом Корниловым я встретился 27 октября 1914 года во время боя под Лисками, в Галиции, когда его 48-я пехотная дивизия выбивала австрийцев из Карпат. Во второй раз я увидел его издали во время парада Георгиевского батальона и корниловцев 28 августа сего года (1917 г. – *Г. С.*). 30 августа во второй половине дня я зашёл в дом, где квартировал Верховный главнокомандующий, с целью узнать о новейших событиях и оповестить о них Главный комитет (Союза офицеров армии и флота, членом которого был И. А. Родионов. – *Г. С.*): хотелось узнать обо всём из первоисточника, а не питаться одними непроверенными слухами, которых ходило множество. Мне кто-то сообщил, что генерал Корнилов в нижнем этаже в дежурной комнате сносится с генералом Алексеевым по прямому проводу. Состояние у всех было крайне напряжённое. Все с нетерпением ждали разрешения создавшегося положения. Я вошёл в дежурную и поклонился генералу Корнилову, который сидел у письменного столика. У аппарата же принимал депешу генерал Лукомский и толпилось несколько офицеров. Генерал Корнилов несколько раз взглядывал на меня, как бы что-то припоминая, и обратился ко мне с вопросом о моей службе. Отвечая, я решился напомнить ему о бое под Лисками. Тогда генерал узнал меня и обменялся со мною несколькими словами о том времени, в заключение пригласил меня к себе к 8 часам вечера, как оказалось потом, к обеду. За обедом, на котором кроме самого генерала и адъютантов его, присутствовал Аладьин**, генерал Корнилов опять, и довольно

* Цит. по: «Дело генерала Л. Г. Корнилова». Т. II. С. 276–277. – М.: РОССПЭН. 2003.

** Член Государственной Думы, журналист. Летом 1917 года поддерживал связь с генералом Корниловым. Участник выступления Корнилова, быховец (примечание автора публикации).

подробно, припомнил бой под Лисками и те обстоятельства, при которых я был у него, с грустью заметив: «Какое это было хорошее время. Мы форсированным маршем с боем гнали врага!». Потом разговор перешёл на настоящее, крайне тяжёлое положение нашего отечества. Помню, я высказал взгляд, которого держусь и сейчас, что спасение или гибель России в значительной мере зависит от той или иной позиции казачества, сравнил теперешнее время со смутным временем на Руси 1611–1613 гг. и коснулся роли тогдашнего казачества в ту далёкую эпоху. Потом я раза два бывал у генерала Корнилова для осведомления Главного комитета о текущих моментах, встречал у него генералов Лукомского, Кислякова, полковника Сахарова, подполковника Пронина, Аладьина...».

Далее имя генерала Корнилова в материалах допроса от 3–5 сентября 1917 года упоминается в связи с другими генералами и военачальниками, участвовавшими в антиправительственном выступлении. Показания начинаются со слов уже знакомого нам соучастника дела генерала Корнилова И. А. Родионова:

«...Иван Александрович Родионов, 48 лет*, есаул, под судом и следствием не состоял.

1917 года 3 сентября я, член Главного комитета Союза офицеров армии и флота, Войска Донского есаул Иван Александрович Родионов, на предложенные мне Чрезвычайной следственной комиссией вопросы отвечаю следующее:

Мне совершенно не известно, была ли при Ставке Верховного главнокомандующего организация, имевшая целью изменение власти в России, а, следовательно, если она и существовала, мне также ничего не известно об её отношениях к генералу Корнилову. По моему мнению, Союз офицеров армии и флота относился к бывшему Верховному главнокомандующему генералу Корнилову с величайшим уважением, доверием и надеждой, что этот человек со своей железной энергией, со своим безупречным прошлым, человек, всю жизнь отдавший беззаветному служению родине и армии, герой Русско-японской и нынешней войн, и есть настоящий военный вождь, который сможет залечить раны нашей потрясённой, больной армии, поведёт её к победам и тем спасёт погибающее отечество. Как Союз офицеров армии и флота отнёсся к конфликту генерала Корнилова

* Судя по биографии, Родионову в то время было уже 50 лет. – *Г. С.*

с Временным правительством, не имею данных судить. Когда и кто писал воззвание Главного комитета Союза офицеров армии и флота, а также, как и когда оно было принято на заседании Главного комитета, мне не известно, потому что на некоторых заседаниях в последние дни минувшего августа я не участвовал, как не участвовал и на том заседании, на котором было принято это воззвание. С содержанием его я ознакомился только 1 сентября. Так как до самых последних дней я был далёк от высших лиц командного состава Ставки, то не могу указать, кто из этих лиц играл выдающиеся роли. Бывшего комиссара при Штабе Верховного главнокомандующего Филоненко я видел только в Офицерском собрании во время завтраков и обедов, знаком с ним не был и никогда с ним не говорил. Насколько я могу судить, Филоненко, будучи офицером, в офицерской среде едва ли пользовался симпатиями и доверием. Бывшего управляющего Военным министерством Савинкова я никогда даже не видал, слышал отзывы офицеров, что он – человек сильной воли, совместно с генералом Корниловым стремится поднять в армии дисциплину и установить порядок. Об Аладьине знал из газет и разговоров ещё во времена 1-ой Государственной Думы, встретился с ним в первый раз в вагоне по дороге из Москвы в Могилёв 17 августа этого года. Я узнал только, что он едет в Ставку, но к кому и зачем, мне не было известно; потом я встречался с ним в последние дни августа раза два-три, в квартире полковника Голицына и у генерала Корнилова. Какую роль он играл – не знаю. Там же, т. е. в квартире полковника Голицына, одновременно с Аладьиным я видел и Завойко. Говорить с ним мне не приходилось, слышал в Штабе, что он состоит телохранителем при генерале Корнилове и будто бы приехал с ним с Юго-Западного фронта...

О генералах Лукомском и Кислякове ничего решительно не могу сказать, так как непосредственно по службе никогда с ними не соприкасался и частных разговоров с ними не вёл. Ни о какой контрреволюции, ни о каком государственном перевороте ни у генерала Корнилова, ни в Ставке вообще не было и речи. По крайней мере, я не слыхал. Все желали только твёрдой власти, восстановления порядка в отечестве и боеспособности армии, ибо каждый ясно сознаёт, что при настоящих грозных временах развал армии и расстройство в тылу знаменует собою близкую и неизбежную гибель отечества. Таково общее мнение громадного большинства офицерства. Я не берусь

судить о характере поведения и действий высших военных чинов Штаба Верховного главнокомандующего, так как был далёк от этой сферы, но что касается офицерства младших чинов, то в массе своей оно в последние дни августа, я бы сказал, испытывало недоумение от всего происходившего, считало своим законным начальством генерала Корнилова и его Штаб, так как заместителя генерала Корнилова в Могилёве ещё не было, да и само Временное правительство предписало исполнять оперативные распоряжения генерала Корнилова, и все чины Штаба исполняли его волю в полной уверенности, что так повелевает им долг перед родиной. Доказательством того, что мысль о мятеже никому из офицеров Ставки и в голову не приходила, служит то, что когда 1 сентября в Ставку приехал начальник Штаба Верховного главнокомандующего, генерал Алексеев, то все беспрекословно подчинились ему и стали исполнять его распоряжения.

Есаул Иван Александрович РОДИОНОВ
Член Комиссии Н. КОЛОКОЛОВ»

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 11. Л. 94–97 об. Автограф.

Будучи верным и преданным Корнилову, И. А. Родионов (в то время ещё есаул) не скрывал такого своего отношения к генералу ни перед кем, в том числе и перед любым начальством. Из материалов того же «Дела генерала Корнилова» (т. II, с. 212–213) можно узнать, что в последних числах августа 1917 года, ещё до Корниловского «мятежа», член Государственной Думы В. Н. Львов по личной инициативе, предотвращая ожидавшиеся беспорядки, получил у министра-председателя Временного правительства А. Ф. Керенского разрешение на переговоры с различными общественными группами, а также на то, чтобы отправиться в Ставку.

«По приезде в Ставку, – *показывает В. Н. Львов*, – я остановился в гостинице Союза офицеров в одном номере с казачьим офицером Родионовым, имя и отчество которого я не знаю; на погонах у него была одна продольная черта, как в пехоте у капитана. Неожиданно для себя от этого офицера я узнал: 1) что Верховный главнокомандующий подписал смертный приговор Керенскому; 2) что у Корнилова готов манифест, и, следовательно, готовится что-то необычайное. К словам офицера я отнёсся с недоверием и потому взял горячо под защиту Керен-

ского, говоря, что все нападки на него несправедливы и что он выдающийся государственный деятель, что Корнилов не Наполеон и не имеет никаких данных, чтобы стать таковым. Когда офицер узнал о моих личных отношениях к Керенскому, то начал относиться ко мне подозрительно и на мою просьбу достать мне билет для выезда из Ставки ответил категорическим отказом, благодаря чему у меня явилось убеждение, что меня хотят задержать. В тот же вечер я был у Корнилова; подробности беседы я не помню, но общий характер её был таков, что я вернулся совершенно успокоенным и сказал разгорячённому офицеру Родионову, что не понимаю его состояния, так как Верховный главнокомандующий настроен совершенно иначе. В разговоре со мной Корнилов высказал, что Временное правительство всегда может надеяться на поддержку. Во время беседы с Корниловым я просил его высказать свою определённую программу и требования, так как имею дозволение Керенского узнать настроение общественных групп. На это Корнилов попросил меня зайти на следующий день к 10 часам утра. Когда на другой день я к нему явился, то он изложил мне следующие свои требования: 1) объявление на военном положении гор. Петрограда; 2) передача всей военной и гражданской власти Верховному главнокомандующему, безразлично кто бы таковым ни был. По второму пункту Корнилов добавил, что возможно и совмещение верховного командования с председательствованием во Временном правительстве. Далее он говорил, что армейские комитеты должны остаться, но необходимо их ввести в законные рамки, что он не враг, а друг народа, высказывал свои демократические убеждения, говорил, что передача всей власти Верховному главнокомандующему должна быть временною, до Учредительного собрания, что всё это необходимо ввиду чрезвычайно тревожного времени для спасения России...».*

Та же встреча члена Государственной Думы В. Н. Львова с незнакомым дотоле ему есаулом описана в показаниях на допросе 7–11 сентября 1917 года самим Родионовым, но несколько иначе:

«... 24 августа сего года во второй половине дня в помещение Главного комитета Союза офицеров армии и флота в гостинице «Париж» пришёл некто Добрынский с В. Н. Львовым. С Добрынским я первый раз встретился 17 августа с.г. в вагоне по

* «Дело генерала Л. Г. Корнилова», т. II, – М.: РОССПЭН. 2003. С. 212–213.

пути из Москвы в Могилёв. Знакомство было мимолётное, чисто вагонное. Тут же я познакомился и с г. Аладьиным, и все мы обменялись впечатлениями о московском Государственном совещании и на этом расстались. Когда 24 августа Добрынский с Львовым пришли в помещение Комитета, то я пригласил их в свою комнату, которую я занимал тут же в «Париже», так как Добрынский заявил, что они с Львовым приехали прямо с вокзала без вещей и у них нет времени на отыскание для себя помещения. Я угостил их чаем. Во время завязавшейся беседы Добрынский показал мне письмо, адресованное на имя Завойко, как он заявил, от Аладьина. Из дальнейшей беседы выяснилось, что Львов приехал в Ставку по поручению министра-председателя Керенского для переговоров с генералом Корниловым о некоторых намеченных Керенским переменах в составе Временного правительства. По словам Львова, перемены должны были состоять в следующем: министром-председателем назначался генерал Корнилов, министром заместителем председателя – Керенский, и в состав нового Временного правительства должен был непременно войти Савинков. О министре Керенском Львов отзывался очень хорошо, называл его идеалистом, в высшей степени талантливым и идейным человеком, необходимым России, говорил, что лично он Керенского очень любит. Потом Львов с Добрынским ушли, сказав, что они должны сегодня же представиться Верховному главнокомандующему. Так как в моей комнате стояла одна лишняя кровать, то я предложил г. Львову заночевать у меня в случае, если у него не найдётся другого, более удобного помещения. Когда ночью я пришёл к себе, Львов уже спал, но тотчас же проснулся и почти с ужасом задал мне вопрос: “Как спасти Керенского?”. Я был удивлён: “От кого же его спасать?”, – спросил я. – (В. Н. Львов): “Верховный главнокомандующий сказал, что между 27–30 августа в Петрограде ожидается выступление большевиков. И я боюсь, что они убьют Керенского, потому что они страшно злы на него”. – “Вероятно, там приняты меры охраны”, – заметил я. – (В. Н. Львов): “Я боюсь. И помимо того, что Керенского я люблю как человека и мне его жаль, подумайте, что произойдёт, если правительство будет уничтожено большевиками. Тогда прервётся преемственность власти, и восстановлять* её придётся посредством pronunciamento**. А это ужасно”. За точность

* Так в тексте.
** Pronunciamento (итал.) – военный мятеж, переворот.

передачи вышеприведённого разговора не ручаюсь, но смысл его был именно таков. Потом Львов сообщил мне, что предложение Керенского встретило сочувствие со стороны генерала Корнилова и что завтра утром он ещё раз побывает у генерала Корнилова, а потом поедет прямо в Петроград для доклада Керенскому о результатах переговоров. Утром Львов ушёл к генералу Корнилову, и больше я его не видал. Раньше до этой встречи я не был знаком с г. Львовым, но на этот раз в разговоре мы припомнили, что раза два встречались в Петрограде лет 7 тому назад в Национальном клубе, но не были представлены друг другу. Прибавить больше ничего не имею».

Есаул Иван Александрович РОДИОНОВ

ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 28. Л. 19–20. Автограф.

Описания Корниловского выступления и первоначального ареста его участников в архиве Родионова нет. Но дальнейшая жизнь узников и близкое общение с генералом Корниловым изложены достаточно подробно. Воспоминания о том поражении давались прозаику нелегко: он писал их с большими перерывами, порой слишком хаотично. Я постаралась выстроить дневниковые заметки в хронологическом порядке, подкорректировав тем самым непоследовательность их изложения.

«... В мою задачу не входило подробное описание укромной жизни сперва в “Метрополе”, потом в Быхове, а потом Новочеркасской и Ростовской эпохи и “Ледяного похода”: об этом уже много написано, – *признавался Родионов в своём архиве через много лет после этих событий*. (Поэтому, – *подчёркивает он*, – я ограничусь только повествованием о моём дальнейшем соприкосновении с Корниловым. Опишу обстановку, поскольку она необходима для этой моей главной темы). Здание (“Метрополя” – места первоначального ареста корниловцев. – *Г. С.*) было густо оцеплено часовыми георгиевцев. В ночь ареста не пришлось заснуть от оглушительных криков, ругани и хождения по лестнице наших “охранителей”. Они митинговали. Я не сомневался, что у большинства георгиевцев было желание немедленно покончить с нами, но их удерживали офицеры-текинцы, стоявшие как мраморные изваяния со своими палашами наголо в руках. Настроенный вполне большевистски Георгиевский батальон два раза старался выйти из казарм, разгромить гостиницу “Метрополь”, а заодно и Корнилова со всеми нами. Эта угроза была предотвращена энергией командира батальона полковника Тимановского. Корниловский же ударный батальон во главе с самым доблестным офицером генштаба Митрофаном Неженцевым каждый день, около часа дня, маршем, с ружьём на руку, проходил мимо “Метрополя”. Корнилов подходил к окну своей тюрьмы. Бурное, радостное “ура!” сотрясало воздух, офицеры салютовали. Восторженные взоры устремлялись к любимому вождю. Корниловцы и текинцы ждали своего Верховного, чтобы мгновенно покончить с большевистскими георгиевцами. Конечно, этого знака им не было дано и, наоборот, Корнилов предупреждал, что этого он ни в коем случае не разрешит.

В первый же день церемониального марша корниловцев неподалёку от того места, где проходил батальон, в одном из домов заседал местный Совет. “Товарищи” так были перепуганы густыми колоннами своих маршировавших врагов с ружьями на руку и бурным “ура!”, что совсем потеряли головы. На следующий день в местных революционных газетах мы прочли возмущённые статьи о том, как такие прогулки корниловцев нервируют “товарищей” и мешают их “планомерной” работе: заседавшие бросились спасаться кто куда, в суматохе чувствительно давили друг другу бока, а один из них выпрыгнул в окно так неловко, что сломал ногу. Газеты были наполнены истерическими криками по этому поводу и требованиями к командованию об уводе из Могилёва “разбойничьих” воинских частей.

С другой стороны, в нашу тюрьму доносились крики торжествующей революционной демократии, приветствовавшей “триумфатора” и “победителя” (Керенского. – *Г. С.*). Из окон мы видели необычайную, беспорядочную суматоху на улицах и угрожающие жесты по адресу мятежников, т. е. нас.

Во время пленения участников Корниловского выступления, – *продолжает свои воспоминания И. А. Родионов*, – до слуха моего то и дело доносились угрожающие яростные крики и брань по адресу нас, “изменников”. Я лично мало беспокоился (по этому поводу. – *Г. С.*), только на всякий случай остановил своё особое внимание на одной довольно увесистой ножке от хромого кресла. Я избрал её как оружие для самообороны. Конечно, я не питал особенных иллюзий на спасение своей жизни в случае самосуда, т. к. поблизости находилось обиталище далеко не дружественных “товарищей”, и сдаться оголтелым дуракам я не мог, равно как и не хотел сам убить себя, как овцу. В существовании разнобоя в среде георгиевцев

я ещё больше убедился, когда, по своей надобности проходя коридором, я должен был круто завернуть налево, в полутёмную, безлюдную часть. Стоявший тут часовой-георгиевец, с подчёркнутой отчётливостью, как это делалось, отдал мне честь, взяв ружьё "на караул". Я был поражён и растроган и только шепнул солдату, чтобы он поскорее опустил винтовку: иначе, если увидит это глаз кого-нибудь из "товарищей", ему придётся дорого поплатиться.

– Мне всё равно. Пусть.., – прошептал он, глотая слёзы.

На другой день ко мне в комнату привели арестованного капитана А. К. Брагина. Он заведовал типографией Ставки и печатал воззвание Верховного. Солдаты-наборщики настояли на его аресте. Нас допрашивали члены Чрезвычайной следственной комиссии, прибывшие из Петербурга вместе с ген. Алексеевым и бывшим военно-морским прокурором Шабловским во главе её (комиссии – *Г. С.*).

По солидному, хотя по важности вполне официальному допросу и по ведению его, чувствовалось, что допрашивающие нас два штаб-офицера душой и сердцем были всецело на нашей стороне. По требованию Корнилова к нему был допущен полковник Голицын, который в былые дни разбирался в наших документах по делу о наших "бунтах" и подготавливал данные для суда.

(Во время допросов – *Г. С.*) ... Корнилов всю вину за "бунты" принимал исключительно на самого себя, выгораживая всех своих единомышленников, мотивируя тем, что он является Главнокомандующим, а все остальные выполняли его приказания.

В первый же день Постановления следственной комиссией были выпущены ген. Штаба подполковник Пронин и полковник Сахаров, как совершенно не причастные к нашему движению, а выполняющие только одни обязанности по занимаемым ими должностям. Подлежал освобождению и член 1[й] Государственной Думы Аладьин, т. к. против него никаких обвинений не предъявлялось, но по мотивам, нам неведомым, воспользоваться свободой член Думы и некоторые другие обвиняемые не пожелали.

Поначалу тюремный режим был довольно суров: нам не позволяли общаться между собой и, конечно, не выпускали из стен тюрьмы. Но жизнь разбивает настроенные людьми перегородки: через несколько дней, хотя и не надолго, мы уже

виделись друг с другом. Раза три я поднимался к Верховному для восстановления некоторых дат и фактов, необходимых для судебного материала.

Во время нашего сидения в "Метрополе" в Ставку приезжал новый Верховный главнокомандующий Керенский. По распоряжению Керенского весь Корниловский ударный батальон был услан под Могилёв, на фронт. Вследствие категорического требования Совета рабочих и солдатских депутатов, Керенский распорядился перевести нас в Быхов. Ночью 12го сентября (1917 года. – *Г. С.*) нас посадили на автомобили и по тёмным улицам, освещённым только зажжёнными факелами в руках ... (далее неразборчиво. – *Г. С.*) отвезли на вокзал... У поезда с классными вагонами нас ожидали члены местного Совета, присланные наблюдать за нашей посадкой. Они вздумали было вмешаться в распоряжения военных и железнодорожных властей. Корнилов возмутился и властным голосом выпроводил неизвестных гостей подальше от поезда. Надо было видеть, с какой дурацкой важностью, с каким оскорблённым достоинством, но уже молча, наблюдали они за нашим размещением в вагонах.

...В Быхове под камеры отвели старые, сырые, со сводчатым потолком, комнаты. Это здание бывшей иезуитской коллегии. Корнилов занимал угловую комнату во втором этаже, выходившую окнами во двор, за которыми серел обширный луг, вдали возвышалась чашей степь, а вправо синела линия Днепра. Остальные размещались в разных камерах по двое и по трое.

Вначале я помещался в бывшей камере Корнилова. Внешний караул по улицам и во дворе рядом расположенного костёла несли георгиевцы, а внутренний, в коридорах и во дворе тюрьмы – текинцы. Хан Хаджиев (поручик конного полка, возглавляющий текинцев, впоследствии в Добровольческой армии личный адъютант генерала Корнилова. – *Г. С.*) спал в коридоре при оружии, у самых дверей комнаты Корнилова. Текинцами были приняты все меры предосторожности на случай ночного нападения на нашу тюрьму. К тому были полные основания: не раз эшелоны революционной армии Керенского, удиравшие с фронта с оружием в руках, вваливались на станцию Быхов с намерением покончить с "мятежным" Верховным главнокомандующим и его сподвижниками, но их попытки быстро предупреждались расквартированной в Быхове польской дивизией генерала русской службы Довбор-Мусницкого.

Несколько дней спустя из Витебской тюрьмы к нам доставили арестованных “товарищами” подполковника Л. Н. Новосильцева, общественного деятеля И. В. Никанорова и А. А. Римского-Корсакова (сенатора, члена Государственного Совета. – *Г. С.*), глубокого старика, а также давнего коменданта Ставки, полковника Квашнина-Самарина. Последнего выпустили дня через два как ни в какой степени не причастного к нашему делу.

Ещё некоторое время спустя в нашу тюрьму прибыли из Бердичева генералы Деникин, Марков, Эрдели, Эльснер, Орлов и другие. Мы ожидали их со страстным нетерпением, т. к. до нас доходили слухи о насилиях, учинённых над ними “товарищами”, что заставляло нас опасаться за их участь. При их прибытии в скотском вагоне, под наблюдением выборных делегатов-“товарищей”, у нас отлегло от сердца... Спасли их в Бердичеве от самосуда “товарищей” конвоировавшие их юнкера.

Прибывшие, подавленные тем хамским отношением и глумлением над ними всё тех же “товарищей”, были поражены нашей сравнительной независимостью и бодростью.

Вначале и в Быхове нас никуда не выпускали из стен тюрьмы, потом разрешили в определённые часы прогулки в саду, а затем и во дворе соседнего костёла. Местные совдепы продолжали настаивать на применении к нам самого сурового арестантского режима и требовали перевода нас на самый скудный арестантский паёк. Но это не удалось. Комендант Ставки полковник Квашнин-Самарин не убоялся никаких угроз и по его распоряжению нас кормили так же, как и в столовой Ставки.

Керенский лишил нас содержания, полагавшегося нам по чинам и занимаемым нами должностям в Армии, что уже было вопреки всяким законам, и ему, как юристу, надлежало бы это знать. И, конечно, он знал это, но Маленький человечек вымещал на нас, беззащитных и бесправных, свою низкую злобу. Благодаря этому, многие из нашей среды, особенно семейные, имевшие единственный источник жизни – военную службу, были поставлены в крайне бедственное положение. Нам было предоставлено право ходатайствовать о пособиях из особых сумм Верховного главнокомандования. Мне не известно, обращался ли кто-нибудь из заключённых с просьбой о таком пособии.

В первые дни нашего пребывания в тюрьме в революционных столичных газетах поднялся страшный вой о наших “преступлениях”. Нам грозили смертью, а некоторые из деятелей

революции (к примеру, Филоненко и Савинков) советовали Корнилову застрелиться и обещали принести на его могилу цветы. Но мало помалу смердящий туман над нашим делом стал рассеиваться даже в глазах самих демократов и революционеров. В печати стали всё чаще и чаще звучать нотки протеста и здравого отношения к нашему делу и, в конце концов, газеты, словно по наущению самого Керенского, призывали доверенных лиц поехать в Быхов и покаяться перед Корниловым.

Конечно, в смысле инспирированных статей, появившихся в петербургских и московских газетах, Быхов не оставался безучастным. Как только произошёл переворот в печати, я понял, что никакого суда над нами не будет. Слишком невыгодно было допущение его для самого Керенского.

... Всеми своими мыслями я был на Дону. Я не сомневался, что Россия, сорвавшись со своей головокружительной высоты, подобно огромной лавине с вершины горы, не может остановиться на середине и по свойству своей народной стихии должна непременно докатиться до дна, т. е. до большевизма. Но большевики, захватив всё, в некоторой части народа натолкнутся на вооружённый отпор. Такой отпор дадут казаки и, прежде всего, донские. Это будет первой ареной кровавой междоусобной бойни. В этом я ни одной минуты не сомневался.

Спустя некоторое время, когда тюремный режим был значительно ослаблен, мы целыми часами проводили на воздухе, в саду и в обширном дворе соседнего костёла. Как только политическое дело Корнилова погибло, и он сам очутился в тюрьме, я ни одной минуты не сомневался в том, что последняя карта России бита, война позорно окончена, и от власти большевиков ничто уже не спасёт нашу Родину. Я страшно страдал.

Во время моих бесед наедине с Лавром Георгиевичем, особенно на прогулках по обширному двору костёла, я высказывал это моё непоколебимое убеждение. Ещё с первых дней появления большевиков на Керенского я смотрел как на предтечу, подготавливающую им путь к власти. Это моё убеждение окончательно окрепло после июльского выступления большевиков в Петербурге. Всё поведение Керенского свидетельствовало, что он играет им на руку.

Вечерами собирались мы (заключённые. – *Г. С.*) в нашей большой камере и делились своими впечатлениями и мыслями. Сначала нас занимал предстоящий над нами суд, но с течением времени вероятность его становилась всё меньше, и доминиру-

ющими темами наших бесед всегда были гадания о ближайшем будущем нашей Родины. Нам с каждым днём становилось всё яснее, что Керенский с его сворой чужеродных советов ведёт Россию к гибели. Позднее в той же большой камере организовывались доклады на различные темы: от политических и литературных до оккультических. Иногда в качестве докладчика выступал и сам Корнилов, делясь своими значительными и поучительными воспоминаниями. Один из таких его докладов для меня лично имел большое значение.

Лавр Георгиевич рассказывал, как в Петербурге, в бытность его командующим Петроградским военным округом, в один из первых дней революции (февральской. – *Г. С.*), на его долю выпала нелёгкая миссия объявить Императрице Александре Фёдоровне об отречении Государя Императора от Престола и об её аресте. Для этого он поехал в Царское Село. "Поверьте мне, господа, что в жизни моей я знал много тяжёлых моментов, но ужаснее тех, которые я испытал в этот раз, я никогда не переживал". При последних словах лицо этого железного, отличавшегося необычайным самообладанием человека, на мгновение вдруг стало красным, как кумач, голос задрожал и прервался.

Кто-то из нас спросил Корнилова, почему эту ужасную, неблагодарную миссию он взял именно на себя, а не уступил кому-нибудь другому. Корнилов, прикрыв ресницами глаза, ответил: "Я не хотел, чтобы кто-либо из хамов, объявляя обо всём этом и без того тяжёлом сообщении, посмел оскорбить Императрицу...

Меня встретила величественная Императрица, – продолжал Корнилов, всё ещё не в силах овладеть своим волнением. – При этом я выслал всех сопровождавших меня, и мы остались вдвоём. Я объявил Государыне об отречении Государя Императора и об её аресте, стараясь, конечно, смягчить всё, насколько оказалось это возможным в моём положении. И несколько минут спустя предо мною рыдала глубоко несчастная, разбитая женщина".

Через несколько лет уже здесь, за границей, из достоверных источников узнал я, что в тот раз генерал беседовал с несчастной Государыней минут двадцать. При прощании она жала руки генерала, оба были растроганы, у обоих на глазах были слёзы...

Надо оговориться, что я (Родионов. – *Г. С.*) как монархист с первого дня революции держался одного и того же мнения,

что этот акт вынужденного отречения Государя Николая Александровича был гибельным для России и династии. Этого своего убеждения я никогда ни перед кем не скрывал.

Среди заключённых он (Корнилов. – *Г. С.*) оставался убеждённым республиканцем. Это обстоятельство доставляло мне немало неудобств, на которые я не обращал особого внимания. Он был для меня как отдушиной, которую в докладе* своём я использовал.

Находясь в Быхове, Корнилову удалось через генштаба полковника Колчинского и вольноопределяющегося 17го Донского казачьего Баклановского полка Фомина (?) (фамилия неразборчива. – *Г. С.*) установить связь с атаманом Калединым. В письмах своих Корнилов советовал атаману насколько возможно скорее вызвать ещё неразложившиеся казачьи части на Дон, т. к. война с иноземными державами для России закончена. Предлагал держать эти части на случай междоусобной войны, а также нащупывал почву, как относятся атаман и Дон к тому факту, если он с быховскими узниками и конным полком будет искать приюта в Новочеркасске.

Ответы Каледина были неопределённые, а о настроении казаков на Дону – пессимистические. Между прочим, чувствовалось, что, помимо всего прочего, Каледин опасался доверить свои мысли бумаге, как бы его письмо не попало во вражеские руки. Всё это волновало Корнилова и заставляло задумываться. Нередко во время наших прогулок во дворе костёла он требовал вернуться в камеру и переговорить с глазу на глаз. Он говорил мне следующее: «Необходимо вам во чтобы то ни стало перебраться на Дон и поговорить от моего имени с Калединым. В письмах он виляет. Надо, чтобы он прямо и категорически высказался, желает ли он принять нас, быховцев и Текинский полк, к себе? (К тому времени Чрезвычайная комиссия понемногу уже выпускала некоторых из наших сотоварищей по заключению).

– Я рад вырваться отсюда на свободу, и чем скорее, тем лучше, – всегда отвечал я. – Бежать отсюда сейчас не имеет

* Поначалу Родионов читал свои воспоминания в эмиграции, в Русском доме Белграда. – *Г. С.*

Доклады эти, по всей вероятности, имели место и в Берлине в 1921–1922 гг. Известно одно упоминание о таких выступлениях Родионова: докладе, прочитанном в Русском общественном собрании в Берлине 7 и 14 февраля 1921 года на тему «Положение на Дону в 1918–1919». См.: Историческая наука российской эмиграции 20–30-х гг. XX века (Хроника). М.: АИРО–XX. 1998. С. 7. – *Прим. ред.*

никакого смысла. Это было бы на руку Керенскому и всем нашим врагам. Я думаю, что Керенский, достигнув своей цели, теперь рад бы расстрелять нас всех, не допустив до открытого суда. Суд над нами ему не выгоден: настроение сейчас не в его пользу. Но побегом отсюда кого-либо из нас мы испортим всё дело.

– Да. И я сам так думаю, – поддержал меня Лавр Георгиевич. – Я постараюсь, чтобы вас выпустили легальным путём, и, как только приедет сюда Шабловский, настою перед ним на вашем освобождении.

Так мы и условились».

* * *

Как видим, наиболее значительное место в воспоминаниях писателя Родионова о генерале от инфантерии Лавре Георгиевиче Корнилове занимает быховское сидение. Здесь собрались тогда вместе с Корниловым генералы: Деникин, Марков, Лукомский, Эрдели и другие руководители Белого движения. По инициативе офицера генштаба, Георгиевского кавалера, а также арестанта, Сергея Николаевича Ряснянского, во время заключения был создан так называемый «Быховский альбом». В нём каждый из узников должен был оставить свою запись. Этот альбом (на самом деле тетрадь) предваряет запись самого инициатора, скрывшегося под инициалами **С. Р.**

Из Быховского альбома

> Однажды, в Быховской женской гимназии, превращённой по приказанию «главковерха» Керенского в тюрьму для генерала Корнилова и присоединившихся к нему во время его выступления в августе 1917 года против Временного правительства генералов и офицеров, я попросил моих соузников написать в особую тетрадь несколько строк на память о наших злоключениях. Все согласились, и в моих руках оказался целый альбом, «Быховский альбом» автографов, который мне удалось сохранить при всех последующих переживаниях.
>
> Я не предназначал его для печати и не сомневаюсь, что каждый, кто писал в него, писал искренне.
>
> Генерал Корнилов и его соузники были первыми, кто начал противобольшевицкую борьбу. Позже он и старшие быховские генералы взяли на себя руководство этой борьбою и стали во главе Добровольческой армии на Юге России. Они боролись за честь и достоинство России, не заботясь о личных выгодах и не щадя своей жизни. В нескольких строках, написанных ими в «Быховский альбом», они высказались ясно, а своей деятельностью полностью оправдали свои слова: в самые трудные минуты особенно смело шёл вперёд генерал Корнилов, предпочёл смерть позорному существованию генерал Марков!
>
> По тернистому пути шли корниловцы, служа духу и ведя борьбу против служителей золотого тельца. Судьба отняла у России генерала Корнилова, отняла жизнь у ряда его единомышленников, не дала победы оставшимся в живых его сподвижникам.
>
> Побеждённых судят...
>
> Но не страшен правдивый суд истории быховцам, они смело могут сказать: «Клянёмся, что в своих действиях мы руководились лишь тем, чтобы спасти Россию!».
>
> *С(ергей) Р(яснянский)* *

А вот и страничка, заполненная есаулом и писателем Иваном Александровичем Родионовым:

> Весело пить, да только похмелье и дорога расплата. Россия, торжествуя свою свободу, перехватила через край. Страшная расплата уже началась, а похмелье ещё и не намечается. В России пир во время чумы, при зареве пожаров, под рёв осатанелой толпы, под аккомпанемент немецких пушек, под торжествующие клики врагов, захватывающих наши города и области, под негодующие предостережения друзей. Но не вечна ночь, за ночью следует и день.
>
> Тяжко думать, что рассвет начнётся тогда, когда от великой русской земли останутся одни жалкие лохмотья, а отрезвевший народ увидит себя одураченным, обобранным, под чужеземным гнётом. Боже, развей поскорее мрак ночной, пошли светило дня. Пусть угарный чад скорее улетучится из твоей, народ, головы, пусть прояс-

* «Дело генерала Л. Г. Корнилова», т. II. – М.: РОССПЭН. 2003. С. 508.

нятся твои хмельные очи. Тогда только возможно спасение...

12 октября 1917 г. *Ив(ан) Родионов* *
Ст(арый) Быхов

Я никогда не выписывал и не старался запомнить изречений великих полководцев, писателей и др. замечательных людей. Но мне глубоко врезались в память следующие слова человека, потерпевшего поражение под Пренцлау**, а впоследствии ставшего одним из главнейших деятелей в деле возрождения своей родины и воссоздания её военной мощи: «Чем тяжелее положение, тем смелее вперёд».

2 октября 1917 г.
Ст. Быхов *генерал Корнилов*

---

* * *

Из истории известно, что освобождение быховских узников значительно ускорилось после захвата власти большевиками 25 октября 1917 года, исчезновения Керенского, ареста министров Временного правительства в Зимнем Дворце и продвижения революционных отрядов к Могилёву.

«Утром 19 ноября, – вспоминал генерал Деникин, – в тюрьму явился (из Ставки) подполковник генерального штаба Кусонский и доложил генералу Корнилову: “Через четыре часа Крыленко (новый главковерх при правительстве Ленина. – *Г. С.*) приедет в Могилёв, который будет сдан Ставкой без боя. Духонин приказал вам доложить, что всем заключённым необходимо тотчас же покинуть Быхов”».

Послав полковника Кусонского к Корнилову, генерал Духонин отлично отдавал себе отчёт в том, что распоряжением освободить быховцев он подписал себе смертный приговор.

* Там же. С. 537.

** Скорее всего, имеется в виду прусский полководец Блюхер.

Под г. Пренцлау 28 октября 1806 г. (ст. ст.) отступавшие на север остатки прусской армии, разбитой французами под Иеной и Ауэрштедтом, потерпели новое поражение, главнокомандующий, князь Гогенлоэ, был смертельно ранен, часть армии сдалась французам. Оставшаяся часть под командованием Блюхера продолжила борьбу, отступая на север, но, будучи окружённой французами в районе г. Любек, вынуждена была сдаться 9 ноября того же года. (Прим. ред.)

Духонин имел возможность скрыться, но он этого не сделал. «Я знаю, – говорил он своим приближённым, – что меня арестует Крыленко, а может быть, меня даже расстреляют. Но это смерть солдатская».

«На другой день, – писал А. И. Деникин, – толпа матросов, диких и озлобленных, на глазах главковерха Крыленко растерзала генерала Духонина и над трупом его жестоко надругалась».*

Изменив свой внешний облик, переодевшись в простую ношенную одежду, бывшие быховцы, договорившись о встрече в Новочеркасске, стали пробираться на Дон поодиночке. Все, кроме генерала Корнилова, который поначалу отправился в дальний путь вместе с верным ему текинским полком. «Вскоре в боях с большевистскими войсками полк был разбит и почти целиком попал в плен. До Новочеркасска добралось лишь 40 текинцев, из них только семеро вступили в Добровольческую армию. Они и составляли в продолжении “Ледяного похода” личный конвой Л. Г. Корнилова».**

Подробности освобождения Родионова из быховской тюрьмы неизвестны. Но, судя по письму его сына Святослава, можно понять, что после семисуточного боя в Москве, то есть где-то 2–3 ноября 1917 года, отец предстал перед ними, отъезжающими в Новочеркасск, на московском вокзале в очень странном виде: в непрезентабельном костюме он был почти неузнаваем и, перекинувшись несколькими словами с матерью, незаметно исчез. Вскоре семья узнала, что голова отца была уже оценена.

Очевидно, что всё же сработала просьба генерала Корнилова к председателю Чрезвычайной комиссии, расследовавшей действия генерала Корнилова и его участников, Иосифу Шабловскому, о досрочном освобождении ещё одного «мятежника», есаула Родионова. И из Быхова, несомненно с трудностями, попадает он сначала в Москву, чтобы проводить семью на Юг, затем срочно отправляется на Дон, к атаману Каледину, о чём договорились они с генералом Корниловым ещё во время «быховского сидения».

И наступает новое время, очень недолгое, но тоже очень трагическое, описанное Родионовым в очерке

* Д. Лехович. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. – М.: «Воскресенье», 1992, с. 144.

** Цитируется (частично в пересказе) по книге «Белое движение: начало и конец». Р. Гуль. Ледяной поход (с Корниловым), с. 493.

Роковые дни

«Эпоха незабвенного атамана Каледина догорала. 22-го января (1918 г. – *Г. С.*) молодой герой, доблестный защитник Тихого Дона полковник Чернецов был предательски зарублен гнусным изменником своей Родины подхорунжим Подтёлковым. Фронтовики не слушались боевых приказов ни своего непосредственного начальства, ни даже Атамана: одни митинговали, делили казацкие деньги и имущество, бросали свои полки и батареи и разъезжались по домам, другие уходили к большевикам.

С 3-го января 1918-го года я состоял во главе войсковой пропаганды, но и при начале моей работы ясно видел, что время упущено, что положение наше с каждым днём становится безнадёжнее и грознее, о чём счёл своим долгом при самом моём назначении откровенно доложить Войсковому Атаману.

К 26-му января в руках Войскового правительства оставались только Новочеркасск и одиннадцать станиц Черкасского округа. Весь остальной Дон был заполнен большевистскими полчищами. Стало уже совершенно очевидно, что станицы Дона нам своею рукою не удержать.

В непрестанных томительных поисках выхода из нашего катастрофического положения я напал на мысль посоветоваться с нашим тогдашним викарием, епископом Гермогеном, прирождённым донцом. Долго раздумывать не приходилось. Утром 26-го я уже был на дому у Владыки.

Хотя знакомы мы были очень поверхностно, тем не менее епископ встретил меня с присущей ему тёплой приветливостью.

Не помню, смог ли я приехать к Владыке уже с готовым предложением или он надоумил меня, но только мы горячо ухватились за одну мысль: предложить Войсковому Атаману объехать на автомобиле вместе с епископом Гермогеном все верные одиннадцать станиц, организовать сборы станичников и уговорить казаков, чтоб они, конные и пешие, немедленно двинули на фронт защищать свой областной город...

– Поговорит Атаман, поговорю я, усовестим станичников встряхнуться, послужить Тихому Дону и самим себе, своим отцам, матерям, жёнам и детям. И с Божьей помощью отстоим Родину от слуг сатаны. Одурели казаки, но не всю же совесть пропили. Убедим, вразумим этих дураков. Придут в себя, возьмутся за оружие. Медлить нельзя. Иначе что же?! Идите к

Атаману, уговорите его. Гибель, гибель всесильная.., – напутствовал епископ.

В этот день у меня был экстренный доклад Атаману по делу пропаганды. Я получил от него текст его первого и последнего обращения к Дону, по-видимому, написанный им самим и переписанный на машинке с его собственноручной подписью. (Подлинник до сего времени сохранился у меня). Обращение Войскового Атамана призывало казаков-добровольцев встать на защиту своего родного Дона. Мне показалось, что казаков (народ служивый с детских лет, воспитанный в строгой военной дисциплине) избранный ими Войсковой Атаман, ими же наделённый высшей властью, не должен призывать, как добровольцев, особенно в такую эпоху, когда ребром ставится вопрос: быть или не быть донскому казачеству, а должен приказать. Я держался того мнения, что призыв, выраженный в такой мягкой, нерешительной форме, в какой он был в обращении, казак поймёт как нечто неважное, а, следовательно, необязательное, а потому может и не исполнить его, приказу же неизбежно подчинится.

В жизни моей, особенно в гражданскую войну, мне лично пришлось испытать много чрезвычайно тяжёлых переживаний, но, кажется, одним из самых тягчайших был мой последний доклад Атаману Каледину.

Я явился во Дворец уже перед вечером. Атаман тотчас же принял меня. По его приглашению мы вошли в его кабинет и сели не как обычно за большим письменным столом у окна, а за маленьким, недалеко от одной из дверей. В комнате было темно и сумрачно, так же, как и у меня на сердце. Атаман повернул штепсель стоявшей на столе лампочки канцелярского типа, с глубоким, узким абажуром. Осветился небольшой кружок на зелёном сукне стола. Комната же, казалось, погружалась в ещё больший мрак.

Всегда спокойный и всегда на вид угрюмый Атаман на этот раз был ещё угрюмее. Как-то безнадёжно и отчуждённо глядели через pince-nez его прищуренные, добрые глаза под насупленными бровями, обвисли к краям губ короткие усы, глубокие морщины на лбу выделялись ещё резче, чем прежде.

Духовная атмосфера была сгущена, давила невыносимо, с вообще молчаливым Атаманом на этот раз говорить было чрезвычайно тяжело.

Я собирал все свои силы и всё своё умение, чтобы доказать Атаману, что в таком виде печатать его обращение бесполез-

но, что оно не произведёт желаемого действия и настоятельно просил его изменить несколько строчек, вычеркнуть слово «добровольцы» и вместо слов «призыв», «призываю», поставить слова «приказ», «приказываю».

Атаман упорно стоял на своём, стал жаловаться мне на непослушание и требовательность казаков, когда они приходят из станиц к нему в боевые части, доказывал, что с такими оголтелыми и падшими людьми, которые уже забыли не только о дисциплине и долге, но даже о своих насущных интересах, ему делать нечего.

Тогда я стал говорить о падении духа в казацкой среде, о необходимости подбодрить казаков и как единственное средство к этому предложил ему немедленно объехать совместно с епископом Гермогеном все одиннадцать свободных станиц, собрать там сборы и поговорить с казаками. Я уверял Атамана, что если он согласится его обращение переделать в приказ, то через своих людей я распространю его по всему Дону (почти во всех станицах у меня были свои верные люди), и казаки всколыхнутся на его приказ, сумеют обойти все большевистские препоны, и съедутся в Новочеркасск, и смогут отстоять свой родной Тихий Дон, но надо чтобы Атаман с епископом объехали эти одиннадцать свободных станиц.

Но все мои увещевания Атаман выслушивал с видимой неохотой и в конце концов ответил твёрдо, категорически, по своему обыкновению произнося слова в нос:

– Не хочу, не поеду. А моё обращение прошу напечатать немедленно, не изменяя ни единого слова.

Обескураженный, выйдя из Дворца, я на минутку забежал в типографию сделать распоряжения по напечатанью обращения и поспешил к ожидавшему меня епископу.

– Ну что Атаман? – спросил он меня.

– Наотрез отказался, не поедет.

– А почему? Какие причины?

– Из всего нашего разговора я вывел заключение, что Атаман совершенно разочаровался в казаках, ни капельки уже не верит им и ничего доброго не ожидает от вашей совместной с ним поездки.

Епископ поник головою и опустился в кресло. Несколько секунд длилось молчание. Владыка тяжело вздохнул и перекрестился.

– Да будет на всё воля Божья!

Лицо его было бледным, и щёки дрожали. Два дня спустя, 29 января, герой войны, на полях битв не знавший поражений, рыцарь без страха и упрёка, честнейший и чистейший из людей, Войсковой Атаман Каледин покончил с собой, пустив себе пулю в сердце, оскорблённое и растерзанное непослушанием и изменой его казаков.

Этот выстрел всколыхнул Дон сверху донизу. Казачья совесть пробудилась и заговорила. Чёрные тучи конных и пеших по распутице, по бездорожью, со всех сторон хлынули к Новочеркасску. Казаки громко клялись отомстить за пролитую кровь Атамана, проклиная самих себя за смертный грех непослушания, беспечности и измены, и клялись грудью отстаивать свой Тихий Дон».

Борьба продолжается

Несмотря на сложность ситуации, обострившейся после завоевания власти большевиками 25 октября 1917 года, белое движение ещё надеялось на новый этап борьбы с красными и предпринимало для этого серьёзные шаги. Бывший Верховный главнокомандующий генерал Алексеев, находившийся в отставке с 11 сентября 1917 г., тоже бежит из Петрограда на Дон, в Новочеркасск. Уже 2-го ноября он приступает к созданию очага вооружённого сопротивления большевикам, так называемой Алексеевской организации, преобразованной впоследствии в Добровольческую армию. И в неё группами и поодиночке пробираются офицеры, юнкера, кадеты, студенты, пополняя ряды людей, готовых, по выражению генерала Деникина, «восстать против безумия и преступления большевистской власти и принести свою кровь и жизнь за разрушаемую родину».

С приездом генерала Корнилова на Дон предельно обостряются и до того сложные отношения между ним и генералом Алексеевым, так как Корнилов требует полной власти над армией, созданной, по сути, Алексеевым. Компромиссное решение находит генерал Деникин: военная власть переходит к генералу Корнилову, гражданская власть и внешние сношения – к генералу Алексееву. Как отмечает в своей упомянутой выше книге Д. Лехович (с. 156), «в день Рождества 1917 года (25 декабря по старому стилю. – *Г. С.*) генерал Корнилов вступил в командование Добровольческой армией».

Однако поддержки со стороны казачества становилось всё меньше. Первым почувствовал свою беспомощность и одиночество покончивший с собой атаман Каледин. И именно это нежелание казаков драться с наступающими красногвардейцами заставило генерала Корнилова в середине января 1918 года перевести все добровольческие части из Новочеркасска в Ростов.

Но Ростов также не оправдал надежд добровольцев. Рабочее население встречает корниловские части особенно враждебно, а буржуазия не откликается на призыв посылать в армию новое пополнение. И 9-го февраля 1918 года Корнилов отдаёт приказ отходить из Ростова за Дон, в станицу Ольгинскую.

> «Мы уходили.
>
> За нами следом шло безумие. Оно вторгалось в оставленные города бесшабашным разгулом, ненавистью, грабежами и убийствами. Там остались наши раненые, которых вытаскивали из лазаретов на улицу и убивали. Там брошены наши семьи, обречённые на существование, полное вечного страха перед большевистской расправой, если какой-нибудь непредвиденный случай раскроет их имя…
>
> Мы начинали поход в условиях необычайных: кучка людей, затерянных в широкой донской степи, посреди бушующего моря, затопившего родную землю. Среди них два Верховных Главнокомандующих русской армией, Главнокомандующий фронтом, начальники высоких штабов, корпусные командиры, старые полковники… С винтовкой, с вещевым мешком через плечо, заключавшем скудные пожитки, шли они в длинной колонне, утопая в глубоком снегу…
>
> Уходили от тёмной ночи и духовного рабства в безвестные скитания…
>
> За синей птицей.
>
> Пока есть жизнь, пока есть силы, не всё ещё потеряно. Увидят светоч, слабо мерцающий, услышат голос, зовущий к борьбе, те, кто пока ещё не проснулись…
>
> В этом был весь глубокий смысл 1-го Кубанского похода. Не стоит подходить с холодной аргументацией политики и стратегии к тому явлению, в котором всё – в области духа и творимого подвига. По привольным степям Дона и Кубани ходила Добровольческая армия, малая числом, оборванная, затравленная, – как символ гонимой России и русской государственности.
>
> На всём необъятном просторе страны оставалось только одно место, где открыто развевался трёхцветный флаг, – …ставка Корнилова».

Это – не Родионов. Это – Деникин, его известные «Очерки русской смуты»*, которые и сейчас, почти столетие спустя, нельзя читать без волнения и даже слёз…

Оставив Ростов, армия двинулась сначала на станицу Аксайскую, где произошла дерзкая и крайне рискованная (но Богом хранимая. – *Г. С.*) переправа артиллерии и повозок по подтаявшему и трескающемуся льду. Затем остановка в станице Ольгинской, где Корнилов приступил к реорганизации Добровольческой армии, насчитывающей около 4 тысяч бойцов.

И в эту армию после самоубийства атамана Каледина и поражения белых в Ростове пробирался к тому времени уже полковник Родионов.

«Я не буду описывать подробности, как я выбрался из Новочеркасска в памятный мне вечер 12 февраля (ст. стиля) 1918 года, когда красные казаки под предводительством изменника – войскового старшины Голубова – уже входили в областной город Войска Донского», – писал Родионов в своём очерке «Тамба», опубликованном в Белграде в 1926 году, в Русской типографии С. Филонова. Это слишком бы удлинило его рассказ, как считал сам писатель.

Суть же состояла в том, что по дороге в Ольгинскую к полковнику примкнули партизаны Иван Андреевич Петров и его товарищ Гриша, которому шёл всего лишь четырнадцатый год. В конце концов после долгих поисков дамбы («тамбы», как называли её местные жители), ведущей в станицу, Родионов и Петров наткнулись на сторожевое охранение Добровольческой армии.

> «Молодой казачий офицер, задумчивый и сумрачный, с фатальным выражением больших, тёмных, с зеленоватым блеском глаз, глядевших исподлобья, с роскошным чёрным чубом, спросил нас, кто мы и откуда?

* «Очерки русской смуты» были опубликованы в Париже в 1922 году. После освобождения из-под ареста в Быхове Деникин стал участником организации Добровольческой Армии. Позже – заместитель генерала Корнилова. После гибели Корнилова, с 31 марта 1918 года, – Главнокомандующий Добровольческой Армии. – *Г.С.*

Конечно, никаких документов у нас не оказалось.

– Кто может удостоверить вашу личность в Добровольческой армии?

Я назвал генерала Алексеева и перечислил всех, начиная с Корнилова, с которыми я сидел в Быховской тюрьме.

– А-а... этого за глаза достаточно... – усмехаясь, заключил офицер.

Личность моего спутника, конечно, удостоверил я.

Нам возвратили оружие и отпустили на все четыре стороны…

С этого момента я был уже в недрах Добровольческой армии, с которой мне пришлось пережить все незабываемые страшные перипетии беспримерного Ледяного похода, сплошь ознаменованного непревзойдённой жертвенной доблестью наших мучеников-страстотерпцев – молодых русских поколений».

Из того же родионовского очерка «Тамба» узнаём мы и о судьбе родных писателя:

«Семью мою, состоявшую из жены и троих малолетних детей с бонной и девочкой-институткой – дочерью одного моего знакомого, я после самоубийства атамана Каледина, нимало не медля, вывез из Новочеркасска… Затем вынужден был временно оставить семью в одной из ближних станиц под охраной моего верного вестового, невзирая на все перипетии революции не покидавшего меня с первого дня войны...».

Но верного вестового призвали в ополчение, и Родионовы остались без заступника. Всех их вскоре нашёл партизан Петров, честно выполнивший просьбу Ивана Александровича, и с опасностью для жизни переправил его семью в отдалённую станицу, где впоследствии встретились и отцы, и дети, коим, как известно из биографии писателя, также довелось перенести все муки и страдания сурового похода.

Рыцари тернового венца

И если в дневниковых записях нет подробного описания Ледяного похода (Родионов считал, что об этом и так уже много написано, в том числе и им самим), его участие запечатлено, однако, в воспоминаниях Н. Н. Львова* «Свет во тьме» и частично в очерке В. Ларионова** «Последние юнкера» (Цит. по изд.: Первый Кубанский «Ледяной» поход. – М., Центрполиграф, 2001). Начну с Н. Н. Львова:

«В Ольгинской станице к нам присоединился И. А. Родионов, пришедший пешком из Новочеркасска. Мы сменили сани на подводу, Иван Александрович купил вороного коня, и мы тройкой, парой в дышле и киргизёнок на пристяжке, вчетвером на телеге двинулись в путь… (в сторону Екатеринодара для соединения с кубанскими белыми частями. – *Г. С.)*

Родионов был известен как писатель правого лагеря. “Наше преступление” вызвало бурю негодования в либеральных кругах. Судьба соединила нас, как бы нарочно столкнула политических противников на одной телеге в течение длинного ряда дней нашего похода (с 9-го февраля по 30 апреля 1918 г. – *Г. С.*). Родионов – человек трезвого, положительного склада ума – был чужд какой-либо идеализации народа. Он понимал всё значение быта и ненавидел то, что разрушает быт, старый уклад народной жизни. На казачество Родионов возлагал большие надежды. Он был уверен, что казачество стряхнёт с себя революционное наваждение, потому что в казачестве крепок бытовой уклад, тогда как в русской деревне быт разрушен. “Для народа нужен устав, – повторял он, – без устава русский человек пропал”***.

---

* Львов Николай Николаевич, р. 1867 г. Земский деятель, один из основателей кадетской партии. Товарищ председателя Государственной Думы. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, затем в Вооружённых силах Юга России. В эмиграции член ЦК Русского Народно-Монархического союза. Писатель и публицист.

** Ларионов Виктор Александрович, р. 13 июля 1897 г., в Санкт-Петербурге. С июня 1917 года – юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского похода. В эмиграции – член боевой организации Кутепова. Умер в Мюнхене в 1984 г.

*** Из воспоминаний Н. Н. Львова цитируются только отрывки, связанные с И. А. Родионовым. – *Г. С.*

… Сколько раз на стоянках Родионов старался растолковать хозяевам, за что мы боремся. Хозяин-казак как будто соглашается, подумает и вдруг скажет: “Нам ничего дурного не сделают. Они с буржуями воюют, а нас, казаков, не тронут”. Иван Александрович рассердится, опять примется вразумлять, а толку никакого – так и махнёт рукой.

…Обоз назывался почему-то у нас “главными силами”, тогда как он являлся главною обузою для армии. Нужно было охранять его, ждать лишнее время на переездах у железных дорог и при переправах через реки заботиться о его прикрытии, когда войска уходили вперёд. Обоз являлся серьёзным тормозом для боевых операций.

Не раз в обозе распространялись слухи, что генерал Корнилов хочет бросить нас и идти с одними войсками. Но слухи эти, как и все обозные слухи, были неверны. Генерал Корнилов заботливо относился к раненым и ко всем безоружным людям, которые связали свою судьбу с армией. Ни разу он не оставлял тяжело раненных в станицах, ни разу не допускал, чтобы обоз подвергся нападению большевиков; больше того, неудача под Екатеринодаром объяснялась тем, что не была двинута в бой с первых же дней бригада генерала Маркова, оставленная на том берегу Кубани для прикрытия обоза с ранеными.

Кроме раненых, с обозом ехали и шли пешком: охранная рота, служащие разведывательного отделения, люди, связанные тем или иным путём с Алексеевской организацией; везли казну на подводах, серебряную монету и кредитные билеты из Ростовского отделения Государственного банка, ехали и жёны офицеров (и, как мы знаем, порой с малолетними детьми. – *Г. С.*), и сёстры милосердия, были и люди, неизвестно почему затесавшиеся в поход…».

Далее об участии И. А. Родионова в «Ледяном походе» пишет в том же сборнике В. Ларионов в очерке «Последние юнкера»:

(В двадцатых числах марта. – *Г. С.*) «…красные, бросив крупные силы в контратаки, несколько раз прорывали наш фронт. Генерал Корнилов остановил нашу батарею, направил её в прорыв и, стоя во весь рост на стогу сена, наблюдал, как наши орудия метким огнём остановили густые цепи красных, потеснивших кубанцев генерала Богаевского почти до батареи, где красная пехота прорвала нашу редкую цепь. А позади, за мостом, где с тыла нажимала группа Автономова, пришлось снять с обоза всех, могущих держать винтовку, всех легко раненных из лазарета. В этой цепи шли и донской писатель Родионов, и журналист Борис Суворин».

Это было наступление на Екатеринодар, кончившееся поражением и унесшим жизнь генерала Корнилова. В командование армией вступил генерал Деникин. Он отменил штурм Екатеринодара и повернул армию в сторону Донской области. И 3-го апреля Добровольческая армия достигла станиц Мечетинской и Егорлыкской к юго-востоку от Ростова. Так закончился знаменитый «Ледяной поход» Добровольческой армии, вместе с которой совершил его и казачий офицер Иван Александрович Родионов. И, как многие другие участники этой героической эпопеи, он также был награждён знаком 1-го Кубанского похода I степени, изображающим меч в терновом венце на Георгиевской ленте.

Однако вскоре, протестуя против ряда действий нового Главнокомандующего генерала Деникина, Родионов покидает Добровольческую армию и в середине апреля 1918 года возвращается снова на Дон, в освобождённые от большевиков части Донской области.

К этому времени в мае 1918 года Атаманом Войска Донского избирается генерал П. Н. Краснов. В Новочеркасске, при атаманстве генерала Краснова, Родионов, как мы уже знаем, назначается директором Донского телеграфного агентства и редактором-издателем журнала «Часовой». (Более подробно об этом периоде – в письме Родионова генералу Краснову уже в эмиграции, в 1934 г.).

Начало конца

Через два с лишним года скитаний, временных побед и поражений, Добровольческая армия была почти обескровлена. Крайне измученным и усталым, морально подавленным чувствовал себя и генерал Деникин. На повестке дня стал вопрос об избрании преемника Главнокомандующего. Среди имеющихся претендентов предпочтение в высших военных кругах отдавалось генералу Врангелю, ранее командовавшему Кавказской армией. Сложные отношения между Главнокомандующим Добровольческой армией генералом Деникиным и генералом

Врангелем вынудили последнего подать прошение об отставке, а до приказа об увольнении уехать сначала в Крым, а затем в Константинополь.

Понимая всю серьёзность и ответственность момента, генерал Деникин преодолел личные разногласия и особой телеграммой от 21 марта 1920 года вызвал генерала Врангеля на Военный Совет в Севастополь, и уже 22 марта того же года Деникин отдаёт свой последний приказ войскам:

> «*Генерал-лейтенант барон Врангель назначается Главнокомандующим Вооружёнными силами Юга России. Всем, шедшим честно со мною в тяжёлой борьбе, – низкий поклон. Господи, дай победу армии и спаси Россию*».

Краткая справка об истории прихода к командованию Добровольческой армией генерала Врангеля дала мне возможность перейти к воспоминаниям о том времени Митрополита Вениамина, кстати, хорошо знавшего писателя Родионова.

* * *

«… Когда я вернулся с фронта, то доложил нашему Синоду, а потом и генералу Врангелю буквально так:

– Наша армия героична, но она не крещёная! Вывод, в сущности, ужасный.

Что делать? Синод, архиереи…, – мы были бессильны и совершенно неавторитетны в глазах военных.

– Э-эх! Ну, что там говорят попы! – сказали бы нам в ответ.– Одной бесплодной проповедью больше, и только!

Авторитет, а он, действительно, был тогда, имел лишь Врангель: его любили, ему верили, его боялись. Но вот результат, – и он почти ничего не мог сделать. Разложение духа было уже глубокое. Так мой наивный вопль замер в воздухе и после этого первого доклада, а потом – и в случае с бранью. Через несколько месяцев я подведу итог и письменно доложу о нём Совету министров. Но будет уже поздно. А точнее сказать, было ещё слишком рано.

Что это? Отдельные ли незначительные случаи! Или тут вырисовывалась уже общая картина? Мне бы хотелось верить первому, хотелось верить в чистоту белых риз. А иначе на что мне надеяться? Сил военных горсточка – всего 15–20 тысяч! Что это такое перед миллионами советской страны? Да ещё после страшных поражений и бегства добровольцев со всех

фронтов, когда авторитет и страх перед белыми пропал? Невольно начинало закрадываться в душу сомнение: не последняя ли страница пишется белыми?

Этот итог и пришлось мне, уже в июле, выслушать в откровенной форме от писателя Ивана Александровича Родионова. Имя этого человека не всем известно, а между тем от него осталась поразительно сильная книга, изданная около 1907–1908 года, «Наше преступление». Казак родом, он имел поместье в Псковской* губернии и описал нравы местных крестьян. Там есть такие потрясающие картины морального разложения и совершенно невероятных форм богохульства крестьян, что я, читая лекции в Петербургской академии, для характеристики современной нашей паствы не мог пред взрослыми студентами цитировать некоторые страницы с кощунствами. А то была фотография с подлинных фактов.

Родионов говорил, что это наше интеллигентское преступление, мы внушали народу безбожие и прочее!

После он написал ещё книгу “Жертвы вечерние”, как дети-кадеты в Белой Армии отвечали своими поздними жертвами за ранние грехи своих отцов. И ещё написал стихи про Москву Белокаменную.

Генерал Врангель вызвал его из Турции, предложил ему стать во главе печатного дела. Он отказался. По прежнему ещё знакомству с 1906–1907 годов по делу Распутина, он зашёл ко мне с визитом. Я угостил его обедом. С жалостью спрашиваю, почему отказался.

“Видите, – ответил он, – чтобы победить большевиков, нужно одно из двух: или мы должны задавить их числом, или же духовно покорить своей святостью. Ещё лучше бы и то, и другое. Вы здесь, хоть и благочестивы, но не святы. Ну, а о количестве и говорить не приходится. Поэтому дело наше конченное, обречённое. И я отказался от напрасного подвига”.

Я ему что-то говорил об успехах армии. Тогда белые разбили Жлобу с его частью Красной Армии. Но Родионов не придавал этому эпизоду никакого значения.

Сам он был человеком крутого нрава, железной воли и даже физической силы. Вероятно, подковы легко мог гнуть и ломать. При этом был глубоко религиозным и церковным христианином, даже приучился к непрестанной молитве Иисусовой.

* Ошибка. Правильно – в Новгородской. – *Г. С.*

После разгрома белых, когда я тоже приехал в Константинополь, его уже не было там, он перебрался в Берлин. Я написал туда ему письмо: “Вы-де оказались пророком о Крыме, что же теперь думаете о дальнейшем?”. Он отвечал: “Много дум в голове, но писать не буду, потому что люди учатся лишь опытом, и притом собственным!”.

После он приезжал в Париж, там исповедовался и причащался. Всё больше молился. Скончался, кажется, в Германии, оставив одного или двух сыновей, не знаю – от первой или второй жены. С первой он разошёлся из-за своего тяжёлого характера.

Но мы ещё верили в успех, ещё не изжит был дух борьбы белых. И нужно было довести дело до последнего конца. Начались военные операции.

Говорить много о военных действиях нет нужды. История Добровольческой (со времён генерала Врангеля её стали называть Русской) армии в этот последний период белого движения отнюдь не определялась сражениями. Правда, в Сербии мне пришлось слышать доклад одного из добровольцев-офицеров, Туган-Барановского, который объяснял неудачи наши именно какими-то неверными военными действиями: вот если бы не так, а так.., да если бы не то, а не это.., тогда бы... Скучно всё это было. И Родионов был прав, когда говорил о массивных фундаментах движения: или колоссальной армии, или какихлибо духовных причинах, способных воздействовать на массовую психологию народов земли Русской».

Митрополит Вениамин (Федченков).
«На рубеже двух эпох». М.: «Отчий дом». 1994. С. 247–248.

Последнее «прощай»...

Вместе с другими бывшими добровольцами семья Родионовых и её глава покидают Россию и через Крым по Чёрному морю прибывают вначале в Константинополь, а затем переезжают в Югославию. Устроив семью, Иван Александрович в 1922 году подаётся на заработки сначала в Париж, а потом в Берлин, где издаёт «Жертвы вечерние», книгу о «Ледяном походе», ценную тем, что писал её непосредственный участник тех

трагических дней. Напомню, что в том же 1922 году Родионов переиздаёт «Наше преступление» и ряд других произведений.

Однако финансовые дела семьи поправить ему не удаётся. Он продолжает писать, но почти ничего не печатает. Зато обильно изливает своё настроение, свои воспоминания и размышления в дневниках и письмах к оставшимся ещё к тому времени его друзьям. Среди них и Пётр Николаевич Краснов, с которым связала его не только военная судьба, но и большая человеческая дружба.

* * *

Из переписки в годы изгнания И. А. Родионова с генералом П. Н. Красновым *(1934 г.)*

«Христос Воскресе,

Глубокоуважаемые и дорогие
Лидия Фёдоровна и Пётр Николаевич!

Извините, что христосуюсь с Вами с большим опозданием. Должен объяснить причину, и тогда Вы меня простите. Посылаемую статью я кончил за три дня до Святого Христова Воскресения, но чувствовал уже, что изнемогаю, однако хотел писать Вам письмо. Не тут-то было. И голова, и руки отказались служить. Тогда я понял, что заболеваю, но всё в постель не ложился. Дело в том, что всю зиму у нас свирепствовал грипп. Все переболели. А меня Бог хранил. Зима выпала для здешних мест очень суровая и продолжительная, весна страшно холодная. Достаточно Вам сказать, что до сего дня топим печи.

Вероятно, у меня дело обошлось бы легче, но я не хотел пропустить светлой Заутрени. Холод был адский, церковь промёрзшая, при выносе плащаницы дул пронизывающий ветер, а хожу я «на босу голову»: мало волос осталось. Схватил ужасающий кашель, насморк и прочие прелести. Только сегодня я почувствовал себя совершенно здоровым и взялся за перо, чтобы написать Вам. А то меня это очень мучило. Вы меня ужаснули, назвав цифру в 6000 дон. казаков за границей. Сколько я наводил справок, все меня уверяли, что их по крайней мере вдвое больше. И я так думаю. Тогда картина совершенно меняется. И Вы совершенно правы: тут сделать ничего нельзя. Или атаманствовать так, как атаманствовал покойный Африкан

Петрович, на что Вы неспособны, или Атаман должен иметь кое-какие собственные фонды, каких у Вас нет. Сознаю, что Ваш отказ от кандидатуры в Атаманы имеет под собой реальную почву. На Вашем месте я поступил бы так же. Но это бесконечно больно. Относительно «за здравие и за упокой» я вот что имел в виду: может быть, Вы припомните, что я был очень против института министров и даже отказался быть министром, когда Вы мне предложили.

Для меня тогда же было ясно, что это неверный путь, чреватый печальными последствиями. Я стоял за институт двух помощников Атамана: одного по военной части, другого – по гражданской. При этом, верьте совести, не прочил свою персону ни на одно, ни на второе место. Если бы Вы даже предложили мне, я ни за что не согласился бы. Может быть, припомните, что я поздравил Вас с выбором в Атаманы ещё до Вашего фактического избрания. Но у меня заболело сердце ясным предчувствием недоброго тотчас же, как Вас избрали. Я заметил, как перед Вами в коридоре суда закружились разные претенденты на министерские портфели, «чающие движения воды». Особенно мне памятна коротенькая фигурка на кривых ножках молодого полковничка в длинной, серой разлетайке с башлыком. Вы были окружены массой людей. Он кружился перед Вами, забегая со всех сторон. Здесь я увидел его в первый раз, а разглядел в полную меру, оценил только в Берлине. Я понимал, что Вы поставлены перед необходимостью учредить министерства, и не осуждал Вас. А этим нелюдям, а этим людишкам во что бы то ни стало хотелось «поиграть в министров». И я решил не принимать никакого участия в политической жизни и через два дня уехал из Новочеркасска.

Пошёл я без всяких уговоров в редакторы, т. к. не видел человека, который при тогдашних обстоятельствах, без сотрудников, мог бы создать большую, здоровую по духу газету: [кадетские терековские … (? неразб. – *Г. С.*) журналисты in corpore (сообща) заявили мне, что сотрудничать со мной отказываются].

Я рассчитывал, что подчинён буду непосредственно только Вам. Потом оказалось, что я подчинён А. П. Богаевскому, присланному главарями Добровольческой армии с тем, чтобы испортить Вашу работу, в свои сроки вместо Вас сесть на атаманство и во что бы то ни стало «обезвредить» меня.

...В то время уже не было «Донского Края», а орудовал на приобретённых мною с великими трудами новых машинках с

новым шрифтом Кузьмин со своими «Донскими ведомостями», между прочим, проворовавшийся в Болгарии и посрамлённый. Я послал к Вам члена Круга Каргинской станицы Лиховидова, теперь умершего. Не знаю, говорил он Вам об этом или нет. Сознаюсь, что сам я был глубоко обижен Вами не тем, что уничтожили мою газету и меня отставили, а самой формой увольнения.

Я видел, что Вы жертвовали мной, чтобы помириться с Вашими врагами, и знал, что они останутся теми же врагами или ещё горшими, чем были. Кроме того, я хоть и не был болен, но был крайне переутомлён. Две недели я пролежал в постели. Тут всё сказалось: ужасающий удар – отречение Государя, страшные дебаты с генералом Брусиловым, вся корниловская эпопея, в которой мне пришлось принять очень большое участие, быховское сидение, калединские месяцы, когда мне пришлось бороться в одиночку с Парамоновым и К°, Ледяной поход и Ваша эпоха. Ведь я по нескольку суток не спал, и если мне иногда удавалось поспать полтора часа в ночь, то я уже был счастлив. Вот Вы говорите, что я в основу кладу чувство, а не разум, что моё письмо «основано на неверных представлениях». С последним совершенно согласен, п[отому] ч[то] неправильно был осведомлён о количестве казаков за границей. А с первым Вашим положением никак не соглашусь. Задолго до российской катастрофы я один из немногих, почти одинокий, предупреждал о ней. Верили мне? Нет. Многие ужасались, но твёрдо верующих я не видел... «Да, мол, кое-что и правда, а больше фантазия, как-нибудь всё образуется». Я мог бы пересказать Вам много таких моих предвидений, которые исполнились точка в точку, и политических, и обыденных. Иногда я ошибался, но редко и, как я заметил, в тех только случаях, когда сам не хотел верить себе, поддавался общему виденью, п[отому] ч[то] все мои предвиденья весьма печального свойства, п[отому] ч[то], думаю, живём мы в ужасное время, переполненное трагически-печальными явлениями.

Я не ясновидящий. У меня никогда не было никаких видений, не подвержен я галлюцинациям. Фантазией я настолько не обладаю, что даже в писаниях своих не могу разобрать того, чего я сам не испытал, не передумал и не перечувствовал.

Я и не пророк, п[отому] ч[то] человек безмерно грешный. Господь не говорит моими «нечистыми устами». В моих предвиденьях чувство играет очень небольшую роль. Я реально знаю человеческую душу, довольно хорошо взвешиваю соот-

ношение сил, борющихся во всём мире. А для этого нужна почти совсем точная арифметика, в которой чувства в %, как всем известно, ни на крапинку нет. Значит, у меня есть что-то другое, вероятно, разум».

Как видим, в письме к Краснову Родионов далеко не лестно отзывается о генерал-лейтенанте А. П. Богаевском. Однако в другом письме, узнав о смерти боевого генерала, он, как истинный христианин, пишет о покойном крайне взвешенно, подчёркивая его заслуги и безусловный военный талант.

Памяти Войскового атамана Африкана Богаевского

Заметки в дневнике (осень 1934)

«21 октября скончался в Париже Войск[овой] Атаман Всевеликого Войска Донского Африкан Петрович Богаевский, ещё раньше его на несколько дней умер бывший президент Франции Р. Пуанкаре. С Богаевским я встречался и в Великую войну, и в Ледяном походе, и во время политической деятельности в Новочеркасске при Атамане Краснове. По моим личным наблюдениям и по единодушным отзывам его бывших подчинённых, он поразительно храбр, спокоен и находчив в делах. Это человек боевого склада.

Покойный ген. Д. П. Сазонов, однополчанин Богаевского, часто говаривал: «Я ненавижу и презираю Африкана за его политическую деятельность, но он храбр, как лев». Такое и на меня он производил впечатление. В политике низок, а на поле чести безупречно храбр. В обычной жизни он был мягок, даже апатичен, как бы полусонный, несколько как бы разнеженный, в бою совсем другое! Тот человек, да не тот. Куда-то девались маски разнеженности, апатии или лени; лицо оживало, с чёрных глаз сползала поволока, они становились необыкновенно ярки и веселы, улыбка не сходила с уст, распоряжения отдавал ясные и краткие. Чувствовалось, что человек этот под огнём, в опасности – в своей сфере. Едва ли чувство страха владело им. Он появлялся в самых опасных местах. Офицеры, казаки и солдаты обожали его и верили ему. Видимо, рождён он был для войны. Герой Корнилов очень высоко ценил его и в Ледяном

походе, беспримерном по геройству, давал ему самые ответственные задачи. Вся Добровольческая армия держалась тогда на Маркове и Богаевском. Марков был красочен и порывист. Богаевский спокоен и скромен. Совершенно иным оказался он на политическом поприще. Над свежей могилой не пристало вспоминать об отрицательных качествах погибшего. Напишу в другой раз».

Следующий отрывок из письма Родионова к Краснову мне хотелось бы предварить некоторым пояснением. Избранный Донским атаманом в мае 1918 года генерал Краснов со своим войском постепенно освобождал от большевиков территорию Дона, отменяя все законы и декреты Временного правительства и Совета Народных Комиссаров. Он стремился к полной автономии Дона, к пусть небольшому, но государству со своей армией, своим флагом, гимном, финансами и т. д.

Но так как дальнейшая судьба Донской области, по убеждению атамана, всецело зависела от немцев, то генерал Краснов, уверенный в их конечной победе над союзниками, безоговорочно принял германскую ориентацию.

Это стремление к сотрудничеству с немцами (ещё вчерашними врагами) не нравилось ни генералу Деникину, ни генералу Алексееву, ни другим высшим чинам Добровольческой армии. С одной стороны, они понимали вынужденность такого союза, с другой, – считали, что Краснов всё больше попадает под вассальную зависимость от Германии.

И в феврале 1919 года из-за противоречий с командованием Добровольческой армии генерал Краснов подаёт в отставку и уезжает в эмиграцию, в Берлин. В 30-е годы к власти в Германии приходит Гитлер. Судя по ответу Родионова на письмо бывшего атамана, Краснов явно приветствует нового вождя нации, что, кстати, было в то время не таким уж редким явлением.

Однако мнение Родионова на этот счёт иное. Оно гораздо прозорливее красновского. Оно п р о р о ч е с к о е …

Отрывок из письма к П. Н. Краснову
конец 1934 года

«О фюрере я прежнего мнения, никогда не отрицал его удивительных заслуг для Германии и не отрицаю этих заслуг до сегодняшнего дня. Последние слова подчёркиваю. Но основа та, на которой он танцует, гиблая, гнилая. Он играет на безумном и кровавом аномальном шовинизме, на их ужасной национальной гордыне, которая приведёт в будущем к страшной катастрофе. Русский народ он презирает и ненавидит, он всё-таки верхогляд и под ужасным влиянием своего вдохновителя и друга Розенберга, уроженца Ревеля или Литвы и, кажется, бывшего русского прапорщика военного времени.

Розенберг – последователь Моммзеновской* исторической теории, спит и во сне видит обращение русского народа в навоз для удобрения немецкой почвы. Я его очень хорошо знаю и много с ним говорил, когда перевод “Жертв вечерних” печатал в Völkischer Beobachter в 1923 году, между прочим, предостерегая их глупые выступления, предрекая им полный провал и виселицу. Сейчас они думают отхватить Остзейские провинции, не прочь и Украину. Да кто им даст? Россию европейцы уже поделили, если бы могли. Не могут, так как немедленно вся Европа захлебнётся в крови. Это понимают все, кроме немцев».

---

* Теодор Моммзен (1817–1903) – знаменитый немецкий историк, юрист и филолог, поклонник сильной власти, сторонник войн за присоединение к Германии новых земель (в частности Шлезвига, в то время принадлежавшего Дании). – *Г. С.*

Эмигрантские будни

Из биографии Родионова известно, что, живя за границей, он примыкал к группе так называемого Высшего Монархического Совета, возглавляемого Великим Князем Николаем Николаевичем. В дневниковой записи от 20-го ноября 1928 года писатель сообщает:

> «…Вчера вечером был на фильме “Царская Россия”. Лучше бы не ходил, не ворошил старые раны. Как тяжело смотреть на величие, мощь и красоту России, вместо которой сейчас гигантское пожарище, Голгофа, арена всяческого непотребства и мерзости. Блаженны те, кто не дожили до её унижения и позора и умерли во дни её величия. На экране множество раз … (далее неразборчиво, вероятно, «во времена». – *Г. С.*) эпохи своего царствования появляются Государь, Государыня, маленький прелестный ребёнок-наследник, великие княжны, Москва, Кремль, Ялта, Ливадия, парады войск, лихая джигитовка казаков. Дальше – Белая Армия, Галлиполийский лагерь, ужасные условия существования людей, в пустыне брошенных…
>
> И как апофеоз грусти В[еликий] К[нязь] Николай Николаевич, его величественная фигура в штатском, во дворе его усадьбы в Шуаньи под Парижем; потом его старое, заросшее седою бородою, с выражением глубокой грусти лицо в автомобиле, на шофёрском месте, за рулём…».

Примерно через полтора месяца, 7 января 1929 года, Родионов посещает своих друзей, эмигрантов Кошкарёвых.

> [От них он узнал. – *Г. С.*], «что по слухам Великий Князь Николай Николаевич скончался. Сообщали по радио: ещё точно ничего нет. Его столько раз здешняя печать хоронила, что, может быть, и сейчас слухи окажутся ложными. Но многое [говорит о том], что на этот раз – это печальная правда…
>
> Третьего дня (т. е. 10-го января. – *Г. С.*) в госпиталь привезли русского ветеринарного врача, служившего на

сербской службе, Синявского. Он болел воспалением лёгких. Вчера в 10 часов он умер. Во время Мировой войны он был на Кавказском фронте у Великого Князя Николая Николаевича главным ветеринаром. Совпадение: Великий Князь, а трое суток спустя бывший подчинённый последовал за ним.

[Вскоре сообщили. – *Г. С.*], что во главе эмиграции стал генерал Кутепов. Встречал его во время Ледяного похода. Он произвёл на меня впечатление человека грубого, но безусловно человека храброго и большой воли. Но для возглавления эмиграции он едва ли годится. (Впрочем как на её рост?)».

Далее Родионов излагает свою довольно нелицеприятную точку зрения на русскую эмиграцию:

«В революции эмиграция никогда решающей роли не играла. И мы не можем быть исключением из этого правила, в особенности при нашем разнобое. Излечилась ли наша эмиграция от своих старых болезней? Нет. С каким гибельным грузом прибежала она за границу, с тем и осталась. Жизнь России прошла мимо неё. Люди учатся опытом. В России учатся, а эмиграция пережёвывает старую жвачку… Доминирующее положение в обществе, в журналистике и литературе остаётся за [новыми? – *Г. С.*]. Всего лучше это выразил Мережковский в Белграде на съезде писателей. Этот милостивый государь хвастался тем, что он жизнь проработал на разрушение великой Родины своей, в этом не раскаивается, а этим гордится. Надо быть дураком и русским дураком, т. е. набитым, чтобы гордиться этим. В Сербии он увидел настоящую идеальную демократию. Что-то запоёт этот глупец после (очевидно, **заявления**, т. к. слово по-французски написано неразборчиво. – *Г. С.*) от 6 января, сделанного королём (сербским. – *Г. С.*) Александром».*

Будучи убеждённым монархистом, Родионов приветствует решение короля Александра смахнуть скупщину, упразднить все общественные выборные должности и объявить себя одного носителем всей власти в родной стране. Последний считал, что именно «идеальная» демократия довела Югославию до края бездны.

* Имеется ввиду непризнание королём большевиков. – *Г. С.*

«Смотрите, – продолжает Родионов, – все смирились, народ доволен. Что же теперь запоёт господин Мережковский?.. Мережковскому остаётся лишь возвратить «демократическому» королю орден, который он удостоился получить: король-то нынче – абсолютный монарх».

Следующая запись относится уже ко времени пребывания писателя в монастыре Житомисличи, куда он попал по благословению сербского патриарха Варнавы.*

10 октября (нового стиля) 1934 года.

«Боже мой, – пишет Родионов, – какое несчастье! Какой ужас! Сегодня, часов в 9 утра прибежал в мою комнату монастырский ученик Савва – мальчик лет 16-ти, глаза выпучены, на лице нервическая усмешка.

– Вы слышали, господин полковник, нашего Короля убили, – говорит он мне по-сербски.

Я был потрясён. Но всякому человеческому сердцу свойственно надеяться на лучшее. Слишком ужасная весть!

– Где его убили, когда? Кто тебе сказал? – забросал я вопросами монастырского ученика.

– Во Франции, в каком-то городе, забыл.

– Да откуда ты знаешь?

– Да учителю бумага пришла вывесить траурные флаги. А в дучане (в лавке) говорят, что Короля нашего убили из револьвера…

– Да откуда же в дучане узнали?

– Из Беркасова (волость). Старшине по телефону сказали. Но от народа ещё скрывают.

…Страшно было верить. Вчера Король должен был высадиться в Марселе с миноносца «Дубровник».

– Когда убили-то?

– Говорят вчера.

Я бросился к управителю монастыря. Он тоже был в изумлении и ничего не знал, но показал мне «надгребенье» (официальную бумагу) от старшины, в которой тот приказывает вывесить траурные флаги…

Я побежал в дучан. Дучанщик, для мужика довольно интеллигентный, милый, читающий газеты, интересующийся политикой, рассказал мне, что Король убит в Мар-

* Причина – трудное материальное положение: писать писал, но не печатался. – *Г. С.*

селе вчера, в 4 часа дня, что к 8-ми часам вся армия в Югославии уже присягнула маленькому Королю Петру II (ему одиннадцать лет), что регентом будет принц Павел.

В дучане было несколько местных селяков. Они не сомневались в действенности страшной вести. Лица печальные, сумрачные. Покойный король пользовался любовью народа. Он понимал народ, а народ понимал и чувствовал его своим непосредственным чутьём куда яснее и лучше, чем демократическая интеллигенция.

Я вернулся к себе страшно удручённым добытыми сведениями. А верить-то всё-таки не хотелось. Сердце протестовало. Я любил и ценил этого светлого рыцаря на престоле. Среди зловонной грязи, какой до ушей залила себя «культурная» христианская Европа (хотя, к счастью, и в ней имеются ещё чистые островки), среди меркантильности, пошлости, подлости, воровства, полного отрицания всяких моральных начал и даже самой элементарной политической порядочности, Он, светлый Король Югославии, возвышался над всеми, как светозарный путеводный маяк в непроглядную, непогодную ночь. При почти поголовном признании всей Европой большевиков, при страшном давлении на Его совесть со стороны европейских держав, особенно дружественной Франции, от которой Югославия находится в денежной зависимости, Король наотрез отказался признать убийц, грабителей и воров законными владыками порабощённой ими России. Какое изумительное благородство и какая исключительная сила характера! И как велик Он во всех делах своих как правитель! Только история впоследствии оценит Его…

Я вернулся к себе в страшном смущении. Хотя и слабые, но какие-то надежды ещё были. Часов в 11-ть открывается дверь и появляется настоятель с бумагой в руках. На глазах слёзы. "Надежды наши напрасны. Король умер". Страшно верить! Для русских эмигрантов смерть Великого Короля, их покровителя – непоправимый удар, незаменимая потеря… В этом славянском государе они чувствовали и видели единственную опору и надежду в своей скорбной судьбе. Искренний друг России, прекрасно говоривший по-русски, получивший образование в России, писавший в одном из своих писем: "Я могу Вас уверить, что никогда не изменятся мои чувства по отношению к нации, которой я обязан вечной благодарностью, и эту благодарность ничто не может ослабить"».

В связи со злодейским убийством короля Александра и в поддержку своих монархических взглядов Родионов приводит заметку из «Царского вестника» о состоявшейся 26 октября 1934 года в Русском Доме, в Белграде, лекции профессора Ивана Александровича Ильина:

> «Взволнованный злодейским преступлением, совершённым над славянским монархом, проф. Ильин дал в своей лекции блестящую защиту православного самодержавия, ярко выявил перед слушателями нравственную сторону этого образа правления. С вдохновением докладчик говорил обо всех преимуществах монархии и стал выше тех правовых идей, на которые обычно опирались наши государствоведы. Переполненный зал прослушал лекцию с громадным вниманием, для устроителей же (Союза писателей и журналистов, Ксюнина и К°) и их политических единомышленников лекция явилась, видимо, неожиданностью, и во время защиты талантливым докладчиком самодержавия на лице их можно было видеть ясно выраженную растерянность!».

Горькие вести

Шли годы, а надежды на лучшее будущее и для России, и для её изгнанников гасли с каждым днём. А тут ещё и личные, семейные драмы…

Дневник 28-го года, осень.

> «Всё проходит, как тень, как рябь на воде. Святослав – в Белграде, Геренька – в Сараево*, Софьюшка – в Новом Саде, Владимир – в Париже, а самый старший – ещё дальше**… Трудная старость изгнанника, лишённого всех средств существования, полное одиночество с женой***, с

* Оба сына учились ранее в кадетских корпусах.

** Речь о Ярославе, оставшемся с матерью, первой женой Родионова, Ниной Владимировной Анзимировой, в Советской России.

*** Второй, Анной Алексеевной Кованько, матерью Святослава, Гермогена и Софьи. – *Г. С.*

которой вот уже 10 лет с лишком нас разъединила целая пропасть. Надо бы окончательно порвать, но для детей это страшная драма. Надо тянуть».

Вести, приходящие из России, ужасны. Он черпает их из писем, получаемых знакомыми и друзьями, так как сам по сути лишён права переписки из-за своего эмигрантского статуса и активного членства в монархическом Совете. Помогает и зарубежная печать, в частности, такие периодические издания, как «Царский вестник», «Возрождение», «Народный листок», «Русский голос» и др.

И вполне понятно то, что, цитируя эти издания, Родионов полностью разделяет точки зрения авторов статей, глубоко переживая за судьбу своей несчастной и потерянной им Родины.

1933 год.

«Что делается в России, – просто уму непостижимо. Люди мрут от голода походя. Расстрелы не прекращаются. В Нижнем Новгороде за три недели убито свыше 300 человек, и свыше 600 рабочих Сормовских заводов сослано в концлагеря с конфискацией имущества.

…Но особый ужас большевистского правления можно видеть в деревне. Здесь, по моему убеждению, совершается одно из самых чудовищных преступлений в истории. Оно настолько неслыханно, что в будущем люди не будут верить тому, что это когда-то могло случиться. Поезжайте на Украину или на советский Кавказ. Некогда это была прекрасная страна, одна из самых богатых, изобильных на свете. Теперь вы найдёте пустыню. Поля поросли сорными травами, нигде не видно ни скота, ни лошадей. Деревни вымерли. Оставшиеся в живых обитатели погибают от голода и пухнут в буквальном смысле слова…».

Не стану продолжать эти горькие свидетельства хаоса и разрухи, многочисленных смертей и арестов в большевистской России, которые приводит Родионов. Однако одна из статеек, «Как разорили Троцкого», несмотря на её давность (начало НЭПа), показалась мне любопытной и весьма актуальной даже на сегодняшний день.

Итак, цитирую:

«…Когда Троцкий был у власти, он с группой своих приверженцев захватил ряд лучших по оборудованию,

известных по доходности московских фабрик и заводов и образовал “КУСТ”. Этот “КУСТ” работает на Красную армию (сукна, сапоги, амуниция) и приносит Троцкому колоссальные доходы. Теперь Сталин, чтобы разорить Троцкого, которому принадлежало большинство акций, приказал ликвидировать акционерное общество «КУСТ» (комбинат теперь) и передать входящие в него предприятия, а именно: суконную фабрику, заводы, мастерские, товарищество “Поставщик”, кожевенный завод бр. Бахрушиных, машиностроительный завод гр. Картинг и др. – Московскому Совету рабочих и солдатских депутатов, где сидят на кормлении лица во главе с Ухановым. Приписанные же к “КУСТу” богатые земли под Москвой, как вотчина Троцкого, переданы Наркомзему».

«Новое время», 2 марта 1923 г., №2050.

В чём его вера

Передо мной книга необычного, на мой взгляд, формата: её ширина больше высоты, что делает книгу похожей на альбом. Однако это не альбом, а личное Евангелие писателя Родионова, с которым он не расставался всю свою сознательную жизнь: и когда учился в Новочеркасском юнкерском училище, и когда был земским начальником, и когда воевал в I Мировую войну, и когда участвовал в «Ледяном походе». С этим Евангелием отправился он и в эмиграцию. Оно хранится теперь в семье его потомков в Санкт-Петербурге.

И, конечно же, не без трепета раскрыла я впервые эту хорошо сохранившуюся книгу и прочитала слова, написанные неожиданно понятным родионовским почерком:

«Книга жизни и неисчерпаемой мудрости, мудрости небесной и земной. Всегда, сколько бы ни читал её, найдётся в ней что-нибудь новое и всегда значительное».

Да, писатель Иван Александрович Родионов был человеком глубоко верующим и глубоко уважаемым многими иерархами русской православной церкви, а также известными деятелями Белого движения. Помните его отказ генералу Врангелю, предложившему полковнику Родионову весной 1920 года стать во главе печатного дела Русской армии?

«Видите, – ответил он, – чтобы победить большевиков, нужно одно из двух: или мы должны задавить их числом, или же духовно покорить своей святостью. Ещё лучше бы и то, и другое. Вы здесь хоть и благочестивы, но не святы. Ну, а о количестве и говорить не приходится. Поэтому дело наше конченное, обречённое».*

И если не генерал Врангель, решивший, несмотря ни на что, продолжить борьбу за освобождение Крыма**, то Владыка Вениамин в своих воспоминаниях соглашается с точкой зрения

* Митрополит Вениамин (Федченков). «На рубеже двух эпох».

** Белогвардейские войска под командованием генерала Врангеля были разбиты в ноябре 1920 года и вместе с Главнокомандующим эвакуировались в Турцию. – (*Прим. издателя*).

Родионова: роль духовных причин, способных воздействовать на массовую психологию народов земли Русской, – огромна, а отсутствие таковых – гибельно...

О спасительной вере в провидение свидетельствует и рассказ писателя «Тамба». Уже остались в прошлом Корниловский «мятеж», быховское сидение, бегство на Дон, смерть атамана Каледина и даже полный новых опасностей путь через территорию, занятую красными, на встречу с Добровольческой армией:

> «Несомненно, – пишет автор, – что сроки моего земного странствия не наступили и тогда. Так определено было свыше. Неверы и скептики скажут, что своим спасением я обязан случайному сочетанию счастливых обстоятельств. Я думаю на этот счёт иначе. Бог, по молитвам моего небесного заступника св. Серафима Саровского, который и прежде, и после не раз спасал меня от неминуемой, казалось, смерти, спас меня и на этот раз от беспощадных большевицких лап, в которые я сам, к своему неведению, так упорно и так усердно лез».

В дневниковых записях Родионова нет сведений о личном знакомстве писателя с таким видным церковным подвижником, как протоиерей Иоанн Кронштадтский. Однако, судя по частому цитированию его мыслей и рассуждений, Иван Александрович глубоко уважал святого старца и вполне мог до его болезни и смерти, наступившей в самом конце 1908 года (20-го декабря по ст.ст.), посещать его резиденцию в Кронштадте: к тому времени писатель уже жил со своей новой женой в Санкт-Петербурге.

В годы эмиграции книги святых праведников присылал Родионову всё тот же епископ Вениамин. В дневниках 1928 года (месяц не указан, но время зимнее) писатель с восторгом пишет о получении обещанных книг. «Да воздаст ему (епископу Вениамину. – *Г. С.*) Господь! Среди других книг «Моя жизнь во Христе» о. Иоанна Кронштадтского – произведение удивительное, гениальное по своей глубине и высоте, написанное прекрасным, выразительным, простым и лёгким языком. Тема та, что важнее всего на свете: отношение человека к Богу и Бога – к человеку. У автора обнаруживается необычайная способность обыкновенным языком говорить необыкновенные вещи». Иван Александрович благодарит также за присланный ему «Псалтырь» преподобного Ефрема Сирина и «Отечник» Игнатия Брянчанинова, считая эти произведения кладезем мудрости.

И далее на отдельном листе Родионов приводит название книги и цитаты из неё, расположенные в таком порядке:

«Моя жизнь во Христе»
из дневника протоіерея
Иоанна Ильича Сергіева (Кронштадтского),
том первый, стр. 10, 11, 12

«Если хочешь молитвою испросить какого-либо блага у Бога, то прежде молитвы приготовь себя к несомненной, крепкой вере и прими заблаговременно средства против сомнения и неверия. Худо, если во время самой молитвы сердце твоё изнеможет в вере и не устоит в ней: тогда и не думай, чтобы ты получил то, о чём просил Бога сумняся, потому что ты оскорбил Бога, а ругателю Бог не даёт даров Своих!

Вся, – сказал Господь, – *елико аще воспросите в молитве верующе, приимете* (Мф. 21, 22), и, значит, если воспросите неверующе или с сомнением, не приимите.

… Сердце, сомневающееся в том, что Бог может даровать просимое, наказывается за сомнение: оно болезненно томится и стесняется от сомнения. Не прогневляй же Вседержавного Бога ни тению сомнения, особенно ты, испытавший на себе Божие всемогущество многое множество раз. Сомнение – хула на Бога, дерзкая ложь сердца, или гнездящегося в сердце духа лжи на Духа истины. Бойся его, как ядовитой змеи; или нет, что я говорю, – пренебрегай им, не обращай на него ни малейшего внимания. Помни, что Бог во время прошения твоего ожидает утвердительного ответа на вопрос, внутренне Им тебе предлагаемый: веруеши ли, *яко могу сие сотворити*? Да, ты должен из глубины сердца ответить: *верую, Господи*! (ср. Мф. 9, 28). И тогда будет по вере твоей».*

В архивных материалах Родионова за 1935 год есть рассуждения о роли православной и католической церкви, о неприятии претензий римского папы на главенство над всем христианским миром.

«Главнейшую, так сказать, краеугольную причину теперешней русской катастрофы вижу в разрушении Петром

* Цитирую для более точного воспроизведения дневниковой записи Родионова по книге «Моя жизнь во Христе» святого праведного Иоанна Кронштадтского. Изд-во Сретенского монастыря. М. 2005. С. 12–13. – *Г. С.*

I-м православной церкви. Великий преобразователь России, путём гигантских усилий выведший наше Отечество из тупого тупика* на большую мировую дорогу и давший ему богатырский толчок, в реформах духовно-православной иерархии допустил роковую ошибку: он обезглавил отечественную церковь, уничтожив патриаршество и учредив вместо него св. Синод… Интересы Духа… были подчинены интересам материальным, государственным…».

И снова для подтверждений вышесказанного мемуарист не может обойтись без ссылок на ту же книгу протоиерея Иоанна Кронштадтского:

«…Та беда наша, что в веру нашу мешается близорукий рассудок, этот паук, ловящий истину сетками своих суждений, умозаключений, аналогий. Вера вдруг обнимает, видит, а рассудок окольными путями доходит до истины; вера – средство сообщения духа с духом, а рассудок – духовно-чувственного с духовно-чувственным и просто материальным; та – дух, а этот – плоть».**

В трудное для Ивана Александровича время, когда он писал, но не печатался, на помощь ему пришла Церковь в лице сербского патриарха Варнавы. По его благословению писатель, как уже упоминалось, поселился в монастыре Житомисличи, где в то время проживал на покое архиепископ Черноморский Сергий. В дневнике Родионова от 20-го января 1935 года находим запись о тесных, дружеских контактах с Владыкой:

«Вечером… прочёл ему рукопись первых 2-х книг моего романа “У последних свершений”. Он проявил громадное внимание, часто плакал. Приходилось прерывать чтение. В последнее время он очень настаивал, чтобы я прочёл ему 3-ю книгу.

Ввиду слабостей (Владыки. – *Г. С.*) я всячески отклонял чтение под предлогом, что книгу надо ещё исправлять. Так, когда мы накануне расстались, ничто не предвещало катастрофы. В последние два дня он (Владыка. – *Г. С.*) чувствовал себя бодрее, только раз пожаловался, что он всё более и более гнётся и разогнуться не может. В вечер накануне он вспоминал своё детство и свою родную

* Так у автора. – *Г. С.*
** Там же, с. 13–14.

Аксайскую на Дону станицу. Часто говорил, что боится смерти, боится предстать перед Престолом Всевышнего неготовым и молит Его, Великосердного, послать ему безболезненную, непостыдную и мирную кончину. Итак, в 7-м часу утра я слышал его голос. Оказывается, он выходил в коридор и у дверей своей комнаты разговаривал с монастырским истопником. Приблизительно в 7½ часа ко мне вбегает монастырский служка Савва, очень взволнованный, и говорит: "Владыка умер".

Я уже был одет и собирался навестить его. Он лежал на постели на правом боку, свесивши ноги. Вероятно, не успел их поднять на кровать, как его настигла смерть. Правая рука его была под щекой. Лицо спокойное, с закрытыми глазами, точно только заснул. Оказывается, маленький мальчик Никола, который обслуживал его и меня, не дождавшись пока позвонит Владыка (он всегда рано звонил), решил сам войти к нему и принёс ему завтрак. Видя, что Владыка, видимо, спит, он два раза окликнул: "Вашу руку". Тот, обычно чуткий, быстрый и живой, не шевелится. Мальчик сам подошёл и поцеловал ему руку. И тут он не пошевелился…

Я подошёл к Владыке. Рука его была ещё тёплая. Какое неизреченное милое сердце Небесного Отца нашего! Бедный Владыка молил Его дать ему безболезненую и мирную кончину. И он, Милостивец, отозвался на мольбы создания Своего. Для меня это является несказанным чудом и великой милостью Божьей, что в последние минуты, несмотря на нездоровье, Владыка ходил, обладал ясностью ума и памятью и ещё накануне дня смерти цитировал строки Пушкина и Тютчева.

12/25 1935 года. С утра стало съезжаться духовенство из Белграда и окрестных монастырей… Около 12-ти часов началось в церкви отпевание. Служба была чрезвычайно торжественной и продолжительной (около 2-х часов). И тут милость Божья к бедному Владыке: он мечтал быть похороненным в ограде церкви и на том месте, как говорил он мне, чтобы богомольцы, идущие в церковь, перекрестились перед его могилкой и указывал на самую дорожку. Я ему возражал, как, мол, Владыка, на самой дорожке копать могилку? Последнюю волю почившего благостный Патриарх разрешил. И теперь останки Владыки почивают на самом лучшем месте монастырского двора. Его похоронили у южной стены монастырского храма, и всякий богомолец, приходя в церковь, должен идти мимо его могилы…».

Всю свою жизнь, мирную и военную, на Родине и в эмиграции, Иван Александрович Родионов задумывался над вопросом: в чём и где причина человеческих трагедий, неупорядоченности и несовершенства земного бытия? Он видел их прежде всего в отступлении от Бога, в отрицании Его Промысла, в неисполнении Его заповедей. Возможно, религиозно-философские рассуждения на страницах родионовских дневников не претендуют на большие открытия или новизну оценок, но писал он то, что подсказывал ему его богатый жизненный опыт, и то, что чувствовала и о чём догадывалась его душа. Это глубоко выстраданные личные выводы человека и художника, пытающегося своим глаголом напомнить людям о цели и смысле их существования, о возвращении, пока не поздно, на оставленный ими когда-то, а ныне давно

Забытый путь

(*перевод с сербского*)

«Во все времена человечество страдало от несовершенства земной жизни.

Несчастья, несправедливость, бедствия и в конце концов неминуемая гибель заставляли людей задумываться над смыслом и целью своего земного существования.

Самые передовые умы разных эпох и народов пытались найти ответы на страшные вопросы: что есть земная жизнь? Откуда и как она возникла? Для чего она дана? Где гармония и счастье?

Во всех древних религиях, особенно в восточных, присутствует важный мотив борьбы Добра и Зла.

У древних египтян бог жизни и света Осирис борется с Сетом, богом мрака и хаоса; у персов Ормазд*, «господь мудрый»**,

* Одно из имен бога Ахурамазды. По одной из версий мифа, Ормазд был сыном бога Ахурамазды и боролся с братом-близнецом Ариманом, воплощением зла. – *Прим. переводчика.*

** В переводе с пехлевийского языка. – *Прим. переводчика.*

противостоит в вечной непримиримой битве Ариману, богу смерти и зла; у индийцев бог Вишну ведёт бой со змеем Кали или Калига, извечным злом.

Конфуцианцы до сих пор верят, что наступит время, и с небес спустится святой, всевидящий и всезнающий, который уничтожит, растопчет великую силу Зла.

Даже в самых древних скандинавских сагах говорится, что Тор, самый храбрый из сыновей бога Одина, вступит в поединок с огромным змеем и в конечном итоге выиграет его, но и сам не сможет избежать смерти.

Только согласно учению Будды человек должен отказаться от какой-либо борьбы с вечным Злом. А поскольку всякое желание привязывает к жизни и поэтому является источником страдания, то, чтобы не стать несчастным, целью своей жизни необходимо сделать достижение нирваны, т. е. абсолютного покоя, бесчувствия, почти небытия.

Эллины, немногочисленный, но великий народ, оставили неизгладимый след не только в истории, но и в жизни человечества. И не столько мировыми завоеваниями македонского воина, сколько своей просвещённостью, а главное, своей потрясающей искусностью в ваянии и театре. Имена Праксителя и Фидия известны всем. Непревзойдённые произведения Гомера, Софокла и Эсхила переживут тысячелетия! В Греции возникла и философия, наука о бытии и вере. Действительно, небольшой полуостров, который занимала Эллада, стал колыбелью современной европейской культуры. В те далёкие времена, когда Европа ещё не перешагнула этап первобытнообщинного строя, в Греции, начиная с Фалеса (640 г. до н. э.), появилась целая плеяда великих философов: Ксенофан, Гераклит, Пифагор, Демокрит и, наконец, Сократ, Платон, Аристотель.

Но и этот одарённейший народ, по справедливому высказыванию одного писателя, нашедший наикрасивейший и наиблагозвучнейший язык, на котором когда-либо изъяснялись человеческие уста, искавший в жизни красоту и гармонию и запечатлевший эту гармоничную красоту в своих дивных произведениях искусства, не обрёл в этой красоте счастья, равно как и гармонии в жизни.

Наивная антропоморфическая* религия эллинов, в которой боги имели человеческий облик и отличались от людей лишь некоторой гипертрофированностью сил и возможностей, не могла удовлетворить столь духовно развитый народ. Эллинские боги наделены человеческими качествами, страстями, пороками и слабостями.

* Антропоморфизм – перенесение присущих человеку свойств и особенностей на внешние силы природы, наделение богов чертами человека.

Несомненно, личностью самого независимого ума и высоких моральных устоев не только Эллады, но и всего античного языческого мира был Сократ.

Он первый из европейцев даёт начало движению познания души и духа, даже совершает переворот в этой области.

Богов Олимпа он считал вымыслом, иронизировал над ними и за четыре столетия до пришествия на землю Спасителя обратился к понятию Единого Бога, Творца всего мира.

Следует помнить, что во времена Сократа греческая общественность была насквозь пропитана безбожным, ложным и аморальным софизмом.

Рано или поздно эти две реалии, Сократ и греческая общественность, должны были столкнуться. И это произошло.

Великий мудрец даже под угрозой насильственной смерти не отрёкся от своей новой веры.

За это афинский ареопаг приговорил его к смерти.

И Сократ со смирением, достоинством и непоколебимой уверенностью в существовании жизни по ту сторону земного бытия выпил чашу яда из сока цикуты, которую ему принёс тюремщик (399 г. до н. э.).

Римляне, самый воинственный и могущественный народ античности, унаследовали греческую культуру и науку, а также греческую религию.

Разница была лишь в именах богов и каких-то незначительных деталях.

Как эллины оставили в наследство грядущим поколениям свою науку и искусство, так строгие, практичные римляне-государственники создали идею государственного права, на которой до сих пор базируется правовая система практически всего христианского мира.

Внешне римляне строго придерживались своей государственной религии, но, в сущности, это была только политика, целью которой было держать в повиновении дремучее население многочисленных провинций Римской империи.

Но и римляне, искавшие свой идеал в покорении всего мира, достигнув этого, не обрели удовлетворения.

Вера в богов пришла в упадок, обычаи исказились, моральная атмосфера душила, цель земного бытия пропала.

Уже Цицерон говорил, что их жрецы-врачеватели не могли друг на друга смотреть без смеха, когда по внутренностям животных прорицали будущее. Ясно, что сами посредники между языческими богами и людьми великолепно сознавали, что дурачат верующих.

Большинство римлян, разуверясь в своих богах, обратились к философии Эпикура и его морали: «Ешь, пей, веселись, потому что завтра мы умрём».

Позднее это эпикурейство перешло в грубый цинизм. Люди стали предаваться чувственным наслаждениям и ужасающему распутству.

Но не найдя удовлетворения и в этом, они стали стремиться к освобождению от земной жизни, и в I в. н. э. случаи самоубийств настолько участились, что стали повседневным явлением, нараставшим с угрожающей быстротой.

Согласно свидетельствам писателей I в. н. э., мораль тогдашнего римского общества представляла собой кошмарное зрелище.

Куда только девались прежние достоинства, давшие римлянам господство над миром: крепость домашнего очага, верность и достоинство римских жён, простодушие, беззаветная храбрость и пламенный патриотизм римских мужей?

Римские писатели, например, Ювенал, искренне сокрушались, что вся жизнь превратилась в одну огромную ложь, что общество, страдающее страшными пороками, не в силах исцелить даже время.

Об этом свидетельствует историк Тацит и естествоиспытатель Плиний. Последний, отчаявшись найти порядочность и правду, искал смерти как высшего блага, избавления от этой невыносимой жизни и, в конце концов, нашёл её в раскалённой лаве Везувия (79 г. н. э.).*

Самые благородные люди того времени придерживались философии стоиков. Моральным идеалом этой философии было стремление с невозмутимо холодным равнодушием покоряться железному закону судьбы.

Цезарь, который тоже был последователем философии стоицизма, говорил, что смерть для стоика – самая высокая награда, светлый конец всему, та граница, «за которой нет ни забот, ни радостей». В произведениях стоиков есть много хороших мыслей и высказываний, но всё равно учение это столь же уныло и безрадостно, как и учение Будды. Ледяным холодом веет от великого героизма стоика, с которым он смотрит в глаза самым страшным ударам судьбы, даже самой смерти. Вспомним хотя бы Катона, Сенеку, Плиния, Петрония, «последнего римлянина» Брута. Их героизм, надо признаться, мрачен, как могила.

* Среди персонажей знаменитой картины Карла Брюллова «Гибель Помпеи», запечатлённых на переднем плане, можно найти и римского учёного Плиния Старшего. – *Г. С.*

* * * * * * * * * * *

* * *

И до сих пор, как в прошлые века, пытливый ум человека не успокоился, не смирился. Время от времени появляются философы, несущие «новое слово», основывают новые философские школы. Стремления и цели их те же, что и прежде: объяснить смысл нашего земного существования, решить его многочисленные проблемы. И чем, в конце концов, завершались эти устремлённые ввысь попытки? Что дали человечеству груды книг, написанные философами на протяжении веков? Разъяснили ли они смысл жизни? Указали ли они дорогу несчастному измученному человечеству? Скинули ли они с плеч людей бремя этой жизни или, по крайней мере, улучшили её? На эти вопросы можно ответить только отрицательно. Они не достигли своей цели. Вопрос, который волновал людей ещё в древности и который Пилат задал Христу: «Что есть истина?», – остаётся не решённым и по сей день. И только усилиями человеческого разума он останется не решённым до скончания веков.

Вся людская философия, как плод ограниченного немощного духа, и в совокупности, и в деталях была, есть и будет преходящей, как тень, как облако, на краткий промежуток времени закрывающее солнце.

Философ с большей или меньшей долей убедительности провозглашает и доказывает какую-то свою мысль. Современное ему общество воспринимает плоды его размышлений как новое откровение, старается осознать, применить в повседневной жизни, поступать сообразно с ними. Иногда кажется, что истина найдена и понята. Осталось только претворить её в жизнь, и тогда на земле наступит «золотой век», рай.

Но проходят десятилетия, меняются люди, меняются условия жизни, меняется мировоззрение, и от некогда популярных

возвышенных идей не остаётся и следа, кроме в той или иной ситуации подходящих высказываний.

Эти идеи устарели, исчерпали себя, их неосуществимость очевидна теперь и детям, поэтому постепенно они стираются из сознания людей, подобно ветхой одежде, сползающей с плеч. Появляется новый философ, вытеснивший предыдущего и даже безжалостно разрушивший его учение, чтобы на этих руинах возвести собственную теорию, дабы затем опять пришёл новый мыслитель, и всё повторилось вновь.

Это произошло со всеми светилами философии: Гегелем, Лейбницем, Вольтером, Эммануилом Кантом, Спенсером, Ницше и другими. Не говоря уже о современных теософах, всякого рода богоискателях, последователях спиритизма и оккультизма. В их изысканиях трудно разграничить искреннее заблуждение и низкий обман. Не стоит говорить и о «пророках» социализма и коммунизма. Их откровенно деструктивные идеи относятся к области политики и не могут называться философскими.

Художественная литература неоднократно пыталась разъяснить смысл жизни, найти гармонию земного бытия, отобразить человеческие идеалы, которым надо было бы следовать.

В этом смысле литературу можно соотнести с философией. Особенно ярко это отразилось в произведениях русских писателей XIX века.

Крупнейшие представители этого периода, два гигантских столпа, Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский, всю жизнь посвятили решению проблемы человеческого бытия.

По личному признанию Достоевского, его всю жизнь «мучил Бог», т. е. вопрос о Боге и вере. Гениальный психолог, он, словно искусный хирург, точным надрезом скальпеля вскрыл глубочайшие раны и струпья современного ему человечества и поведал о них обществу. В своих действительно страшных произведениях он как бы демонстративно заявляет всем, у кого есть глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать: «Посмотрите на себя, пристальнее взгляните на свою лихорадочно мрачную жизнь. Понимаете ли вы, насколько вы эгоистичны, мелочны, раздражительны и развратны, как слабоумны и ненормальны, как похотливы, неправедны, злы?!». Читая его произведения, ощущаешь, что переступил порог большого сумасшедшего дома.

Согласно его произведениям, современную ему русскую жизнь он видел как сборище алкоголиков, развратников, неврастеников и всякого рода преступников.

И во всём хаосе, им изображенном, Достоевский искал хотя бы крупицу оправдания, милосердия, луча света, любви к людям – это его отличительная черта как человека и как писателя.

Бесспорно, что нынешнее признание гения Достоевского, невиданный успех его произведений объясняется прежде всего тем, что всё человечество ощущает себя заражённым теми страшными заболеваниями, которые открыл великий русский психолог в народе и обществе его собственной Отчизны.

Достоевского не признала всемогущая русская либеральная критика. Она вообще отрицала в писателе даже средний талант и дошла до такой наглости, что писателей своего направления (Слепцова, Решетникова) ему, Достоевскому, ставила в пример как образцы.

Кто сейчас знает имена Слепцова и Решетникова?!

И вот, великий русский психолог, писатель-пророк, гордость России, не признанный критикой, загнанный в угол крайней материальной нуждой, глубокими страданиями и болезнями, умер относительно молодым (60 лет) в расцвете своей вдохновенной творческой работы над последним романом «Братья Карамазовы».

Судьбе не было угодно, чтобы писатель довёл до конца своё исполинское, глубочайшее по внутреннему смыслу произведение.

Ещё много великого и значительного, что мог бы нам сказать Достоевский, он унёс с собой в могилу. Несомненно одно: всё, что писатель искал в течение жизни, Бога, он нашёл, приняв в свою истерзанную душу Христа.

Другой великий столп русской литературы, граф Толстой, непревзойдённой силой своего художественного гения с неоспоримой и подчас грозной правдивостью описывает человеческую жизнь во всех её проявлениях. Кажется, что нет такого явления, факта, который не охватила бы его, на первый взгляд, столь несложная манера изображения. Это относится и к большому, и к малому: от внимания писателя не ускользают ни малейшее движение души, ни еле ощутимый всполох сердца, которых не замечают обычные люди, не обладающие Божьим даром.

А из-под пера Толстого удивительнейшие наблюдения выходят свободно и не натянуто. Любая тема, какой бы он ни коснулся, «получалась у него так легко, так вразумительно и так понятно».

Все произведения Толстого, созданные им на начальном и среднем этапе творчества, носят неоспоримые знаки гениального проникновения в самые недра человеческой сущности, проникновения до самого дна, до последнего страшного момента встречи жизни и смерти.

Возьмём его повести, написанные в молодости: «Детство», «Отрочество», его кавказские и севастопольские рассказы, «Семейное счастье», особенно его большие романы, «Война и мир», «Анна Каренина» и, наконец, его коротенькие зарисовки в духе народного сказа, «Отчего люди живут?», «Много ли человеку надо земли?», «Где любовь, там и Бог» и другие, которые были созданы уже в преклонном возрасте.

По силе образности и описания различных – от грандиозных и до самых крохотных – событий, включая и черту смерти, за которой заканчивается любое человеческое знание, с психологической точки зрения его произведения настолько точны, настолько бесспорны, искренни и несомненны, что просто нет оснований не верить писателю. Он покоряет, пленяет читателя своей художественной правдой и, завораживая, доводит до ощущения Божества, безраздельно властвующего над судьбой как отдельных людей, так и целых народов.

И, конечно, в своих произведениях Толстой, бессознательно ведомый только своей гениальной интуицией, подводит читателя к Первопричине всех причин бытия, к познанию Бога.

В силу этого кажется ещё более непонятным скачок, совершённый писателем в конце среднего и в последний период творчества.

Появляется его «Евангелие» «В чём моя вера?», затем выходит крупный роман «Воскресение», все эти произведения – настоящий вопль проклятия всему человечеству.

Я не буду делать никаких предположений относительно того, почему в душе писателя произошёл такой разительный и печальный переворот, тем более печальный, что влияние его философии на умы было достаточно велико не только в России, но и во всём культурном мире.

* * * * * * * * * * *
* * *

Исаия в 700-м (или немногим ранее) году до рождения Сына Божьего в пророческих видениях так рисует картину земной жизни истинных последователей учения Христа: «Тогда волк будет жить с ягнёнком, и барс будет жить с козлёнком; и телёнок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. […] И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи» (Исаия, II, 6 – 8).

Не слишком ли это рано для нашего века, в который о Боге было забыто?

Нам известны факты, подлинность которых не вызывает ни малейшего сомнения.

Святой Герасим Иорданский кормил льва, который после смерти святого прибежал на его могилу и так жалобно и печально выл, что все свидетели этого чуда были изумлены. Зверь не ушёл и издох на могиле святого. Святой Наум Охридский запряг медведя вместо вола, и медведь с готовностью служил ему. Франциск Ассизский ходил в сопровождении волка. Святой Сергий Радонежский кормил медведя и других диких зверей. К святому Серафиму Саровскому приходили медведи, волки, лисы, зайцы только ради того, чтобы немного побыть в обществе святого около его жилища пустынника и принять из его рук корку хлеба или немного овощей.

В первые века христианства, между VI и VIII веками, в египетской пустыне близ Александрии и других городов жило много монахов, ведших набожный образ жизни. Однажды два монаха из Нитрии отправились на поиски другого монаха-пустынника и, наконец, после семимесячного путешествия нашли его глубоко в пустыне, на границе Мемфиса. Пустынник, сторонившийся людей и много лет не видевший своих друзей-монахов, на этот раз не отказался провести с ними три дня. На четвёртый день, когда монахи собирались уходить, а святой старец провожал своих гостей, они увидели огромную львицу, которая бежала им навстречу. Разумеется, гости перепугались, увидев страшного хищника, но отшельник успокоил их. И хотя их было трое, львица ни секунды не колебалась, кого выбрать. Она прижалась к земле у ног святого, словно умоляя его последовать за ней. Львица бежала впереди, временами останавливалась и такими глазами смотрела на старца, словно

пыталась объяснить своё желание. Подведя монахов к одной из пещер, она проникла внутрь своего логова и начала по одному выносить оттуда уже подросших львят. Их было пять, и все они были слепы от рождения. Святой старец догадался, что хотела от него несчастная мать, которой было тяжело одной вырастить такое большое потомство. Отшельник с молитвой обратился к Христу, возложил на львят руки, и малыши тотчас же прозрели.

В том же Египте волчица повадилась ходить к монаху-пустыннику во время его трапезы. Она сидела у входа в пещеру и терпеливо ждала, когда он позовёт её, приласкает и угостит коркой хлеба. Однажды монах ушёл из своего жилища утром и, вернувшись вечером, застал дома беспорядок. Кто-то открыл дверь, подходил к ложу, корзина из пальмовых ветвей с пятью кусками хлеба, висевшая на верёвке, прикрепленной к потолку, с одной стороны была разодрана, и из неё пропал один кусок. По волоскам шерсти, разбросанным в пещере, монах сразу понял, кто учинил этот беспорядок. Прошёл один день, второй, третий, а волчица всё не появлялась. Старцу было жаль её, и он вознёс молитву Богу, чтобы воровка, как прежде, приходила к нему. И волчица, действительно, вернулась через неделю, но не решилась подойти к двери жилища своего благодетеля, которого обокрала, а села чуть поодаль, понурив голову с видом схваченного на месте преступления злодея. Отшельник пожалел кающуюся преступницу, подманил её к себе, немного пожурил, погладил по голове и дал кусок хлеба, в два раза больший прежних. Получив прощение, волчица повеселела, и, поскольку мировая была заключена, она снова начала приходить каждый день.

Таких примеров можно было бы привести множество.

Почему же в те далёкие времена происходили такие, с нашей точки зрения, сверхъестественные явления?

Звери остались дикими, никем и ничем в своей жизни не ограничиваемые. Отношение святых к ним не было свирепо враждебным, равно как и не было раболепно униженным, но звери сами приходили к их убогим жилищам.

Попросту говоря, святые были не вооружены. Хищники в любой момент могли их растерзать. Но этого не только не происходило, но и случалось наоборот, что абсолютно не поддаётся разумению. В чём секрет? Чем можно объяснить такие отношения между людьми и дикими зверями? Ничем, кроме

того, что святые всё же были вооружены, но чем-то большим, и это «большее» зовётся благодатью и любовью не только по отношению к тому, что живёт и дышит, но и к мёртвой, на наш взгляд, природе. Все эти львы, волки, медведи, лисицы, зайцы своим чутким инстинктом ощущали и понимали эту благодать, исходящую от святых, именно эта благодать, эта любовь ко всем Божьим тварям влекла к ним диких зверей. В их обществе хищники и сами становились другими и на любовь отвечали любовью, за ласку лаской.

Более того, пусть моё утверждение выглядит парадоксально для современного скептически настроенного человека, но я глубоко убеждён, что даже неодухотворённая природа меняет своё отношение к человеку, как он к ней.

Свою мысль я могу подтвердить цитатами из великолепной книги епископа Охридского Николы «Мысль о добре и зле». В этой книге почтенный автор высказал много глубоких мыслей на эту тему. Среди прочих в одном месте он говорит: «Во времена крепких моральных устоев у народа сама природа являет приливы в образе Добра, а отливы – в образе Зла. И, наоборот, во времена богоборческие, богопротивные, когда мораль забывается, природа являет приливы в образе Зла и отливы в образе Добра. Нашествия саранчи, здоровье детей и урожай плодов земных – всё зависит от строгого порядка, устанавливаемого моралью.

У людей, живущих не в городах, но на лоне природы, могущих каждый день наблюдать её различные лики и нрав, есть в этом громаднейший опыт.

Природа дарит столько здоровья и плодов, сколько Добра осталось в людях. Этот опыт народ ёмко высказал в одной поговорке: «Какова вера – такова и мера».

* * * * * * * * * * *
* * *

Приближается конец второго тысячелетия с того незабвенного и благословенного момента, когда на берегах реки Иордан и светлого Геннисаретского озера появился несравненный в своём величии Богочеловек и в первый раз от Сотворения мира начал проповедовать вещи удивительные по безгранично-необъятному значению. Но более того, его слова были преисполнены любви и всепрощения по отношению ко всему, что

погибает, они превозносили ценность человека до беспредельных высот, приобщая его к новой, бессмертной, блаженной жизни в лоне Отца Небесного: «Приидите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим» (Матфей, XI, 28 – 29).

Что нужно, чтобы обрести благодать жизни вечной?

На вопрос одного законника, искушавшего Христа, Иисус ответил: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею, и всем разумением твоим» – сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: «возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Матфей, XXII, 37 – 39).

В своих последователях Христос искал непоколебимую веру в Него как в единорожденного Сына Божьего, в единосущного Отца, искал в них безграничную любовь к Богу и людям, говоря: «Царствие Божие внутрь вас есть» (Лука, XVII, 21), т. е., если соблюдать две вышеприведённые наибольшие заповеди, на которых «зиждется весь закон и пророки», тогда наши души обретут покой и счастье в этой быстротечной жизни и неизъяснимое вечное блаженство в Царстве Небесном.

Но предсказывает Иисус Христос: «От дней же Иоанна Крестителя доныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Матфей, XI, 12), т. е. Царство Небесное на этой земле и в вечной жизни обретут те, кто всеми силами будет бороться и победит свои греховные страсти. Поэтому от человека требуется вера, любовь, покаяние, молитва и благие дела.

Но природа человека глубоко испорчена и преисполнена порока. Как из заражённого источника течёт испорченная вода, так и в сердце, переполненном плотскими страстями, рождаются только дурные поступки.

Само собой разумеется, что, чтобы добыть кристально прозрачную свежую воду, необходимо до основания очистить и оздоровить источник. Чтобы получить возможность жить в согласии с Богом и людьми, прежде всего необходимо освободить свою душу от врождённых пороков и страстей.

Но человеку, даже тому, кто без колебаний уверовал в Христа и ступил на светлый путь его учения, на первый взгляд кажется, что так просто и легко идти по этому пути, когда делает он это по доброй воле. Но в действительности для человеческой души этот путь тернист и весьма нелёгок.

Тогда начинается ожесточённая внутренняя борьба с собственными телесными привычками и наклонностями. Не все выходят победителями из этой тяжелейшей борьбы: напротив, очень и очень многие вовсе отказываются от неё и покорно плывут по течению, тем самым невольно вступая на путь порока и зла, протоптанный бесчисленными поколениями наших морально падших предков.

Из этого следует и печальный суд Спасителя: «Много званых, но мало избранных», «ибо мир во зле лежит».

На вопрос Пилата: «Что есть истина?» Христос не ответил. Разве поверил бы надменный прокуратор-язычник своему Божественному арестованному, когда бы последний ответил, что Он есть Единственный «путь, истина и жизнь». У Пилата было гораздо меньше причин согласиться с Ним, чем у философов и литераторов христианской эпохи, рождённых в христианстве и с малых лет осиянных светом этой науки.

Поэтому они не могли не знать о пути учения Христа, но они свернули с него, пренебрегли им и в своей человеческой гордыне стали искать собственную человеческую истину и с её помощью хотели устроить этот мир.

Однако жизненные факты и явления вопиют против людских бредней.

Со времени пришествия на землю Иисуса Христа человечеством было совершено много достойных увековечения деяний, ныне преданных забвению; многочисленные народы и великие царства исчезли с лица земли; возникли, состарились и тоже исчезли новые государства, оставившие после себя только туманные воспоминания; было написано множество талантливейших книг, которые теперь никому не нужны и пылятся в книгохранилищах.

Но книги Нового Завета с тетраевангелием в основе пережили тысячи лет и не потеряли своей злободневности и актуальности. Сколько раз так было и будет впредь, что человек, мыслящий и искренний, читая и перечитывая эти книги не одну сотню раз, всегда находит в них что-то новое, существенное, нужное, поучительное, утешительное и полезное с практической точки зрения.

Почему же так различны судьбы философских книг и книг Нового Завета?!

Философские книги суть продукт ограниченного человеческого ума. Провозглашённые там истины только внешне и временно

кажутся таковыми. Неподкупный и беспристрастный судья, время, развенчивает эти истины и являет их взору людей как заблуждение и обман.

В Новом же Завете мы находим слова самого Господа Бога Иисуса Христа и Богом вдохновенных Апостолов. Истины, провозглашённые в книгах Нового Завета, не преходящи, но вечны, как не есть тлен, но вечны свет и сила, Провозгласившего их. В них заключена вся полнота бытия, содержатся ответы на все вопросы человеческого существования не только в установленный отрезок времени, но и, как сказал Спаситель, дьявольская борьба политических партий, внешние и внутренние войны со всеми присущими им ужасами: потоками пролитой крови, нищетой, голодом и болезнями.

Глядя вокруг, приходится признать, что и к нашему времени можно отнести слова Сенеки, которые он произнёс касательно своей эпохи (эпохи императоров Клавдия и Нерона): «Повсюду воцарились порок и разврат. Стыд забывается каждый день. Беспутство больше не кроется, но открыто бросается всем в глаза. Разврат стал настолько явным и настолько он переполняет сердца всем, что невинность не только трудно встретить, но она вообще исчезла».

Но когда писались эти строки, над тем миром то и дело разражались катастрофы, одна гибельнее другой, пока, в конце концов, этот мир не канул в Лету.

О тех временах римский историк Тацит пишет так: «Я обращаюсь к истории, которая изобилует бедствиями, жестокими битвами, восстаниями […] Четыре императора погибли от меча. Было три гражданских войны, и ещё были внешние войны. И те, и другие одновременно. Иллирия неспокойна, Галлия волнуется, Британию покорили, и она вновь отпала, сарматские племена восстают одно за другим, даки бунтуют […]` Бедствия, новые и те, что не прекращались в течение столетий, нахлынули на Италию. Гибнут города на плодороднейшем берегу Кампании, Рим опустошён пожаром, сам Капитолий был сожжён. Забыты священные обычаи, браки разрушены. Море вспенилось кровью убиенных и огласилось стенаниями изгнанников. В столице было ещё хуже. Благородство, богатство, честь – всё было загажено пороками, добродетель повсеместно подвергалась жесточайшим гонениям».

Можно ли назвать счастливыми времена, переживаемые нами ныне? Не разразились ли и над нашими головами катастрофы, одна ужаснее другой, катастрофы, перед размерами которых те, что описал Тацит, кажутся невинными шалостями? С начала нашего столетия то в одной, то в другой части земного шара разражаются войны и революции, гибнут коронованные особы, рушатся могущественные царства, опустошаются целые области, неисчислимые богатства развеиваются по ветру; в этом перечне Балканы много раз тонули в крови, вся Европа и значительная часть Азии долгие годы стонут от кровопролития и социальных потрясений. Одна только прошедшая мировая война унесла в два раза больше человеческих жизней, чем все войны предыдущего XIX века вместе взятые. Вот уже двенадцать лет подряд непрерывно потоками льётся кровь невинных людей и детей на территории одной шестой части суши. И что? Тронуло ли это дьявольское насилие и поругание хоть чьё-то сердце? Ничьё. Во всём мире воцарилось гробовое молчание. Никто и пальцем не попытался шевельнуть в защиту несчастных. Никому даже в голову не пришло остановить злодейскую руку. Наоборот, тайное сочувствие и реальную помощь в их кровавом смертоносном деле получили палачи. Наводнения, засухи, голод, чумные эпидемии непрерывной чередой то и дело поражают разные уголки нашей планеты, будто морские волны, в головокружительном танце настигающие одна другую. Неуверенность в завтрашнем дне, беспокойство за ближайшее будущее, постоянный скрежет зубами – вот картина нынешнего времени!

Все эти грозно убедительные наставления, стоившие десятков миллионов жизней и гибели неисчислимых ценностей, хоть чему-нибудь научили ли человечество? К несчастью, нет! И если уж что-то изменилось, то к худшему. Человечество стало жёстче, твёрже, но вместе с тем опустилось ниже и открыто, сознательно, безоглядно свернуло на путь зла, порока и преступления. С дерзостью безумца оно бросает вызов всему священному, праведному, возвышенному, тем самым окончательно стирая границы добра и зла. Остаётся только отречься даже от теоретического существования этой границы, т. е. поставить с ног на голову все моральные устои.

Грязь, разврат и грубость становятся тем смрадным источником, из которого современное искусство черпает своё вдохновение. Недалеко ушли современная литература и журналистика, напоминающие зловонные сточные канавы. На страницах наших литературных произведений и в средствах массовой информа-

ции бесстыдно и нагло смакуются такие аморальные и извращённые явления и факты, существование которых трудно даже представить себе в сколько-нибудь приличном обществе и о которых всего несколько десятилетий назад боялись упомянуть вслух. В недалёком прошлом от наглеца, посмевшего рассуждать о таких вещах, отвернулись бы, как от распущенного негодяя. Сейчас же балом правит девиз: «Зачем стыдиться?! Долой покровы со срамных мест!». Как на аукционе, на продажу выставляется вся мерзость, все пороки, вся аморальщина и, что самое страшное, с дерзостным бахвальством и самодовольством, в самых соблазнительных тонах пышным цветом цветут разврат и порок, со сладострастным наслаждением являются взору в самых пикантных подробностях.

Словно исчадия ада, словно взбесившиеся кони забрызгали землю ядовитой пеной и заразили воздух зловонным смрадом: «Смотрите, дышите, вдыхайте! Смотрите, дышите, вдыхайте! И благодарите нас, искушённых, за то, что мы принесли вам такие наслаждения!». Понятие о христианской семье повсеместно разрушено и со страшной скоростью, как по наклонной плоскости, катится к полному распаду.

У некоторых высокоорганизованных видов животных наблюдается такое чувство, как стыд. В человеческом обществе ныне это неприятное чувство атрофировалось. Современные женские платья выставляют напоказ те части тела, которые сама природа не создавала для того, чтобы их демонстрировать, и у нас есть все основания опасаться, что процесс обнажения в одежде на этом не остановится. Танцы цинично непристойны, рассчитаны только на возбуждение тёмных животных инстинктов. Дети, цветы человечества, под влиянием современного стиля жизни, книг и развлечений уже в нежном возрасте знакомятся с самыми отвратительными сторонами жизни, о которых в прошлом часто не подозревали даже взрослые.

В политике ради материальных интересов правители многих больших и малых христианских государств признают достойными и равными себе пресловутых негодяев, преступников, заклеймённых перед целым миром, человеческое отребье, убийц, воров, гонителей и душителей христианской веры.

Правители не гнушаются жать их отвратительные руки, по локоть обагрённые кровью невинных жертв, не только взрослых, но и детей. Правители вступают с ними в дружественные и дипломатические отношения, ведут с ними незаконное и

злодейское сотрудничество. За всю христианскую эпоху политическая мораль не опускалась до такой беспринципности и бессовестности.

Все чистое, благородное и священное осквернено, оплевано, втоптано в грязь. А всё мерзостное, подлое, всё, на чём лежит печать низости и преступления, выползло на поверхность, чванится, процветает, приказывает, всему задаёт тон и направление, а самое печальное то, что оно научило паясничать и валять дурака.

Если такова обратная сторона медали в обществе, с нашей стороны было бы безумием ждать мира, спокойствия и процветания, которых так страстно жаждет человечество, уставшее от невзгод и несчастий. «Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает, Что посеет человек, то и пожнет» (Послание к галатам, VI, 7). В своём высокомерии, в своём недалёком самолюбовании, в погоне за земными благами и наслаждениями мир забывает Бога, пренебрегает его святыми заповедями, забывая одну истину, что без Творца он, мир, пуст и никчемен. Но «У Меня отмщение и воздаяние», – говорит Господь. (Второзаконие, XXXII, 35).

[*Пропуск в авторском тексте*]

Тогда не было бы на свете злобы, ссор, кровопролития. Но, к несчастью, это не произойдёт. Наоборот, люди приняли языческую философию эпикурейцев, определив тем самым свою дальнейшую судьбу.

И глядь, человечество, отрешившись от всего небесного, священного, отвернувшись от своего Небесного Родителя в погоне за земным счастьем и благосостоянием, до сих пор судорожно мечется из стороны в сторону, но никак не может выбраться из мутной жижи своих животных страстей и инстинктов. Поэтому и существование этого мира насквозь пропитано желчью, ненавистью, несчастьями и слезами.

И хотя печальная действительность неумолимо и беспрестанно, каждую минуту убеждает людей, что нет смысла искать мира, спокойствия и счастья без Христа, человечество продолжает идти проторённым путём зла и порока.

Результаты очевидны.

Разве не умерла любовь между людьми? Разве мир не захлебнулся в бесчисленных преступлениях? Разве человечество не создало ложного бога, не сотворило себе кумира в виде золотого тельца и чувственных наслаждений? Только к наслажде-

ниям оно и стремится, жадно ищет, страстно гонится изо всех сил, всей душой предано им, падает перед ними ниц и, словно подъяремный раб, ползёт на брюхе.

Такое положение вещей непременно влечёт за собой разложение морали, ужасающее по своим последствиям распадение семьи…

[*Пропуск в авторском тексте*]

Так какова же она, бессмертная блаженная жизнь? «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (I-ое послание к коринфянам, II, 9). Т. е. мы, люди, в силу ограниченности нашего ума, несовершенства органов чувств не в состоянии понять и представить ту благодать, которая ожидает праведников в жизни вечной».

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Послесловие

Итак, «расшифрованный», прочитанный и систематизированный архив Ивана Александровича Родионова открыл нам новые грани жизни и деятельности этого известного в своё время писателя, воина и общественного деятеля. Помогли и свидетельства родственников и близких к нему людей. Так, из письма его сына, Владимира, ставшего Архиепископом Цюрихским, я узнала, что своё дворянство Иван Родионов получил от отца, генерала Александра Родионова, командира лейбгвардии Казачьего полка. Как сообщал Владыка, Государь доверял свою охрану лишь казакам, и среди них был отец Ивана Александровича и дед пятерых его детей: Ярослава, Владимира, Святослава, Гермогена и Софьи.

И ещё Владыка Серафим написал мне о своём дяде Николае, служившем при Государе лейтенантом на «Штандарте», яхте Императора Николая II-го. Сам Иван Александрович также был представлен Царской Семье.

Вообще-то, пояснил Архиепископ, род Родионовых идёт от бояр Соймоновых, которые были в немилости у Ивана Грозного, и их предок, по имени Родион, спасся, ускакав на Дон.

Что касается матери писателя, то известно о ней немного, но нельзя сказать, что эти сведения небезынтересны. Её звали Евдокия Алиханова. «Об Алихановых слыхала не раз, но как об очень давнем эпизоде… Прадед (или дед? – *Г. С.*) привёз с войны турчанку, подробностей не знаю», – так ответила мне на вопрос о горбоносых Мелеховых в «Тихом Доне» М. Шолохова и о возможности подобной истории в роду Родионовых Пиама Тимофеевна, невестка Ивана Александровича.*

---

* В предисловии к книге «Наше преступление» 1997 года издания я довольно подробно изложила свою версию о возможной причастности И.А. Родионова к знаменитому роману Шолохова «Тихий Дон» (во всяком случае, к первым двум его книгам), о чем упоминал в письме к А.И. Солженицыну сын Родионова, Святослав Иванович. – *Г. С.*

Она поведала также и о том, в чём были истоки огромной физической силы её свёкра, о которой говорили все родственники, и о чём упоминал в очерке «На рубеже двух эпох» Митрополит Вениамин:

«Сам он (Родионов. – *Г. С.*) был человеком крутого нрава и даже большой физической силы. Вероятно, подковы мог гнуть и ломать».

По словам Пиамы Тимофеевны, «Иван Александрович в младенческом возрасте вывернул на себя самовар с кипятком. Дед схватил его на руки, отнёс в конюшню и закопал в лошадиный навоз. Малыш выжил, и на теле его не осталось никаких знаков от этой катастрофы. Силы он был необыкновенной, брал уроки борьбы у знаменитого тогда силача, не помню фамилии, кажется, Заикина. Но это занятие по совету врача пришлось оставить, так как Иван Александрович потерял контроль над своими мускулами и, например, взявши в руки стакан, раздавливал его в мелкие кусочки».

Из биографии писателя следует, что после окончания Новочеркасского юнкерского училища Иван Родионов был произведён в хорунжие, и, прослужив определённое время, держал экзамен в Академию Генерального Штаба. Но, увы, не был принят за строптивость (заспорил с экзаменатором) и в 1901 году «вышел на льготу», в казачьих войсках заменявшую отставку. А в 1902 году «месяца июня, 28 дня, был повенчан первым браком с дочерью дворянина Ниною Владимировною Анзимировой в Богородицерождественской церкви села Владыкино Московского уезда».[*] Так гласит запись в послужном списке подъесаула Родионова.

Вскоре, в том же 1902 году, у новобрачных родился первый сын Ярослав, а в 1905 году появился на свет второй сын, Владимир.

Всё вроде бы складывалось хорошо и надёжно. Однако брак этот удержался недолго, где-то около $4^{\text{х}}$ – $5^{\text{ти}}$ лет. Подробности разногласий и причин развода узнать не удалось, но уже знакомый читателю Митрополит Вениамин считал, что с первой женой Родионов разошёлся из-за своего тяжёлого характера. Биограф Ивана Александровича, его родной сын от второго брака, Святослав, признался, что не был осведомлён, как протекала жизнь отца с первой женой, но слыхал, что вскоре они «расплевались по-хорошему».

---

[*] Храм этот сохранился и действует до сих пор. – *Г. С.*

Кроме того, родственница первой жены Родионова по мужу, Льву Анзимирову, Рената Иосифовна (увы, ныне покойная), обратила внимание на одну маленькую сказку писателя и журналиста, Владимира Александровича Анзимирова[*] «Бабочка». И Рената Иосифовна, и её сын, Владислав Львович, нашли в этой сказке историю замужества Нины Владимировны. Подтверждением этой догадки служит и посвящение ко всем сказкам, напечатанным во $2^{\text{м}}$ номере санкт-петербургского журнала «Путь» за 1908 год: «Моей родной Нинушке, бывшей “бабочке”, выросшей и *отлетевшей*»(?). То есть, кроме тяжёлого характера мужа («румяного офицера», как явно недружелюбно назвал его автор сказки), было изначально ещё и несогласие отца невесты на этот скоропалительный и, по его мнению, явно неравный брак. Вот потому-то, скорее всего, и не было здесь счастья, но, как нередко это бывает, всё-таки несчастье помогло. Оба супруга сумели создать новые семьи и начали, как им тогда казалось, вполне благополучную новую жизнь. Если бы, конечно, не то нелёгкое время, которое уготовила им судьба.

Однако, несмотря на семейные неурядицы и невзгоды, войны и революции, выпавшие на долю России в $20^{\text{м}}$ веке, личная жизнь Ивана Александровича Родионова была богата на события, пусть порой грозные и даже трагические, но в историческом плане очень значимые.

В начале столетия – успех и слава «Нашего преступления», сделавшие его популярным и уважаемым писателем, претендующим на высокую литературную награду.

В годы I Мировой войны отчаянная храбрость казачьего офицера обратила на него внимание командующего $8^{\text{й}}$ армией Юго-Западного фронта генерала Брусилова. Узнав, что этот сорвиголова ещё и автор нашумевшего романа, Брусилов «вытащил» писателя из окопов и поручил ему важное дело создания настоящей фронтовой газеты «Армейский вестник». Что он с успехом и сделал, превратив никудышный боевой листок одноимённого названия в печатный орган, удостоенный всероссийской известности[**].

---

[*] Издатель популярной «Газеты-копейки», выходившей в Москве и в Петербурге, сыгравший видную роль в создании в 1907 году в Москве «Общества деятелей периодической печати и литературы». – *Г. С.*

[**] Популярность фронтовой газете придавали, в частности, публикации видных писателей и публицистов, таких, как Владимир Гиляровский, Конан-Дойль, Редьярд Киплинг и др., освещавших события, связанные с войной, в России и в странах её союзников. – *Г. С.*

Большое уважение оказал младшему по званию казачьему офицеру и генерал Корнилов. Сидя в Быховской тюрьме, оба арестанта, генерал и есаул, на равных обсуждали планы спасения остатков русской армии и намечаемые на будущее переговоры с Донским атаманом Калединым.

В свою очередь атаман Каледин отнёсся к Родионову также доверительно и предложил ему возглавить войсковую пропаганду.

Не сложилось с генералом Деникиным. Но повод для размолвки с новым после смерти Корнилова Главнокомандующим был вполне убедительным. Я уже писала о том, что в сборнике воспоминаний о 1м Кубанском «Ледяном походе» многие из его участников упрекали Деникина в том, что Добровольческая армия, уходя от противника, оставляла раненых. Но никто из них не покинул её по этой причине*. А Родионов сделал это в открытую, не побоявшись любых последствий.

Журналистские и пропагандистские заслуги к тому времени уже полковника Родионова оценил и генерал Врангель, пригласив его руководить печатным делом армии, переименованной новым Главнокомандующим из Добровольческой в Русскую. Увы, этого не случилось…

Напомним читателю, что в том же качестве военного журналиста работал Родионов и при Донском атамане Краснове.

Но было у Ивана Александровича ещё одно богатство, о котором упоминалось пока только мельком и вскользь. Пятеро детей Родионова от двух его браков стали яркими личностями и тоже весьма известными людьми.

* * *

Старшего, как мы уже знаем, звали Ярослав, который, по свидетельствам многих родственников, в Союзе писателей ещё в начале 30х годов «попытался установить факт, что Книга первая “Тихого Дона” (М. Шолохова. – *Г. С.*), написанная позже второй, обнаружила более чем поверхностное сходство с рукописью отца, но там ему очень внушительно объяснили, что было бы в высшей степени бестактно заслуженного советского писателя обвинять в плагиате, да ещё у беглого белогвардейца. Будучи сыном этого белогвардейца, брат (Ярослав. – *Г. С.*) отлично понял, что не в такте дело, и благоразумно замолчал».**

* Во всяком случае, если судить по материалам упомянутой книги. – *Г. С.*

** Цитирую по биографии Родионова, составленной его сыном Святославом Ивановичем. – *Г. С.*

Именно этот Ярослав, который писал стихи и прозу, сценарии для кино и театров, в частности, для знаменитой «Синей блузы», сочинил слова популярнейшей песни «*Только встанет над Москвою утро вешнее*...», особенно полюбившейся слушателям в исполнении Леонида Утёсова. Авторство текста Ярослава Родионова подтвердил мне в своё время и композитор Никита Богословский, положивший на музыку стихи о московском извозчике.

В годы Великой Отечественной войны Ярослав Родионов ушёл добровольцем на фронт, стал военным корреспондентом, но был убит немецкой бомбой где-то около Архангельска. В одном из номеров «Журналиста» начала 70-х годов (к сожалению, точной даты по ксерокопии журнальной вырезки мне установить не удалось, но по сведениям родственников, скорее всего это был 1973 год) под рубрикой «Далёкое-близкое», с подзаголовком «Как умирали товарищи», печатались такие воспоминания поэта-фронтовика Николая Флёрова*:

> «В моём блокноте за 19 июня 1943 года записано:
>
> “…Вчера хоронили Ярослава Родионова... Ярослав был храбрый человек. Он погиб от немецкой бомбы. Он не выходил из вагона. Все выбежали. Уже свистела бомба. Товарищи крикнули Ярославу: “Ложись!”. Когда всё кончилось, его увидели в тамбуре. Он опёрся руками о стойки и говорил: “А меня, кажется, в ноги ранило...”. Осколком ему оторвало ногу и перебило другую. Его перенесли в вагон. Он говорил, как его нести, куда положить. Потом он сказал одному из друзей: “Мы ещё с тобой напишем песню...”. У него не было сил, он истекал кровью, терпел страшную боль, но не стонал, а только просил пристрелить его. Он истёк кровью и сказал перед смертью: “Ничего не попишешь – война...”.
>
> Я перечитываю эти строки, записанные, сейчас уже не помню, – то ли в относительно спокойной обстановке главной базы Северного флота, то ли в очередном боевом походе, то ли где-нибудь в землянке. Блокноты я носил постоянно с собою. Перечитываю и вспоминаю друзей,

* Николай Григорьевич Флёров – поэт, родился в 1913 г. Учился в КИЖе. Работал на заводе «Серп и молот» в заводской многотиражке «Мартеновка». Член Союза писателей. Флотская служба на Севере, боевые походы в минувшую войну, работа в ряде военных газет дают богатый материал для его книг.

что не пришли с войны, – газетчиков, товарищей по фронтовой печати. А не все они были газетчиками: были и писатели, и композиторы, и художники. Но все мы встречались в редакции флотской газеты “Краснофлотец”, что и сейчас выходит в далёком Североморске под новым именем “На страже Заполярья”».

Вот и Ярослав Родионов. Он не работал в штате «Краснофлотца», а занимался своим литературным поэтическим делом.

Мне Ярослав запомнился в роли дежурного по Дому флота в Полярном. В доме этом был балкон над главным входом. И, бывало, если объявлялась воздушная тревога и моряки базы уходили под “скалы”, то Ярослав именно в эти минуты выходил на балкон и пристально вглядывался в небо. В своей интендантской военно-морской форме с повязкой дежурного на рукаве, а то ещё и с биноклем, высокий, с мужественным лицом, он в эти минуты напоминал командира корабля на мостике перед сражением. Он наблюдал, где немецкие самолёты уже сбросили бомбы, куда направляются. Наверное, в одно время со специальными постами мог бы он объявлять отбой тревоги и докладывать о результатах очередного воздушного налёта.

А потом мы встречались в редакции. Он особенно дружил с теми, кто готовил отдел сатиры и юмора «Таран». Песня и сатира в «Краснофлотце» занимали важное место. А так как Ярослав Родионов был ещё крепко связан с самодеятельными и профессиональными музыкальными коллективами Дома флота, то его песни выходили в путь по двум дорогам: через газету и через концерты фронтовых бригад.

Сколько раз Ярослав с этими бригадами или по заданию «Тарана» бывал на кораблях, уходил с ними от причала.

– Скоро я тебе принесу не частушки, не эстрадный юмористический фельетон, а поэму для газеты. Не всё ведь для “Тарана” работать...

Он начинал работать над поэмой о легендарном острове Кильдин.

Гибель Ярослава не дала ему выполнить намётки. Многое из того, что, он написал, забыто сегодня, часто несправедливо. Но у меня, как у одного из его товарищей по фронту, радостно бьётся сердце, когда и сегодня в одной из пьес Московского Художественного театра я слышу песню поэта:

Море Балтийское,
Море тревожное.
Встал на вахту боевую
Молодой матрос...»

И ещё одна газетная страничка с программой радиопередач за 3 февраля (год неизвестен). После представления композитора Евгения Жарковского диктор рассказал следующее:

«В короткие перерывы между боевыми вылетами собирались друзья-однополчане, и был среди них “голосистый, усатый, весёлый красавец Андрей”. Товарищи просили: “Ты спой нам, Андрюша, хорошую песню, чтоб за сердце крепко брала”. И пел Андрей Стоянов, болгарский парень, нашедший в России вторую родину. Пел так, что на глаза лётчиков, каждый день смотревших смерти в лицо, невольно набегали слёзы.

Частыми гостями у воинов-североморцев бывали офицеры – композитор Евгений Жарковский и поэт Ярослав Родионов. Ярослав подружился с Андреем Стояновым, не раз летал вместе с ним на боевые задания. После гибели друга поэт написал “Балладу об Андрее”, а композитор Жарковский тут же положил её на музыку. Поэт сам впервые спел её среди друзей Стоянова.

Евгений Эммануилович Жарковский, заслуженный деятель искусств РСФСР, автор таких популярных песен, как “Прощайте скалистые горы”, “Женька”, “Талисман” и других, своё выступление посвящает памяти отважных друзей, которым не суждено было дожить до радостного Дня Победы».

* * *

Как уже известно читателю, со вторым сыном писателя Родионова, Владимиром Ивановичем, я встретилась весной 1995 года в Швейцарии, в городе Пайерн. Уйдя на покой с кафедры Архиепископа Цюрихского, священнослужитель поселился в доме своего ученика отца Мартина де Кафлиша, который вместе со своей мамой ухаживал и всячески опекал любимого наставника.

Владыка Серафим (в миру Владимир Родионов), которому в то время было уже почти 90 лет, выглядел хорошо, охотно общался и очень благодарил окружающих его людей, создавших ему на старости лет такой уют и одаривших человеческим теплом.

В гостях у сына Ивана Александровича Родионова я расспрашивала его всё больше об отце и, конечно же, про то, что слышал он об истории с «Тихим Доном». Преосвященный Серафим уверял меня в том, что в Союзе писателей все знают всё и что мне, возможно, не стоило ехать так далеко от Москвы за ответом на этот вопрос.* Увы, он был, конечно же, неправ, так как, очевидно, плохо представлял себе нашу действительность. О самом же Владыке, о его служении и о подробностях его жизни не догадалась даже спросить. А зря.

В биографии писателя Родионова говорилось, что его второй сын, Владимир, выбравшийся за границу с театральной труппой в 1924 году, остался там, чтобы учиться живописи у знаменитых художников Запада. Но оказалось, что всё было не совсем так. Гораздо теснее с тогдашним Володей общался его двоюродный брат, Владислав Львович Анзимиров, ныне кандидат медицинских наук, более сорока лет проработавший в НИИ им. Бурденко в Москве.** Несмотря на значительную разницу в возрасте, обоих братьев связывала давняя дружба и не столь, правда, частые встречи с будущим Владыкой, изредка посещавшим Россию. И вот что рассказал мне совсем недавно доктор Анзимиров:

> «… Владимир действительно имел способности художника и в начале 20-х годов, в одном из московских райкомов комсомола, отважился попросить разрешения на поездку во Францию для получения соответствующего образования. Ко всеобщему удивлению, его всё-таки командировали в Париж, где он стал учиться в “Эколь дэ Боз-Артс”, а затем и у самого Пикассо. Написал большое историческое полотно “Битва при Гастингсе” и на значительной выставке в Лондоне, как охарактеризовал её брат Владимира, Святослав, “получил за него первый приз. Начал зарабатывать хорошие деньги портретами, но вдруг всё бросил”…».

Вот это «вдруг» не смог или не стал объяснять его сводный брат, Святослав, живущий, как мы знаем, в другой семье и даже в другой стране. А, по словам Владислава Львовича, произошло чудо.

* Более подробно встреча с Владыкой Серафимом описана мною в том же предисловии к «Нашему преступлению» (Москва, «Глосса», 1997 год). – *Г. С.*

** В. Л. Анзимиров и сейчас продолжает трудиться в том же институте в качестве старшего научного сотрудника, в лаборатории нейрофизиологии. – *Г. С.*

Молодому художнику, уж неизвестно во сне или наяву, явился некий старец, предсказавший ему совсем другое будущее: он станет служителем церкви и посвятит свою жизнь Богу. Произойдёт это, как предупреждал старец, не сразу, но произойдёт о б я з а т е л ь н о .

Так и случилось. Популярный живописец и портретист, о котором уже знали в Париже и Лондоне, успешно заканчивает французскую Академию художеств и одновременно посещает Сорбонну, где знакомится с известными деятелями искусств, в числе которых были Дягилев и Стравинский. Но ум и сердце молодого человека, как описывает жизнь Владимира Родионова до его воцерковления Архиепископ Солнечногорский Сергий*, стремится к обретению истинного смысла человеческого бытия.

В двадцать лет, по воспоминаниям того же Архиепископа Сергия, Господь приводит Владимира Родионова на Святую Гору Афон, где он встречается с известным подвижником, монахом Силуаном, ныне прославленном в лике святых. Преподобный Силуан оказывает решающее влияние на выбор юношей жизненного пути, указав на его истинное призвание – монашество. По возвращении Владимира в Париж старец Силуан не оставляет его своими духовными наставлениями, которые всё больше утверждают молодого художника в правильности сделанного выбора.

В 1934 году Владимир Родионов поступает в Православный Богословский институт на Сергиевском подворье в Париже, а на следующий год уже несёт послушание при парижском храме во имя Трёх святителей, находившемся в юрисдикции Московского Патриархата. Но из-за церковного раскола, в результате которого Свято-Сергиевский Богословский институт оказался вне юрисдикции Московского Патриархата, будущий священник покидает его и продолжает образование в Парижском университете. Здесь он изучает философию, византологию, патристику**.

Вскоре он рукополагается во диаконы, а затем принимает монашеский постриг с именем Серафима в честь глубоко почитаемого им преподобного Серафима Саровского. После рукоположения в иеромонахи под духовным окормлением отца

* Ныне Митрополит Воронежский и Борисоглебский, близко познакомившийся с Владыкой Серафимом в годы их совместного служения в Швейцарии. – *Г.* С.

** Патристика – богословская наука, представляющая полное систематическое изложение учения святых отцов. – *Г. С.*

Серафима долгое время остаётся тот самый православный приход храма Трёх святителей в Париже, где он нёс своё первое послушание.

Именно здесь происходит его знакомство, перешедшее в многолетнюю дружбу с тогдашним тайно принесшим монашеские обеты врачом, Андреем Блумом, ставшим впоследствии Митрополитом Антонием Сурожским. Рядом с будущими Владыками в этом храме в довоенные годы молились русские философы-эмигранты, Николай Бердяев и Владимир Лосский.

По словам Владислава Львовича Анзимирова, во время Второй мировой войны иеромонах Серафим попадает в концлагерь, кажется, в Дании, где вместе с ним оказывается много французских подданных. Непонятно каким образом, но служителю церкви удаётся вызволить из плена около двухсот человек. И за эту, по сути антифашистскую деятельность, он награждается орденом Почётного легиона и, кроме того, ему предоставляется квартира в Париже, на Монмартре, с прилагающейся к ней специальной именной табличкой.

Дополнительные и уточняющие данные о Владыке Серафиме, опубликованные на сайте Московской патриархии, также подтверждают участие священнослужителя в той войне, но в качестве солдата медицинской службы. Суровое лихолетье не прошло для него даром: он заболел туберкулёзом и был отправлен на лечение в Швейцарию. После окончания войны иеромонах Серафим возводится в сан игумена и основывает приходскую общину храма Рождества Пресвятой Богородицы в полюбившейся ему Швейцарии, в Женеве, которую неоднократно посещает и впоследствии.

Но настоящим местом призвания будущего Владыки становится Цюрих. С 1949 года он – настоятель здешнего Воскресенского храма и остаётся на этом посту целых 45 лет. По воспоминаниям старых прихожан, каждое совершаемое отцом Серафимом богослужение было переживанием ощущения присутствия Божия…

Богословская образованность, знание многих языков*, дипломатические качества отца Серафима помогают ему ознакомить Запад с духовными основами православия. Он активно участвует во многих международных конференциях, встречах, собеседованиях по приглашениям католических, старокатолических,

* Преосвященный Серафим знал 18 (!) языков: все славянские, все основные европейские и к тому же ещё древнееврейский. – *Г. С.*

протестантских, англиканских религиозных организаций и приходов, а также Женевского университета и Богословского (протестантского) факультета Цюрихского университета. Такая многообразная и плодотворная деятельность к тому времени уже архимандрита Серафима во многом подготовила вступление Русской Православной Церкви во Всемирный Совет Церквей, которое произошло в 1961 году, на III Ассамблее ВСЦ в Нью-Дели.

В 1971 году Священный Синод Русской Православной церкви определил архимандриту Серафиму быть Епископом Цюрихским и одновременно викарием* Митрополита Сурожского Антония, Патриаршего экзарха** Западной Европы. В конце того же года во время Божественной литургии в Николо-Богоявленском соборе Ленинграда чин рукоположения во Епископы совершил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен вместе с другими видными иерархами Русской Православной церкви. Следует добавить, что Преосвященный Серафим был первым со времён Реформации Епископом с титулом Цюрихский (до этого город не имел епископской кафедры), а также то, что при всей своей известности и популярности Владыка вёл скромный образ жизни, и материальную поддержку оказывали ему в основном прихожане.

Несмотря на продолжающуюся связь с родной для него Москвой, Епископ Серафим отказался от советского подданства и, как писал его брат Святослав, «при принятии швейцарского гражданства поручителями имел Президента республики и мэра города Цюриха».

Принимая во внимание многолетние архипастырские труды, Русская Православная церковь в 1980 году награждает Цюрихского Епископа орденом Преподобного Сергия Радонежского II степени, а в 1989 году, в связи с 50-летием священнического служения, Владыка Серафим удостаивается высокого сана Архиепископа.

И только через 5 лет, незадолго до круглой даты – 90-летия со дня рождения, он оставляет свой любимый приход и поселяется на покое во французской части Швейцарии. Но уйдя на покой, бывший настоятель цюрихского храма Воскресения Христова не прекращает святительских трудов: он основывает первую

* Викарий (от *лат.* – заместитель) – епископ, помогающий правящему архиерею в делах управления епархией.

** Экзарх (гр.) – архиерей, облечённый властью управлять особо крупным церковным округом. – *Г. С.*

православную обитель в Швейцарии – Свято-Троицкий монастырь, недалеко от Цюриха, в деревушке Домпьер, где он и жил до своих последних дней.

Тяжело заболев и почувствовав приближение смерти, Преосвященный Серафим просит близких ему людей петь радостные пасхальные песнопения. И 14 декабря 1997 года в возрасте 92-х лет он умирает под торжественные звуки пасхального тропаря «смертию смерть поправ», окружённый своими учениками и возлюбившими его прихожанами. После кончины гроб с телом святителя на пять дней остаётся в церкви, на третьем этаже монастырского дома*.

На погребение Владыки приезжают архиереи из Москвы, и отпевание покойного совершает в то время управляющий делами Московского Патриархата Архиепископ Солнечногорский Сергий. Попрощаться с почившим архипастырем прибывают также его духовные чада из Италии, Франции, Германии, Голландии, Бельгии и других стран.

Подводя итоги служения одного из старейших иерархов Русской Православной Церкви, следует сказать, что усопший Владыка не оставил после себя богословского наследия: пастырских проповедей, бесед, книг. Очевидно, талант его отца, русского писателя Ивана Александровича Родионова, достался не ему, а старшему сыну супружеской четы – Ярославу: поэту, сценаристу и журналисту. Второй сын Родионовых, Владимир, получил свой талант от матери, известной московской художницы, Нины Владимировны Анзимировой, много лет проработавшей в Камерном театре Таирова. И потому наследие Преосвященного Серафима – в его прекрасных картинах, в его светлых иконах и ярких рисунках, напоминающих рисунки детей. Те, кому посчастливилось побывать в Домпьере, рассказывают, что на центральном месте в монастырской келье покойного Архиепископа и сейчас расположен мольберт, а на столе лежат кисти и палитра. Рядом с иконой преподобного Серафима Саровского, подаренной тогда ещё молодому Володе Родионову афонским старцем Силуаном, – живописный портрет святой Регулы (небесной покровительницы Цюриха) кисти самого Владыки.

… 18 марта 2006 года Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, посетивший православные приходы в

* При этом каких-либо признаков тления отмечено не было. – *Г. С.*

Швейцарии, совершил Всенощное бдение в Воскресенском храме города Цюриха, с которым почти на полвека связал свою судьбу почивший Владыка. На следующий день Митрополит Кирилл отслужил Божественную литургию в Свято-Троицком монастыре в Домпьере, а также заупокойную литию* на могиле Архиепископа Серафима. Вечная ему память!

* * *

О Святославе Ивановиче, третьем сыне писателя Родионова, знаю мало. И тоже моя вина. Ведь разговаривала я не с кем-нибудь, а с его женой, Пиамой Тимофеевной, но меньше всего расспрашивала её о муже. Основные вопросы были всё о том же Иване Александровиче. Она отвечала на них и при встрече, и в письмах, часть из которых уже цитировалась.

А ведь рассказать о своём супруге Пиаме Тимофеевне было что. Как мы уже знаем, он – первый сын писателя Родионова в его новом браке с Анной Алексеевной Кованько. В биографии отца Святослав Иванович скромно умолчал о своих знаменитых предках из материнского рода Кованько и Озерских.

Так *отцом* Анны Алексеевны был Алексей Алексеевич, известный химик, а также сын основателя химических заводов в России Алексея Ивановича Кованько. Одним из ближайших родственников этой семьи являлся генерал-лейтенант Александр Матвеевич Кованько – видный деятель русского военного воздухоплавания и авиации, изобретатель и пилот-аэронавт, начальник Учебного воздухоплавательного парка, с 1910 года возглавлявший Офицерскую воздухоплавательную школу. Именно в ней были подготовлены первые лётчики России, в том числе и наш национальный герой Пётр Николаевич Нестеров. 150-летний юбилей со дня рождения Александра Матвеевича Кованько пришёлся на март 2006 года и стал заметным событием в истории отечественного Военно-воздушного Флота.

Мать Анны Алексеевны, Софья Александровна Озерская, родилась в Барнауле, в семье генерал-майора Александра Дмитриевича Озерского, Главного начальника Алтайских горных заводов и (до 1863 года) Томского гражданского губернатора.

Кроме того, в 60-х годах XIX века А. Д. Озерский заведовал Бриллиантовым кабинетом Его Императорского Величества.

* Лития (*гр.* – усердная молитва) – часть Всенощного бдения, которая входит в состав панихиды, но может служиться самостоятельно как краткое заупокойное богослужение.

Сама же Анна Алексеевна получила отличное образование, знала 6 языков. Занималась переводами и воспитывала детей: Святослава, Гермогена и Софью, до революции вела хозяйство в своём родовом имении Устье. В годы эмиграции работала в медицинских учреждениях.

… Уже в Югославии, по дороге в Дубровник, куда направлялась поначалу семья беженцев из России, Святослав «осел» в Русском кадетском корпусе в Сараево. Окончив учебу и отслужив положенный срок, он поселился в Белграде, где испытал те же трудности с поиском работы, что и все прочие эмигранты. Женившись ещё при жизни отца, Святослав со временем переезжает к нему в Германию. Какое-то время выпускник кадетского корпуса становится распространителем часовых изделий французской фирмы «Лонжин». После окончания II Мировой войны вместе с супругой едет в Америку, в штат Коннектикут.

Здесь, благодаря ходатайству жены президента Рузвельта об устройстве эмигрантов новой волны, он получает работу инженера. Однако, будучи уже немолодым человеком, возможно, по примеру сводного брата Владимира и по настоянию своего духовника, Святослав Иванович принимает дьяконский сан и многие годы служит в приходе русской православной зарубежной церкви в городке Милфорд.

Большая заслуга третьего сына писателя Родионова, «недостойного диакона», как называл себя он сам, в том, что он составил подробную биографию отца, о которой, до её опубликования в предисловии к «Нашему преступлению» в 1997 году, не имели представления даже специалисты Пушкинского дома в С.-Петербурге.

Свою признательность за этот труд, являющийся по сути вкладом в историю русской литературы, выразил в своё время отцу Святославу Александр Исаевич Солженицын:

> «Дорогой о. Святослав!
>
> Сердечно благодарен Вам за присланные материалы. С сочувствием и волнением читал историю жизни Вашего отца, изложенную в Вашем письме. (Поразился родству с еп. Серафимом. А я, грешным делом, в Цюрихе, избегал его из-за Московской юрисдикции). Весьма разделяю взгляды Вашего отца на 1-ую Мировую войну…».*

Кроме благодарственного письма, в семье отца Святослава долго хранилась также и книга А. И. Солженицына «Бодался телёнок с дубом», вышедшая в 1975 году за границей, с авторским посвящением: «О. Святославу Родионову с уважением и сердечными пожеланиями». Эта книга была передана супругой отца Святослава, Пиамой Тимофеевной, их племяннику и находится теперь в семейной библиотеке Родионовых-младших в Санкт-Петербурге.

* Текст письма привожу не полностью. – *Г. С.*

Следует добавить, что дьякон о.Святослав, инженер по специальности, был к тому же хорошим художником и ювелиром. Писал пейзажи, натюрморты, портреты. Сохранился его замечательный автопортрет и другие картины в коллекции племянницы Святослава Ивановича (дочери его младшей сестры Софьи, урождённой Родионовой) Ольги Владимировны, ныне проживающей в США.

Некоторые его картины находятся в коллекции родственницы по другой линии, вдовы Георгия Александровича Кованько – Ольги Николаевны Кеннеди-Кованько, проживающей тоже в США, в штате Калифорния. Напомним, что в 70-х годах прошлого столетия Святослав Родионов был признан одним из лучших художников северо-восточных штатов, и его работы пользовались спросом в художественных галереях Америки.

В 1984 году, в возрасте 75 лет, Святослав Иванович скончался. Его тело было перевезено в местечко Спринг Валли, что в 60-ти километрах от Нью-Йорка, в так называемое Ново-Дивеево*, где находится единственный в Северной Америке Успенский женский монастырь с православным храмом и кладбищем. Здесь ещё в 50-е годы была погребена мать Святослава Ивановича, рядом с которой, по завещанию умершего, был захоронен и её сын.

* * *

И, наконец, нет повести печальнее на свете, чем рассказ о младшем, четвёртом сыне Родионова, Гермогене Ивановиче. В годы эмиграции он также учился в кадетском корпусе в Сараево и, хотя, судя по дневнику отца, порой огорчал родителей своими конфликтами с преподавателями и даже был временно исключён из корпуса, учебу всё же закончил успешно. Через

* В этом месте после II Мировой войны при поддержке Толстовского фонда, возглавляемого дочерью писателя Александрой Львовной, была организована русская православная община из лиц, покинувших СССР. Впоследствии Ново-Дивеево, названное в честь обители Серафима Саровского, знаменитого Дивеево в России, было объявлено правительством США национальной святыней. – *Г. С.*

некоторое время поступил в Белградский университет на философский факультет, по окончании которого получил звание абсольвента.

Гермогену, как и его старшему брату, Святославу, далеко не всегда удавалось найти подходящую работу и в Югославии, и в Германии, куда он переезжает в конце 30-х годов. В 1940 году, в Берлине, умирает его отец, которого он хоронит на кладбище в районе Тегеля, где покоится прах представителей нескольких поколений русской эмиграции. К тому времени, по сведениям родных, у Гермогена уже была семья, живущая во Франции.

Во время II Мировой войны вместе с женой Гермоген Иванович перебирается в казачье поселение на севере Италии, приютившей до поры до времени очередных скитальцев. Здесь, в поселении, в офицерской школе, он преподаёт историю и русский язык. Но по мере отступления немцев итальянцы требуют ухода казаков, и они двигаются в Австрию. Переход через Альпы был таким же тяжёлым и рискованным, как когда-то у их предков во времена Суворова. Но, преодолев горы, казаки останавливаются в тирольском городке Лиенце, где командовали союзные войска, а именно – англичане. Однако относительно мирная жизнь поселенцев была вскоре разрушена. По условиям Ялтинского соглашения 1945 года между СССР, США и Англией о послевоенном возвращении всех советских подданных в СССР, англичане выдали Сталину казаков, в число которых «по ошибке» попали лица, никогда не жившие в Союзе.

Эта история подробно описана, в частности, в книге «Жертвы Ялты» Николая Дмитриевича Толстого, внучатого племянника Л. Н. Толстого. Из неё мы узнаём подробности тайного сговора руководителей союзных держав, который обрёк на гибель и страдания в общей сложности более двух миллионов человек. Среди тех, попавших под колесо Истории, оказался и Гермоген Родионов. Не поймав в своё время отца, большевики, четверть века спустя, всё же догнали его сына…

Вот как это описывает Н. Д. Толстой. Вскоре после размещения казаков в Лиенце их атаману, по фамилии Доманов, был зачитан приказ: всем офицерам предписывалось срочно явиться на конференцию в районе города Обердраубурга, где английский фельдмаршал Александер, сочувствовавший русским и когда-то воевавший вместе с Белой армией против большевиков, сообщит им важное решение относительно их будущего. Несмотря на непонятный и настораживающий приказ, офицеры не могли не выполнить его.

Далее мне хочется привести небольшой отрывок из вышеназванной книги ради последующей фразы, имеющей прямое отношение к нашему герою:

> «На встречу с фельдмаршалом они (офицеры. – *Г. С.*) решили явиться в полном блеске; все надели праздничную форму, отглаженную и приведённую в порядок жёнами, построились в три колонны по названиям полков, красовавшихся на нашивках на плечах, – “Дон”, “Кубань”, “Терек”. Во главе каждой колонны выступал атаман»*.

Колонну же с названием “Дон” едва успел догнать казачий офицер Гермоген Родионов: все настолько спешили на важную встречу, что жена Гермогена, как рассказывали родственники, не успев пришить нашивку на другом плече парадного мундира, приколола её булавкой…

На полчаса раньше главной колонны из Лиенца в сторону Обердраубурга выехал атаман Доманов. Его встретил командир 36-й пехотной бригады, английский генерал Джеффри Мессон:

> «Я вынужден сообщить вам, сэр, – сказал он, делая паузы для перевода, – что мною получен приказ передать всю казачью дивизию советским властям. Я сожалею, что вынужден сообщить вам об этом, но приказ не оставляет мне другого выхода. Всего вам доброго»**.

Это была ловушка. Обескураженные и возмущённые казаки стали составлять петиции союзному руководству. В ответ на эти жалобы, как отмечает в своей книге Николай Толстой, 21 мая 1945года бригадный генерал Мессон получил уточнения, кого именно нужно считать советскими гражданами. Но генерал Мессон не спешил дать ход полученной информации, способной спасти хотя бы часть людей, никогда не имевших советского гражданства.

Гром грянул через 8 дней. 29 мая в штаб бригадного генерала Мессона пришла следующая телеграмма:

> «Вчера вместе с казачьими офицерами был вывезен Гермоген Родионов. Последние 15 лет он проживал в Париже и не является советским подданным. Он, по-видимому, учитель. Его семья живёт во Франции, и в казачьем лагере он

* Н. Д. Толстой. «Жертвы Ялты», Москва, Воениздат, 1996, с. 269.

** Там же, с. 270.

оказался по ошибке. Мы просим (штаб 8-го Аргильского полка в Лиенце. – *Г. С.*) вашего совета. Очень вероятно, что в казачьем лагере находится целый ряд лиц, не являющихся советскими гражданами. Какие распоряжения есть насчёт таких людей?».*

Это не был приказ, это был запрос, ответ на который, как мы уже знаем, Мессон получил более недели назад. Но… Запрос о Родионове был получен в 4 часа дня 29 мая. В это время французский учитель уже находился в руках СМЕРШа, в Юденбурге. На эту судьбу обрекли его устные приказы, «имеющие первостепенное значение», – с горькой иронией замечает Николай Толстой**.

Естественно, что подобная история не могла не потрясти автора «Жертв Ялты». Ужас случившегося состоял в том, что человек, вывезенный из России в детском возрасте (напомню, что Гермогену было всего 8 лет, когда семья Родионовых в 1920 году эмигрировала сначала в Константинополь, а потом в Югославию), не ступавший впоследствии на русскую землю, попадает в руки СМЕРШа, где ни о каких ошибках и тем более о каких-либо правах не могло быть и речи…

В «Архипелаге ГУЛаг», в главе «Та весна», А. И. Солженицын писал о трагической судьбе, которая постигла людей, переданных Сталину союзниками – Англией и США. «Какой Лев Толстой развернёт нам это Бородино?» – спрашивал автор всемирно известной книги***.

Соглашаясь с писателем, Святослав Иванович Родионов сравнил участь своего брата с участью также широко известного героя рассказа Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Оба: и Гермоген, и Иван Денисович, – провели 10 каторжных лет в сталинских лагерях.

И всё же младший сын Ивана Александровича Родионова выжил****. И более того. Освободившись после смерти «вождя», он начал новую жизнь. Остались в прошлом и Югославия, и Германия, и Франция, и вообще всякая заграница: ему было разрешено поселиться лишь в Якутске, неподалёку от тех мест, где Родионов-младший отбывал «наказание». Здесь он женился

* Н. Д. Толстой. «Жертвы Ялты», Москва, Воениздат, 1996, с. 338.

** Там же.

*** Там же, с. 142.

**** Вопреки глубокому и многолетнему убеждению в обратном специалистов Пушкинского дома. – *Г. С.*

на дочери местного священника, Анне Васильевне Киренской, и в новой семье Гермогена в 1955 году родилась девочка Анна, а через несколько лет, в 1959 году, – мальчик Ярослав, названный в честь старшего брата, погибшего в Великую Отечественную войну.

Правда, с устройством на работу по специальности было сложно. Своё высшее образование Гермоген Иванович смог подтвердить только со временем, пока не получил посылку с документами об окончании философского факультета Белградского университета. Присланный документ дал возможность дипломированному философу занять должность заведующего редакционно-издательским отделом Сибирского отделения АН СССР (Якутского филиала).

Но проработал он недолго: сказались душевные и физические муки лагерной жизни и, не дожив до 50-ти лет, Гермоген Родионов скончался от кровоизлияния в мозг и был похоронен там же, в Якутске.

«Отца я совсем не помню, – говорит мне теперь уже 48-летний его сын Ярослав. – Ведь мне было всего 2 года, когда отец умер. Сестра, постарше меня, и то мало что может сказать».

Но колесо Истории, закатившее сына Ивана Александровича и Анны Алексеевны Родионовых, уроженца Санкт-Петербурга, в далёкую Якутию, неожиданно повернуло в обратную сторону...

В те края, где жил и уже работал заведующим канцелярией правящего Архиерея Иркутской епархии Ярослав Гермогенович Родионов (к тому времени окончивший филфак Якутского госуниверситета), по своим делам приехала из Питера девушка Ольга. Это была его судьба.

После женитьбы Ярослав переехал в город на Неве. Имея призвание к священнослужению, по благословению Митрополита Санкт-Петербургского Владимира он держал ставленический экзамен* при Духовной академии. После успешной сдачи экзамена, по благословению того же Митрополита Владимира, Ярослав был рукоположен во диаконы и направлен на служение в Санкт-Петербургский храм Спаса Нерукотворного, что в Шувалове.

Значит, было всё-таки что-то в этом родионовском роду, если второй сын писателя, художник Владимир, ушёл в монахи и дослужился до высокого сана Архиепископа; третий сын, Святослав, уже в солидном возрасте стал церковным дьяконом

* Экзамен, который сдают все претенденты на священнический сан. – *Г. С.*

и, наконец, внук Родионова был назначен священником в том самом 1997 году, в котором скончался его дядя, Владыка Серафим.

И ещё одно, я считаю, неслучайное совпадение.

За много лет до рукоположения в священники отца Ярослава, которое происходило в Николо-Богоявленском морском соборе Санкт-Петербурга, в том же соборе, о чём уже упоминалось, принимал епископский сан его дядя, Владыка Серафим…

Сегодня отец Ярослав по-прежнему служит в Шуваловском храме Спаса Нерукотворного и каждый день молится за упокой своего знаменитого деда, за страдальца и мученика отца, за всех родных и близких ему людей, уже покинувших этот мир…

Вместе с матушкой Ольгой они растят троих детей: Гермогена, родившегося в 1993 году и названного в честь священномученика Владыки Гермогена Тобольского, который приходился его деду, Гермогену Ивановичу, крёстным отцом; Антона, родившегося в 1995 году, и Анну, 2000-го года рождения, названную, как и Антон, по святцам (кстати, её бабушка и прабабушка по отцу носили то же имя). Да хранит их всех Господь!

* * *

В свободные минуты, которых так мало у священнослужителя, отец Ярослав показывал мне то немногое, что осталось от его безвременно умершего родителя: фотографии разных лет, в основном довоенные, необычно большого размера и красочно оформленный диплом об окончании философского факультета Белградского университета, присвоившего отцу звание абсольвента, и стихи, написанные им уже в заключении…

Как рассказала мне матушка Ольга, хорошо изучившая историю семьи Родионовых, её свёкор, Гермоген Иванович, с которым, увы, не довелось ей встретиться, был человеком весьма одарённым. По признанию его однокашников-кадетов, в частности, со слов его родственника, младшего по возрасту кадета, Георгия Александровича Кованько, во время учёбы Гермоген значительно преуспевал в русской словесности, его сочинения не единожды признавались лучшими в корпусе.

И в суровые дни отбывания срока в сталинских лагерях Гермоген Родионов продолжал заниматься сочинительством.

Труды эти не сохранились, так как жена Гермогена, Анна Васильевна, боясь «неприятностей» для своих детей, все рукописи мужа после его смерти уничтожила. Остались лишь некоторые лирические наброски. «Сочинение стихов в ГУЛаге было, кстати, довольно распространённым явлением, – говорит матушка Ольга. – Лирика позволяла узнику не потерять душевного равновесия и не впасть в погибельное отчаяние, находясь в земном аду. Она давала автору возможность душою окунуться в его мирное, свободное прошлое, где любые житейские радости были частичкой земного рая».

Вот несколько стихотворений арестанта, не разлюбившего жизнь, не потерявшего веру в своё спасение и в своё будущее:

Хорошо морозным утром
Спозаранку на дворе
Любоваться перламутром
Нежных красок на заре.

А потом на лыжах мчаться
С вихрем наперегонки…
Или с милой повстречаться
В тайном месте у реки –

Мигом усадить на санки,
Шубкой нежно опахнуть,
И чрез рощи и полянки
В степи вольные махнуть.

Щёчки ярко заалеют,
Бровки снегом запушит,
Радостно душа замлеет,
Сердце в счастье задрожит.

Глазки кротко улыбнутся.
Скажет: «Милый, я боюсь…»,
Но назад уж не вернуться,
Как не сетуй, как не трусь.

Конь летит. Алмазом блещет
Снежных искор хоровод.
Сердце девушки трепещет –
Страшен ей «запретный плод»!

* * *

На вечернем небосклоне
Искрой звёздочка зажглась
И в весёлом хороводе
Звёзд волшебных унеслась.

Луч её, как луч зарницы,
Осветил мой утлый чёлн,
И теперь лишь он мне снится,
Им живу, и им я полн!..

* * *

Сплетая в рифмах тернии и лильи,
Вино и кровь найдя в реке времён,
Я не умру в беспомощном усильи
Прославить музы олимпийский трон.

Певец любви, свободы и отваги,
Служитель мысли, правды и добра,
Как в пиршествах дворцов, так в сени колымаги
Я жизнь запечатлел движеньями пера.

Ни днём, ни ночью не смыкая веки,
Художник чувством, мыслию творит.
Мой стих потомкам освещает вехи –
В нём правдой солнце времени горит.

«Во имя доблести, добра и красоты», –
Вот цель моих трудов, девиз моей мечты!

---

* * *

К сожалению, я очень мало знаю о единственной дочери Ивана Александровича Родионова, красавице Софье. И не потому, что сказать о ней нечего. В своих дневниковых записях Иван Александрович называл дочь не иначе, как Софьюшкой, и гордился её дарованиями. И вправду, Софью Ивановну, кроме природной красоты, Бог наделил ещё и талантами художницы и рассказчицы. Она хорошо владела иностранными языками, но при всём этом оставалась лишь домохозяйкой и матерью своего небольшого семейства. Выйдя замуж, жила

в Югославии, в Германии, в Швейцарии и в Америке. С родными братьями и их семьями была не очень близка. В архиве есть письмо её отца: он просит жену Анну Алексеевну прислать рисунок ножки внучечки (очевидно, Оленьки), которую он безумно любил. «Это был его магнит», – вспоминала Пиама Тимофеевна.

Итак, если бы не страдалец Гермоген, то родионовский род продолжить было бы некому. Сын Ярослава-старшего, Владимир, также названный по традиции в честь родного брата Владимира, умер внезапно ещё в школьном возрасте; Владыка Серафим и дьякон Святослав были бездетными; дочь Софья продолжила род мужа. Ну а Гермоген, создавший новую семью в суровом сибирском крае, почти на Колыме, родил сына Ярослава, у которого в свою очередь родились сыновья Гермоген и Антон.

Так, наперекор всем и всяческим стихиям, Родионовы не только выжили, но и продолжили свою славную фамилию, подтвердив народную мудрость о том, что казацкому роду нет переводу!

* * *

В заключение скажу следующее: ещё в биографии Ивана Александровича Родионова его сын Святослав отмечал противоречивость личности отца и двойственное отношение к нему либеральной интеллигенции. Для одних он был пророком и провидцем, для других – монархистом и даже мракобесом; некоторые обвиняли его в распространённом тогда среди части русских интеллигентов антисемитизме. К сожалению, литературные произведения Родионова сейчас малодоступны, да и сохранились далеко не все. В этом я убедилась лично, потратив немало времени на поиски его повести «Любовь» (крымский, финальный период Белого движения), пока не наткнулась на сообщение о том, что повесть была уничтожена автором незадолго до его кончины*.

То есть, исследование всего творчества писателя – теперь дело сложное. Да и я, будучи журналистом, а не литературоведом, не рискнула бы взять на себя такую ответственность. Судить же о личности Родионова, о его гражданской позиции, о его роли в I-й Мировой войне и революции, об участии в

---

* Вспомним также и приписку Святослава Ивановича Родионова в письме к Александру Исаевичу Солженицыну: «перед смертью отец сжёг все рукописи...». – *Г. С.*

смертельных схватках красных и белых, закончившихся поражением последних, а также о его жизни в эмиграции я предоставила людям, которые были значимы не только для самого писателя, но и для всей России. Эти воспоминания и свидетельства зафиксированы в полученном мною архиве Ивана Александровича Родионова (тоже, очевидно, далеко не полном), но где ни убавить, ни прибавить ничего, даже если бы очень хотелось, нельзя…

Галина Стукалова

2001 – 2007 гг.

* * *

Как известно из биографии Родионова, одной из первых книг, написанных в эмиграции, была его повесть «Жертвы вечерние. Не вымысел, а действительность». Она посвящалась «…**незабвенной памяти великих страстотерпцев и мучеников русской земли** – жертвенной военной и учащейся молодёжи, пролившей потоки невинной крови и усеявшей своими благородными костями поля Дона и Кубани, отстаивая обманутую, поруганную и ограбленную Родину,… за грехи, верхоглядство и преступления их легкомысленно промотавшихся отцов».

Название повести взято из 140-го псалма Давида «Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою; воздеяние руку моею – жертва вечерняя».

Казалось бы, прекрасный замысел, тонкие ассоциации человека глубоко образованного и глубоко верующего, личное участие в тех предсмертных схватках с врагами России, когда на глазах бывалого, закалённого в боях воина, гибли зазря тысячи смелых, отчаянных, преданных Отчизне юнцов, этих невинных агнцев, обречённых на заклание, – всё это сулило успех новому художественному произведению известного писателя.

Но условия для воплощения этого замысла оказались крайне неблагоприятными. Вспомним, что во время «Ледяного похода» (февраль – апрель 1918 года), тяжёлого и мучительного самого по себе, Иван Александрович заболел сыпным тифом, и, как писал его биограф, сын Святослав, семью спасла мать. И уже в 1920 году вместе с другими беженцами из России Родионов попадает в Константинополь, затем переезжает в Югославию, где его преследуют очередные финансовые неудачи.

Поэтому в экстренном порядке, кое-как устроив жену и детей, писатель подаётся на заработки сначала в Париж, потом в Берлин. Здесь с помощью друзей он **спешно** (не побоюсь этого слова), в 1922 году издаёт повесть о 1-м Кубанском походе Добровольческой Армии, написанную всего за год с небольшим.

О недоработке художественного материала свидетельствуют прежде всего повторы описываемых ранее событий и ситуаций.

К примеру, автор несколько раз возвращается к прискорбному поступку, вернее приказу генерала Деникина об оставлении раненых, чего никогда не делал бывший Главнокомандующий, убитый под Екатеринодаром генерал Корнилов. Понятны боль и возмущение участника похода, но стройность сюжета от этого только проигрывает.

Кроме того, в наспех изданной повести Родионову изменяет присущая ему аналитичность. «В моих предвидениях, – признавался писатель в приводимом ранее письме к генералу Краснову, – чувство играет небольшую роль. Я реально знаю человеческую душу, довольно хорошо взвешиваю соотношение сил, борющихся во всём мире. А для этого нужна почти совсем точная арифметика, в которой чувства в %, как всем известно, ни на крапинку нет. Значит, у меня есть что-то другое, вероятно, разум».

К сожалению, монологи героев в «Жертвах вечерних» излишне эмоциональны и даже истеричны: здесь чувства, увы, подавляют разум, а расставленные акценты не только не точны, но чаще всего несправедливы. На мой взгляд, будь у Родионова больше времени для раздумий, он непременно бы ещё и ещё раз подчеркнул, что гибель России произошла не только из-за превосходящей, грубой силы, коварства и жестокости её врагов, но в равной степени и от ситуации, сложившейся в самой России*, а также гнуснейшего предательства многих из тех, кто находясь на ответственных постах, не только не укреплял, но и всячески расшатывал государственные устои...

И всё же писательский дар непосредственного участника «Ледяного похода» помог воспроизвести и сохранить навеки каждодневную и даже ежечасную хронику боёв так называемых рыцарей тернового венца. Повторюсь: всем дожившим до окончания боевых действий первопоходникам вручались памятные знаки отличия, на которых был изображён меч в терновом венце на Георгиевской ленте.

Поэтому, кроме архивных материалов, дневниковых записей, сделанных уже в эмиграции, то есть спустя 10 и более лет после случившегося, я предлагаю читателю ознакомиться с **выдержками** из книги «Жертвы вечерние», созданной Родио-

* Вспомним, что еще в 1909 году, т.е. задолго до революции, автор «Нашего преступления» пророчески предупреждал: разобщение русского культурного класса с народом ведет к краху – *Г. С.*

новым, образно говоря, по горячим (а точнее, по «холодным») следам этого незабываемого события в истории России.

* * *

«… Ещё по дороге к Новочеркасску из окна вагона он* увидел вдали высившийся над голыми степными буграми своим фронтоном и золотыми куполами, освещёнными лучами заходящего солнца, белый, с нежным розоватым отливом, прекрасный, величественный собор.

Он, подобно лебедю, горделиво плавал в синем небе.

Тогда казалось, что этот чудесный храм стоит среди чистого поля.

И теперь Юрочке казалось, что этот маленький, уютный городок, разбросавшийся по крутым буграм, с домами-особняками, весь в садах и аллеях, построен для своего удивительного храма, а не храм для него.

Всё, не мирившееся с кровавой властью воров и убийц, всё оскорблённое, ограбленное, гонимое, спасая свои головы, если имело возможность бежать, бежало сюда со всех концов великой, обезглавленной, обречённой России.

Бежали сюда землевладельцы, заводчики, фабриканты, чиновники, купцы, бежали с погибшего фронта несчастные жертвы подлейшего предательства Гучкова и Керенского – страстотерпцы-офицеры, генералы, юнкера, кадеты, профессора, люди свободных профессий и учащаяся молодёжь.

Дон настежь открыл для всероссийских беженцев свои гостеприимные двери и всех приютил.

Эти обездоленные люди, выгнанные изуверской властью чуждых пришельцев из своего прародительского дома, все свои упования и надежды возложили на атамана Каледина и на донских казаков, все от них одних, от их патриотизма, храбрости, стойкости и способности к жертвам чаяли спасения и возрождения России.

* * *

… В Новочеркасске оказались почти все Быховские узники с самим Корниловым во главе, те генералы и офицеры, кото-

* Герой повести – Юрочка, вчерашний гимназист, которого мать отправляет на Дон, подальше от Москвы, захваченной большевиками. – *Г. С.*

рые, рискуя своими головами, выступили против подлых и гибельных экспериментов Керенского над армией и Россией.

Последняя цитадель умирающей русской государственности, как смертоносными кольцами удава, сжималась со всех сторон, и, главное, – в сердце самой цитадели было совсем неблагополучно.

Казаки-фронтовики отказывались исполнять боевые приказы своего начальства, заносчиво, по-хамски разговаривали со своим выборным войсковым атаманом, грубо во всём перечили ему и кричали о своём нейтралитете.

Между тем, на подступах к Таганрогу, отстаивая от напора красных Тихий Дон, дрались не сыны его, а лили свою кровь малочисленные кучки пришельцев – всероссийские мученики и стояльцы за родину – офицеры.

В донецком бассейне с партизанами из жертвенной учащейся молодёжи разил большевистские банды молодой, доблестный есаул Чернецов.

Все заборы и стены на улицах Новочеркасска были обклеены плакатами с воззваниями записываться в добровольческие и партизанские отряды Чернецова, Семилетова, Назарова и других.

* * *

… Каждый день с утра большой соборный колокол внушительно гудел, и густой гул его редких, призывных ударов широкими и мощными волнами медлительно и величаво печально стлался по земле. И таинственно-загадочно гудела земля и откликалась, уныло звучали строения на ней и стонали оголённые стволы и ветви деревьев города-сада.

И все эти многоговорящие звуки тоскливым, молитвенным воплем возносились к далёкому, холодному небу.

И в предшествии многочисленного траурно-одетого клира с седым епископом во главе из главных врат величественного собора выступала длинная, торжественно-печальная процессия, спускаясь по белым ступеням на обширную площадь.

Чинные, безмолвные толпы народа, точно разрезанной надвое огромной волной, с обеих сторон обтекали процессию.

Прощальный похоронный перезвон всех колоколов сопровождал её.

Войсковой хор певчих в длинных, голубых кафтанах, отороченных серебряным позументом, с откидными рукавами

великолепными голосами пел «Святый Боже!» и погребальные стихиры.

Хоры трубачей играли похоронные марши.

Ряд высоких, чёрных катафалков на чёрных колесницах, везомых чёрными лошадьми, под чёрными попонами, с чёрными гробами убитых в последних боях, сопровождаемый по бокам чёрными факельщиками, медленно вытягивался и шествовал вдоль тополёвых аллей по Платовскому проспекту, сворачивал вправо на Московскую улицу и следовал дальше за город, до места последнего упокоения.

Чёрные гробы и колесницы павших в боях защитников насмерть раненной государственности утопали в цветах, венках, лентах.

Убитые были исключительно молодые офицеры, юнкера, кадеты, студенты, гимназисты, семинаристы и иная зелёная учащаяся молодёжь.

Редкий из этих жертв вечерних перед Престолом Всевышнего пережил свою двадцатую весну.

Безмолвный, опечаленный народ густыми толпами в полном порядке сопровождал останки своих защитников.

Недоумение, подавленность и растерянность перед страшным настоящим и загадочно-грозном грядущим читалось на лицах всех.

В первых рядах сзади вереницы гробов неизменно всегда виднелась понурая фигура атамана Каледина в сером офицерском, наглухо застёгнутом, пальто, в высокой, серой барашковой папахе.

Его шафранно-жёлтое, овальное, бритое лицо, с красивым, округлым очертанием щёк, с выдавшимся носом над подстриженными усами носило печать неотступной, тяжкой думы, смертельного переутомления, муки и безысходной печали; длинные, загнутые кверху ресницы закрывали всегда опущенные вниз унылые глаза.

Изредка он вскидывал глазами, точно обессиленный орёл, запутанный в крепкие, предательские тенета.

Непроницаемый и удручённый, он тихо шёл с процессией до поворота на Московскую улицу, каждый раз терпеливо выстаивал служившуюся здесь в виду памятника герою Платову литию и, когда процессия поворачивала вправо, он, ни на кого не глядя, одинокий, понурый, погружённый в свои горькие

думы, молча шёл налево, и тихо, как тень, неизменно одной и той же дорогой удалялся к себе во дворец.

* * *

… В те времена товарищем Атамана Каледина и духовным руководителем всего Донского казачества к великому несчастию являлся Митрофан Богаевский.

Молодой человек, вдохновенный оратор, донской златоуст, как не без основания его называли, любивший родное казачество какою-то восторженной юношеской любовью, а по своим убеждениям, вынесенным из университетских стен, с головы до пят демократ-теоретик, Богаевский в своей политической деятельности задался явно недостижимой целью.

Ему хотелось одемократизировать казаков, а для этого слить их воедино с донскими иногородними демократами, но с тем, чтобы казачество оставалось таким, каково оно есть, со всеми его преимуществами, утверждёнными царями, и с бытовым укладом; иногородних же мужиков, оставляя прежними демократами, сравнять с казаками в земельных наделах и во всех иных правах.

Как это должно произойти, он и сам не знал.

* * *

Далее Родионов описывает обстановку в Новочеркасске после гибели полковника Чернецова, на которого Войсковой атаман и Донское правительство смотрели как на единственную, но надёжную и твёрдую опору их власти.

… Город заволокло промозглым, тусклым туманом. С неба, с деревьев и с крыш лилась вода. Со степи поднялся сильный, порывистый ветер. Жалобно и тоскливо скрипели и стонали мокрые деревья Александровского сада позади Атаманского дворца. Ветер с завыванием и шумом ожесточённо трепал их ветви и свистал в оголённых вершинах. Таинственно звенели многочисленные телеграфные и телефонные проволоки; зловеще и жутко гудели столбы. На Дворцовой улице у дома Атамана по целым ночам надрывались от беспрерывного, протяжного воя собаки, чуя приближение страшной беды.

Земля от беспрерывных дождей раскисала. На всём лежала печать уныния, обречённости, безнадёжности и тоски.

Прошла всего одна неделя после смерти Чернецова и выяснилось, что в руках Атамана вся наличная боевая сила Дона выражалась в количестве 147 партизанских штыков.

Большевики пододвинулись к Новочеркасску почти вплотную. 29-го января среди дня Атаман Каледин собрал во дворце Донское правительство, в краткой, спокойной речи изложил безнадёжное положение защиты Новочеркасска, сложил с себя атаманские полномочия, предложив своим соправителям последовать его примеру.

Те повиновались.

В два часа все разошлись из дворца, растерянные и смятенные.

У Войскового штаба с утра стояли осёдланные лошади. Вокруг них толпились взволнованные вооружённые офицеры.

Это был конвой, добровольно сформировавшийся с целью взять Атамана и хотя бы силою вывезти его из Новочеркасска в безопасное место. Атаман знал о замыслах его приближённых и офицеров.

В 2½ часа дня по Новочеркасску пронеслась страшная молва, что Атамана не стало.

Каледин покончил с собою выстрелом из револьвера в сердце.

Утомлённый непосильной борьбою орёл, изменнически всеми оставленный, умер, как подобает царственной птице. Он отверг предложенное ему спасение жизни и сам выклевал собственное сердце, дабы оно не досталось на растерзание гнусным воронам.

* * *

…После падения Ростова и сдачи мятежным казакам Новочеркасска начался знаменитый в истории зимний поход Добровольческой армии на Кубань.

Состояла она, главным образом, из великих мучеников и страстотерпцев нашего смрадного бунта – офицеров бывшей великой русской армии, из несчастной учащейся молодёжи и из незначительного количества кадровых солдат и донских казаков, головы которых не помутились от повального всероссийского безумия и подлости.

В своих рядах эта армия едва ли насчитывала две с половиной тысячи бойцов. Вёл её герой Корнилов.

* * *

… Необычайную картину представляло собой шествие Добровольческой Армии.

По ровной неоглядной степи, едва прикрытой белым снегом, тающим под действием лучей февральского солнца, пешком впереди всех в своей серой, длинной шубе, в высокой серой папахе с шашкой при боку и палкой в руке, шлёпая по грязи, шёл сам Корнилов. За ним – в косматых шапках, в своём пёстром одеянии – конная кучка немногочисленного текинского конвоя с молодым красавцем Ханом Хаджиевым во главе. Большое трёхцветное полотнище российского национального флага – единственного в то время во всей опоганенной русской земле – на длинном древке несли не чисто русские люди, а текинцы.

За ними, блестя на солнце штыками, жидкими, но стройными рядами, шли офицерские полки генерала Маркова или партизаны Богаевского.

Молодые голоса мелодично и стройно пели сложенную уже на походе свою грустную богатырскую песню:

«Дружно, Корниловцы, в ногу!
С нами Корнилов идёт.
Спасёт он, поверьте, отчизну,
Не выдаст он русский народ!

Корнилова носим мы имя,
Послужим же честно ему,
Доблестью нашей поможем
Спасти от позора страну!»

* * *

… Настала великая длительная боевая страда.
Добровольческая армия, оторванная от всякой почвы, не имевшая ни тыла, ни флангов, с громадным хвостом из своего обоза, со всех сторон, точно в мышеловке, окружённая большевистскими полчищами, стихийно, слепо ненавидимая мужицким населением, которое всеми способами помогало её врагам, как гонимое степным ветром перекати-поле, продвигалась к берегам Кубани.

Смертоносная петля из многочисленных, отлично и изобильно вооружённых и снаряжённых, всегда неизменно разбиваемых, но и неизменно вновь нарастающих большевистских полчищ, всегда была занесена над её головой.

Помимо распропагандированных воинских частей, помимо банд, присланных центральной разбойничьей властью с Севера, ещё и многомиллионное иногороднее, т. е. мужицкое население Дона, Кубани и Кавказа единодушно встало на ноги и ополчилось против «кадетов».

Много раз казалось, что эта живая, беспощадная петля вот-вот насмерть захлестнёт крошечную армию, что выходов у неё нет.

Но она, непобедимая, каждую минуту готовая насмерть биться и умереть, своими сокрушительными ударами всякий раз рвала мёртвую петлю и, размётывая вражеские полчища, расчищая перед лицом своим кровавый коридор, неизменно и упорно шла всё вперёд и вперёд, не отдав в добычу врагу ни одной повозки, ни одной лошади из своего огромного обоза.

Всегда полуголодные, не выспавшиеся, до последнего предела переутомлённые, в рваных, холодных, промокших шинелях, часто без белья, в дырявой обуви, поедаемые вшами, то по невылазной грязи, то по снегу и морозу, то под проливным дождём, то по горло в воде, обвеваемые буйным, пронизывающим до костей степным ветром, безропотно совершали свой кровавый крестный путь чины маленькой армии, неся в сердцах своих обломки разрушенной в русской земле государственности.

Им надо было либо победить, либо умереть.

Но как же победить напиравшую на них со всех сторон разбушевавшуюся народную стихию?! И они, нанося страшные удары, умирали доблестно, геройски, гордо, никогда не унижаясь перед свирепым врагом до мольбы о пощаде.

* * *

Не удержавшись в Новочеркасске и Ростове, Добровольческая армия двинулась на Екатеринодар.

… Генерал Корнилов, перейдя по мосту речку, расположился со своим штабом на противоположном берегу у самой воды в покинутой землянке сторожа.

Его небольшая, чрезвычайно тонкая, гибкая фигура в сером, длинном полушубке при полном боевом вооружении, в серой папахе и высоких сапогах виднелась снаружи у самых дверей землянки.

Ни тени тревоги или беспокойства незаметно было на его худом, желтоватом, решительном лице с завалившимися щеками, с выдавшимися скулами, с длинным разрезом чёрных, холодных, быстрых глаз, с маленькой, чёрной, полуседой бородкой и тонкими, вниз спускающимися усами.

Мимо него, сплошной неразрывающейся вереницей поспешно переходили по мосту повозки, всадники, пешеходы.

Прищуриваясь от яркого солнца и приподнимая верхнюю губу настолько, что из-за неё сверкали белые зубы, Корнилов скользил взглядом по скрипящему, гремящему и гудящему от топота множества копыт, человеческих ног и стука колёс мосту, внимательно осматриваясь по сторонам, сверяясь с картой, которую держал в чрезвычайно бледной, маленькой, точёной руке с длинными, тонкими пальцами и отдавал штабным офицерам какие-то приказания.

Около Корнилова, заложив руки за спину, по-бычьи низко опустив голову, нервной, развалистой походкой на толстых ногах прохаживался взад и вперёд на коротком расстоянии между шалашом и берегом грузный, с моложавым, но оплывшим бритым лицом начальник штаба генерал Романовский.

Он был при шашке, с револьвером на боку его серой, короткой шубейки и, глубоко погружённый в какие-то думы, казалось, не замечал происходящего вокруг него.

По приказанию командующего всех мужчин из обоза, способных двигаться, адъютанты останавливали по переходе через мост у землянки и, раздав им запасные винтовки с патронами, партиями отправляли в цепь.

Седые, искалеченные полковники, капитаны и штатские люди всяких рангов и положений строились, как рядовые, и шли в бой.

Все понимали, что сегодня положение армии настолько трудное, как никогда прежде.

* * *

… Часам к трём дня на главном передовом фронте добровольцев дело начало принимать очень дурной оборот.

Отряд генерала Маркова, состоявший преимущественно из молодых, закалённых в боях офицеров, малочисленный, утомлённый, поражаемый с фронта и флангов артиллерийским и ружейным огнём, под напором многочисленного врага стал медленно подаваться назад.

Цепи этого отряда уже появились на склонах возвышенности.

С низины, из обоза простым глазом уже видны были одиночные отступающие стрелки.

Взоры всех с трепетным вниманием приковались к этим резко отчеканенным на ясном фоне неба чёрным силуэтам.

– Плохо наше дело, совсем плохо...

– Да, всему есть предел, даже безумству храбрых. Видимо, доживаем последние минутки... Ну что ж, на всё Божья воля! – говорили одни.

– Выворачивались из всяких обстоятельств, – замечали другие. – Разве лучше было под Кореновской или у Усть-Лабы, под Некрасовской? На то Корнилов... Вывернется и ещё по роже им накладёт...

– Дай-то Бог. Только большевики сегодня сильнее, чем когда бы то ни было.

И никто не тронулся, никто не заторопился, может быть, потому что некуда было тронуться, незачем торопиться. Всё придёт само собой в своё время. Но, кто имел револьверы, чаще обычного переводили на них глаза.

В случае катастрофы это было единственное спасение от невыносимых издевательств и мук.

Шрапнели снижались, ещё усиленнее выли и причиняли ещё больший вред людям и лошадям.

Каждую минуту можно было ожидать, что добровольческие цепи вот-вот будут сброшены вниз, на обоз.

В таком случае для Добровольческой армии не оставалось бы выхода.

Её ожидало поголовное истребление.

Обоз пристыл глазами к своим защитникам.

Партизаны, с утра дравшиеся в арьергарде, с большим успехом отражавшие напор большевиков на оставшийся за спиной добровольцев хутор, наконец, совсем рассеявшие перед собою красных, в самый критический момент по приказанию Корнилова были брошены на помощь изнемогавшему отряду Маркова.

Юноши, запылённые, усталые, но окрылённые новой, только что одержанной победой во главе со своим бригадным командиром – невозмутимо спокойным генералом Богаевским, стройными рядами бодро двинулись в новый бой.

При переходе по мосту Корнилов горячо благодарил их за сегодняшнее молодецкое дело и ожидал от них новой победы.

Похвала из уст любимого всеми командующего ещё более окрылила юные сердца.

– В полчаса всё кончим! – уверенно говорили Богаевский и офицеры.

Пройдя поляну между повозками обоза, партизаны поднялись в гору и на правом фланге офицерской бригады рассыпались в цепь.

Марковцы прекратили отступление.

По всему фронту разгорелся ещё более горячий бой.

От грохота орудий, от завывания и разрыва снарядов, от рёва пулеметов, от беспрерывного ружейного гула и шума разбушевавшегося сзади пожара ничего не было слышно.

Но продолжался этот бешеный бой не более получаса.

Большевики дрогнули.

Добровольцы дружно ринулись в штыки.

Противник не принял удара и бежал.

* * *

… Добровольческая армия, переутомлённая беспрерывными походами и боями, с поредевшими рядами, оборванная, голодная, не имевшая снарядов, израсходовавшая почти все патроны, вёзшая в своём неповоротливом обозе трупы своих убитых, которых некогда и негде было похоронить, с громадным транспортом больных и раненых, которых нечем было накормить, нечем одеть, нечем лечить и даже некем охранять, спешила на соединение с кубанцами и жаждала отдыха и подкреплений.

Вечером добровольцы пришли в полуопустевшую Рязанскую станицу, из которой казаки-фронтовики сегодня почти поголовно сбежали к большевикам, а их отцы и деды встречали Корнилова с хлебом-солью, как давно жданного дорогого гостя, и на коленях, со слезами целовали его руки.

Совершалось что-то непостижимое: в одной семье, недавно столь дружной и согласной, шёл великий разнобой, чреватый невообразимо страшными, гибельными последствиями.

* * *

… Добровольцы, с самим Корниловым во главе, выйдя из Шенджи, направились на станицу Ново-Дмитриевскую и через несколько часов похода не имели на себе ни одной сухой нитки.

Помимо холода, дождя, ветра, а потом пурги, донимавших их и сверху и со всех сторон, с недалёких Кавказских гор в степь ринулись потоки, и в короткое время все бесчисленные низины наполнились водой, буераки и балки обратились в бурные речки, а ручейки и речушки разлились в целые реки.

Мосты почти повсюду снесло, а где они уцелели, то посередине широких водных пространств сиротливо торчали наружу верхушки перил, а поверх мостовых настилов хлестала вода.

Добровольческой пехоте во многих местах пришлось брести по грудь в воде. Пушки перетаскивали и лошадьми, и на руках.

От командующего армией до последнего рядового всем выпала одинаковая доля.

Пока шёл дождь, двигаться по грязи и по воде в полном боевом снаряжении было трудно.

Но вот похолодело, усилился ветер и закрутил снежный буран.

Ни впереди, ни по сторонам не было видно ни зги.

Люди, выходившие из рек с ручьями стекавшей с них воды, сразу облеплялись снегом и обмерзали.

Ветер захватывал дух в груди и валил с ног долой.

* * *

Казалось, самые стихии ополчились против добровольцев, казалось, самая злобная вражеская фантазия не могла придумать более мучительной пытки, какую наслала природа на эту кучку несчастных, обездоленных людей, казалось, такую кару Божью, обрушившуюся в степной пустыне, не в силах было вынести ни одно живое существо.

Но впереди своих железных полков ехал в сопровождении конвоя на великолепной, игреневой масти, кровной лошади один человек.

Он был невысок ростом, тонок, худ, на вид хил и слаб, но стальной закал его тощего тела, видимо, не уступал железной воле его титанического духа.

Человек этот был Корнилов.

Армия обожала его, беззаветно верила ему и знала, что раз, невзирая ни на какие стихийные преграды, ведёт её Корнилов, значит, так надо, значит, иначе нельзя.

Да и действительно, невозможно было терять ни одного дня.

Корнилову – какой бы то ни было ценой – необходимо было взять Екатеринодар, пока большевики не укрепились в нём и не стянули силы от Новороссийска и Ставрополя.

Без занятия Екатеринодара все уже принесённые добровольцами тяжелые жертвы мало того, что пойдут насмарку, но и самой армии грозила неизбежная поголовная гибель.

На пути стояла Ново-Дмитриевская станица.

Надо было сломить эту преграду.

И вождь, не щадивший своих сил и здоровья, оплакивая в сердце каждую пролитую каплю крови своих бойцов, принимал страшные решения, требовал от себя и своей армии сверхчеловеческих трудов и подвигов.

В короткое время добровольческие колонны обратились в вереницы белых, медленно двигающихся страшилищ.

Заледеневшая одежда, словно панцирем, сковывала тело, мешала движениям, но и от холода не защищала. Винтовки падали из окоченевших рук, онемевшие ноги отказывались служить.

Прошло несколько часов непосильной борьбы людей с суровыми стихиями…

Люди дошли до изнеможения. Каждому не хотелось уже дальше двигаться, не хотелось ни о чём думать, всех тянуло лечь на землю и заснуть мёртвым сном.

Командиры останавливали свои части и давали своим подчинённым вольно. И добровольцы, не разбирая чинов и положений, схватывались друг с другом, боролись, кувыркались, катались по земле, дубасили один другого прикладами и кулаками.

От одежды во все стороны летели ледяные осколки.

Поднимался шум, крик и смех.

А вьюга курила и бушевала.

Согревшись, добровольцы строились в колонны и продолжали свой путь. Но пройдя версту, много – две, они снова останавливались и снова начинали согреваться по прежнему способу.

Во второй половине дня добровольцы подошли к станице Ново-Дмитриевской. Тут им преградила путь вспучившаяся река.

* * *

… – Только одни наши баричи могут драться в такую сатанинскую погоду! – обронил крылатую фразу генерал Марков, лично руководивший боем в рядах своих офицерских полков.

В то время как на окраинах станицы шёл жестокий бой, и озверевшие добровольцы лоском клали красных, беря хату за хатой, улицу за улицей, в середине за бешеным завыванием бури большевики и не подозревали о нашествии страшных «кадетов».

Их захватывали врасплох.

Наконец-то измученные, голодные, полузамёрзшие люди дорвались до тепла.

* * *

… Путь к станице Елизаветинской начался с переправы через быструю, мутную и полноводную в это время года реку, [которая] производилась на двух небольших наскоро наведённых паромах.

Одиночные люди переезжали в лодках.

За первую ночь и день успели переправить только некоторые боевые части и артиллерийский обоз.

В бой пошли партизаны, Корниловский полк и кубанцы.

Раненых и больных оставили на берегу под прикрытием офицерского отряда генерала Маркова.

* * *

… Весть о ранении Корнилова с быстротою молнии пронеслась по станице (Елизаветинской. – *Г. С.*). Везде по улицам собирались кучки странно притихнувшего, как бы чем-то оглушённого народа, и из уст в уста шёпотом передавались подробности тяжкого события. Но никто ничего достоверного не знал. Одни говорили, что генерал ранен легко, другие, – что тяжело, третьи утверждали, что он контужен. Все боялись допустить мысль, что Корнилов может быть убит.

Все ловили пеших и конных, приезжавших с позиций, и прислушивались к тому, что те сообщали.

Приезжие и проходившие – одни ничего не знали, другие – из тех, что побывали в штабе на ферме, не отрицали, что генерал ранен. Лица у них были сумрачные и растерянные, много говорить и пояснять явно избегали.

После обеда стали бродить ещё более страшные слухи. Говорили, что Корнилов убит и тело его уже перевезено в станицу, что местный священник служил панихиду у его гроба.

Кроме штаба командующего и весьма ограниченного количества случайных свидетелей, никто ещё правды не знал, но в

тылу были уже признаки смятения. Все ходили с опущенными руками, на вытянутых лицах читалась полная растерянность.

Напряжённый бой в городе продолжался целый день, не только не ослабевая, но временами даже усиливаясь. Все знали, что на 1-ое апреля Корниловым назначен решительный штурм Екатеринодара.

Орлы боевые – чудесная офицерская бригада генерала Маркова, вызванная с того берега Кубани ещё 28-го марта, беря с боя дом за домом, квартал за кварталом, заняла половину Екатеринодара и вышла уже на Красную улицу – главную в городе.

Большевики, испытывая на себе сверхчеловеческий, не ослабевающий, а всё возрастающий напор кучки героев, неся страшные потери в своих рядах и уже предчувствуя назавтра неизбежное падение города, на повозках, грузовиках, автомобилях и целыми поездами вывозили награбленное у жителей более ценное и лёгкое имущество, бросая всё громоздкое.

Между тем часу в шестом дня было отдано неожиданное распоряжение – всему обозу построиться на выезд из станицы. Маршрут следования – на Ново-Титаровскую.

Кроме того, в целях облегчения армии приказано было оставить в станице Елизаветинской часть тяжелораненых под защитой и на попечение местных жителей.

Это последнее распоряжение ударило всех, точно обухом по лбу.

Служащие в санитарной части были неприятно поражены.

Никому из них никогда и в голову не приходила такая чудовищная мысль, чтобы Корнилов мог отдать подобный, с их точки зрения, бесчеловечный приказ.

Они знали, что при невообразимо тяжких условиях боевой обстановки генерал всегда заботился и в первую очередь делал всё возможное для облегчения участи его искалеченных бойцов, знали, что за время его командования нигде никогда не был оставлен или забыт ни один раненый, ни один больной его армии.

Корнилов не простил бы виновных, и ничто не спасло бы их от беспощадной кары.

И вдруг он, он бросает.

Такое решение вопроса никогда не вязалось с нравственным обликом командующего.

Такого приказа он, Корнилов, не мог отдать.

Или этот приказ сплошное недоразумение и будет со временем отменён или... Корнилов тяжело ранен, может быть, убит, и командование армией перешло к кому-то другому.

* * *

… Мимо Юрочки почти беспрерывно проходили по дороге пешие, проезжали конные и двигались повозки.

В этой веренице Юрочка заметил проследовавшую длинную, узкую у основания арбу, с высокими, вырисовывающимися в темноте разлатыми боками, которую везла пара лошадей в артиллерийской запряжке и на дне которой по неровной дороге колыхался накрытый ковром или попонами – он не разобрал – длинный ящик, по форме напоминающий гроб.

Может быть, в другое время Юрочка и не обратил бы внимания на эту арбу, если бы в станице из уст в уста не передавался упорный слух о смерти Корнилова и даже рассказывались подробности этого потрясающе-горестного события.

Говорили, что командующий убит сегодня в восьмом часу утра в домике на ферме Кубанского экономического общества. Большевистский снаряд пробил стену той комнаты, в которой находился Корнилов. От её взрыва генерал был ранен и подброшен на воздух. Ударившись грудью об печку, он уже не приходил в сознание, и через несколько минут душа героя отлетела из бренного тела на берегу Кубани, у скамейки, куда вынесли его приближённые.

Особенно подозрительным для Юрочки показалось то, что арбу сопровождали всадники.

Он всмотрелся в них и по своеобразной посадке, по высоким мохнатым папахам без труда узнал текинцев из конвоя командующего.

Они ехали с опущенными головами, молчаливые и, подобно изваяниям, величаво неподвижные в своих высоких сёдлах.

Не успел Юрочка освоиться со страшной догадкой, как слух его поразили близкие от него клокочущие хрипы, всхлипывания и громкий шёпот. Он повернул голову и в слабом красноватом лунном свете увидел прямо перед собою залитое слезами лицо Горячева.

Раненый, ухватившись одной рукой за край повозки, изо всех сил напруживая своё больное тело, приподнялся и, провожая арбу своими огромными, лихорадочно блестевшими в

глубине тёмных орбит глазами, правой крестился и, плача, шептал молитву.

Увидя Юрочку, он с громкими хрипами в груди повалился изнеможённой головой на подушку, горестно шепча:

– Это его... его везут... верховного... молитесь, Юрочка... за душу... раба... Божьего... новопле... новопреставленного... болярина Лавра...

Раненый закашлялся. У него кровь хлынула горлом...

Отплёвывая на дорогу кровь, Горячев с душу раздирающим горем, тоской и отчаянием восклицал:

– Пропало... пропало... всё... всё! И армия пропала... и Россия пропала... Без него... без Лавра... Георгиева... Корнилова... всё... всё пошло прахом... всё... погибло...

* * *

… Армия уже безошибочно знала, что вождя, которому беззаветно верила, за которым шла на всевозможные лишения, страдания, раны и смерть, нет в живых.

Никто официально пока не объявлял об этом, но все признаки рокового события были налицо: и неожиданный отход от Екатеринодара накануне решительного штурма, и поспешный уход по неизвестному направлению, и растерянность на лицах генералов и старших офицеров, точно они хотят что-то скрыть и боятся, что будут пойманы с поличным.

Но главные, убеждающие в действительности горестного события, были два неотразимых факта.

Первый – то, что в станице Елизаветинской при отступлении бросили вчера около восьмидесяти тяжелораненых.

Все в Добровольческой армии, от мала до велика, знали, на что обречены покинутые. Не могли того же не знать те, кто решил и имел власть их оставить. Корнилов никогда ни при каких обстоятельствах этого не сделал бы. Он умер бы сам, защищая их.

Второй факт тот, что в последние два дня никто не видел небольшой, бодрой фигуры командующего, и на его чудесной лошади теперь гарцевал какой-то никому не известный казачий офицер.

Многие видели и арбу с гробом, следовавшую с обозом до Гначбау в сопровождении молчаливых текинцев. И сомнений в смерти вождя не оставалось никаких, но никто с этой мыслью не хотел мириться.

Кто же теперь командует армией?

Все знали, что при армии в качестве верховного и политического её руководителя находился генерал Алексеев, но знали и то, что больной старик в оперативные дела не вмешивался.

Пронеслось имя генерала Деникина, но его, кроме высших генералов и незначительного числа офицеров, никто не знал, ничем решительно за время похода он себя не проявил, даже никакой частью не командовал, и, естественно, что в армии он никаким обаянием не пользовался.

Юрочка и его товарищи-партизаны, несколько раз видевшие тучного, ниже среднего роста, с чёрными густыми бровями и с седеющей бородкой господина, ездившего верхом в обозе, никак не подозревали, что этот господин и был генерал Деникин, к которому и перешло теперь командование соединёнными силами добровольцев и кубанцев.

В Гначбау маленькая армия пережила ужасный день, день падения духа, смятения и полной растерянности.

* * *

… Угнетала, лишала силы, пугала и разъединяла всех этих закалённых в боях, спаянных постоянной опасностью и общей целью людей потеря верховного, как из уважения и любви к личности Корнилова называли его добровольцы в память того, что покойный в своё время был Верховным главнокомандующим русской армии.

Случилось нечто, подобное тому, что бывает с дружным пчелиным роем, когда истратится матка. Рой буйно, вразнобой гудит. Пчёлы, бросив работу и не зная, что им делать, тесня друг друга, озабоченные, испуганные и злые, вылетают из улья и бестолково и суматошливо, с тревожным жужжанием носятся в воздухе.

Всё в этой маленькой армии, заброшенной в глухих, угрюмых кубанских степях, среди безбрежного океана людской ненависти, окружённой во много раз сильнейшим, отлично вооружённым, жаждавшим её крови и уничтожения врагом, вдруг почувствовали, как они малочисленны, слабы, лишены снарядов, патронов, продовольствия, фуража, и во главе их нет того, чьим разумом, чьей геройской волей и безграничной жертвенностью они на своём крестном пути были ведомы, кто всегда умел справляться со всеми невообразимыми трудностями,

кто гибельные положения своей армии всегда превращал в легендарные победы и кто ни при каких обстоятельствах не только не покидал своих раненых на поругание, издевательства и мучительную смерть от руки презренного врага, но даже увозил в обозе и трупы своих павших бойцов, дабы в подходящее время и в надёжном месте предать их достойному христианскому погребению.

* * *

… О чем думали эти молодые, так много пережившие люди? О большевистских шрапнелях? Но разве на своём недолгом веку они мало видели их? Разве не привыкли к ним? О том, что ждёт их впереди? Но разве они сомневались в том, что участь каждого из них уже предрешена? Что они так же мужественно и славно умрут на поле брани, как умерли уже многие и многие тысячи их братьев и товарищей, умерли за обманутую и поруганную Родину, ту Родину, которая сейчас в своём самоубийственном умопомешательстве ополчилась против них – её самых верных, любящих и доблестных сынов.

Нет. Об этом они не думали. Безысходная печаль обуревала их головы. Они чувствовали себя осиротелыми, брошенными и глубоко скорбели о своей незаменимой утрате.

Зачем ты, вождь любимый, оставил нас? Разве мы не оберегали тебя? Зачем назло судьбе всегда играл своей бесценной головой? Зачем? Или не вынесла смердящей лжи твоя правдивая казацкая душа? Или твой дух титана изнемог в борьбе с несметной ратью подлости и грязи, поднявшейся со дна? Ведь тучи комаров одолевают и слона. Мы это знаем. И что же вышло? Кто заменил тебя на посту ответственном и тяжком? Мелкие, презренные людишки с душой трусливою пономаря. И посмотри, что сделали они, лишь ты смежил навеки свои очи? Твоих подшибленных орлят, беспомощных, беззащитных, предали на растерзания, глумления свирепому врагу… И что же дальше ждать от них? Придёт пора, и в свои сроки предадут они и всех нас хаму, дабы спасти лишь свои шкуры.

Такие мысли бродили в головах добровольцев.

* * *

… В обозе стали бродить тревожные, скверные слухи о том, что командование решило пожертвовать ими и что боевые части будто бы куда-то ушли. Действительно, на военном

совете в Гначбау остановились на мысли – в крайнем случае пожертвовать обозом и ранеными, ввиду того что без артиллерии и даже без патронов при наличии всего 1800–2000 бойцов немыслимо охранять обоз в 1500 повозок.

Обыкновенно спокойный и тихий на стоянках даже под огнём неприятеля обоз теперь наполнился снующими между повозками людьми и тревожным гулом голосов. Ропот и смятение с каждой минутой усиливались. Все волновались. Поднялись крики. Звали обозного коменданта. Не оказалось ни его самого и никого из его помощников. Волнение возрастало.

Тревожные, скверные слухи как будто оправдывались.

Вскользь брошенные, неосторожные слова и предположения, передаваясь по повозкам, вырастали в определённые и кошмарные выводы. Все останавливались на одной страшной мысли: новый командующий генерал Деникин начал своё водительство армией тем, что в Елизаветинской бросил тяжелораненых, в Гначбау сделал то же. Вчера под Садами кавалерия Эрдели оставила на поле после победоносного боя около 300 своих убитых и раненых на поругание врагу. Ничего подобного не могло быть при Корнилове. Никто и помыслить не посмел бы поступить таким образом. Корнилов не пощадил бы виновных. Почему же так с первых шагов зарекомендовавшему себя Деникину не бросить теперь и весь связывающий его по рукам и ногам обоз и не спасать свою драгоценную особу, прикрываясь одной только армией? Это легче.

Больше всего горячились и кричали в обозе гражданские беженцы, те разные «общественные» деятели, которые в своё время либеральничали, подготовляли революцию, валили «растреклятый» самодержавный режим, а теперь за спиной многострадальной армии спасали свои шкуры от проявления тех «свобод», которые они с ослиным упорством всю жизнь насаждали.

* * *

… А со стороны Гначбау вечернюю темноту всё чаще и чаще прорезывали вспышки пламени и доносились раскаты пушечных выстрелов. Но вот прискакал какой-то всадник и молодым, громким отчётливым голосом заявил, что генерал Марков приказал обозу стоять на месте, пока он сам через час не присоединится к нему.

Все облегчённо вздохнули.

Немного горячего, но прямого, честного солдата, храброго генерала Маркова в армии отлично знали, и все верили ему. Однако тревога была так велика, что смятение улеглось не сразу. Ждать пришлось недолго. Издали, со стороны гремевших орудий, послышалось недружное, разноголосое ура, трескотня ружейных выстрелов; потом всё смолкло.

Настала полная тишина.

Не прошло и получаса, как из темноты вынырнули стройные колонны людей и добровольческая пехота, чудесно отбивая шаг по старой пахоте, в облаках поднятой пыли проследовала к голове обоза.

У всех отлегло на душе.

Большевистское кольцо было прорвано, но надо было выигрывать время и спешить, чтобы не попасть в новую западню. Куда-то вперёд была послана кавалерия. Громадный обоз, наполняя степь стуком копыт и громыханием телег, сломя голову, задыхаясь в пыли, в ночной темноте мчался во всю лошадиную мочь. Никто не знал, куда вело его командование. Маршрут по-прежнему хранился в строгой тайне. Так, с бешеной быстротой скакали с десяток вёрст, дали передохнуть лошадям и помчались снова.

* * *

… На переезде через пути у железнодорожной будки виднелась тонкая фигура молодого генерала Маркова в сером, с прямым станом, не доходившем до колен, ватном пальто, в высокой, белой, косматой папахе, в длинных, запылённых сапогах и в форменных узких с кантиками брюках, с толстой казачьей нагайкой в руке.

Около него толпились ординарцы.

Узкое, небольшое, чуть-чуть горбоносое лицо его, с тёмной бородкой клином, делавшее его похожим на француза времён Наполеона III, было весело. Глаза, зорко глядевшие из-за косм папахи, сияли счастьем победы.

В Добровольческой армии любили, уважали, но и побаивались не щадившего себя героя. Там знали, что, благодаря его храбрости, находчивости, энергии, знанию боевого дела и, наконец, требовательности к самому себе и к подчинённым, армия бесконечное число раз выходила победительницей из беспримерно тяжелых положений.

* * *

Так было и на этот раз.

... Генерал Марков, перед рассветом захвативший с сопровождавшими его офицерами железнодорожную будку, арестовал сторожа и узнал от него, что на станции Медведково, всего в полуверсте от будки находятся два бронированных поезда.

Он послал две офицерские роты захватить станцию, а сам по телефону, обманув большевиков, вызвал к будке бронированный поезд. Потом он быстро перевёл одно из орудий через путь, поставив его против будки, по обеим же сторонам дороги в темноте рассыпал стрелковые цепи.

Скоро со станции, пыхтя и стуча колёсами, вышел броневой поезд с прицепленными к нему освещёнными классными вагонами. Когда паровоз поравнялся с железнодорожной будкой, стоявший здесь генерал Марков своим громовым голосом крикнул:

– Стой!

– А ты кто? – спросил машинист.

– Свой…

Стоявшее в нескольких шагах орудие выстрелило в паровоз.

Офицеры и сам генерал забросали паровоз ручными гранатами. Мгновенно был убит машинист и разворочена топка.

Раненая машина накренилась набок, и освободившиеся пары с шипением и свистом огромными клубами повалили из котла. Добровольцы, не теряя времени, бросились к поезду и без малейшей пощады перебили красных.

В суматохе кто-то поджёг один из товарных вагонов, оказавшийся наполненным патронами; от первого загорелись два других. Остальные дружными усилиями добровольцев удалось откатить от пожарища.

Армия, бросившая в Гначбау восемнадцать орудий из-за того, что к ним не имелось ни одного снаряда, израсходовавшая последние патроны, здесь взяла с боя 800 снарядов и больше ста тысяч патронов.

Угнетённый дух добровольцев сразу воспрянул.

«О, мы ещё можем воевать! – думал каждый. – Верховного нет. Заменить его никем нельзя, но у нас есть Марков. А с такими, как он, умирать ещё рано!».

Всякая армия должна иметь своего божка, которому она беззаветно верит, которого любит и обожает. Тогда она неодолима. У добровольцев умер Корнилов, и победоносная, геройская армия, имевшая в своих рядах множество храбрых генералов и офицеров, лишилась своей веры, своего бога. И она заколебалась, была близка к развалу.

Под Медведковской она нашла нового божка в лице генерала Маркова, которого она знала, который своими подвигами выделялся и в европейской войне, и на Дону, и на Кубани. И она уверовала, что для неё ещё не всё кончено. Армия, не тревожимая противником, в тот же день отошла в соседнюю станицу Дядьковскую…»

---

* * *

И что называется «под занавес» читатель может ознакомиться ещё с одним произведением Ивана Александровича Родионова, рассказом «Подхорунжий Павлов». Он был напечатан в 5м номере «Атаманского вестника», в октябре 1936 года. Издание с таким названием выходило в Париже с августа 1935 года по январь 1939 года и было органом Донского атамана (в то время, графа Граббе). Рассказ прислала мне всё та же невестка писателя Родионова, Пиама Тимофеевна.

Повествование ведётся от лица некоего сотника из казачьего отряда полковника Мамонтова. На восьми с небольшим страницах автор, отлично знавший и казачий быт, и казачий бой, воспроизвёл колоритные, запечатляющиеся характеры людей, из последних сил пытавшихся спасти родное казачество, защитить от наступающих большевиков свою исконную землю. И среди сражающихся за прежнюю вольность, конечно же, ярче всех выделялся

Подхорунжий Павлов

«Мы были в отряде полковника Мамонтова и в мае 1918-го года пришли в хутор Жирков Верхне-Чирской станицы. На сходе сам начальник отряда выступил перед казаками с призывом спасать свой родной Тихий Дон. 186 человек на собственных лошадях, т. е. всё мужское население хутора, от глубоких стариков до зелёных подростков, вступило к нам в строй.

В числе других пришёл и подхорунжий Павлов – высокий, ещё бравый старик лет около 80-ти, с зоркими соколиными глазами и с густой, белой по пояс бородой. Трое сыновей его сложили свои головы в Великую войну. Теперь вступили в наши боевые ряды и все его внуки. На сход сопровождала его жена – крупная, бодрая старуха одного с ним возраста.

«Отрякусь, ежели не пойдешь. Так и знай, старик!», – говорила она своему мужу.

На это подхорунжий только лукаво-насмешливо подмигивал. Два своих последних седла он отдал внукам, сам же на спину своего крепкого, гнедого маштака бросил большую женину

подушку, перетянул её посередине широкой ремённой подпругой, а так как стремян не было, то он легко, эластично, чисто по-юношески впрыгнул на своего коня. «Готов!», – с весёлой усмешкой заявил он, лихо заломив набекрень свою прежде нежно-голубую, теперь сильно полинявшую, с почти белым верхом, атаманскую фуражку. При боку у него висела востро наведённая шашка, а пики не оказалось, потому он выпросил у своей старухи рогач. «Гляди, старик, беряги рогач-то, не сопсуй!», – наказывала ему жена. «Да чево ему подеется», – с обычной своей усмешкой успокоил дед.

Вообще в огнестрельном оружии и патронах у нас всегда чувствовалась большая нехватка. Первые взводы в сотнях имели винтовки, у остальных только пики и шашки. Поэтому все наши боевые действия почти всегда ограничивались конными атаками. Часто в один и тот же день мы ходили на большевиков до восьми раз. И правду сказать, красные до умопомрачения боялись наших наскоков.

На другой день рано утром мы двинулись в станицу Нижне-Чирскую и переформирование произвели уже на походе. Был образован новый 2-ой полк. Подхорунжего Павлова зачислили в мою 1-ую сотню. Дня через два нас бросили на Обливье-Суровикино. В первом же бою наш старик вынесся вперёд перед рассыпавшейся лавой и скакал рядом со мной; добрый горбоносый маштак, как птица, распластавшись над землёй, нёсся во весь опор. Лихой наездник, всем корпусом подавшись вперёд, подталкивая каблуками коня, держал под мышкой рогач и по казачьему обыкновению, грозно, пронзительно «гикал». Рубашка пузырилась на седоке, а длинная борода, развеваясь по воздуху, серебрилась за плечами; чёрная пыль курилась из-под копыт его коня. Вдруг слышу, сзади меня раздался сдержанный смех, перекатился дальше и, наконец, поле огласилось откровенным, дружным хохотом. От фланга до фланга заливалась вся лава. И это в виду неприятельской цели, под аккомпанемент хотя и беспорядочного, ожесточённого ружейного и пулемётного огня. В недоумении вглядываюсь. И что же?

Вы знаете, какие нестерпимые жары стоят в донских степях в конце весны и летом, когда не дунет ветерок, когда воздух ослепительно искрится, дрожит и переливается горячими стружками, когда раскалённое добела солнце палит вас, как каторжника разожжёнными клещами, когда у вас во рту пересыхало, до крови трескались губы, при дыхании жгло в ноздрях,

а покрытые пеной кони, шумно сопя, точно кузнечными мехами, поводили боками...

И вот при таком-то адовом пекле на уже заметно подсыхавшее зелёное поле двумя широкими и густыми брызгами падал снег, но не с неба, а от крупа лошади старого подхорунжего... Что за чудо? Оказалось, прорвалась у деда женина подушка, и из неё в такт скока коня чвыкали белые перья и пух... Сотня моя, едва оправившись от хохота, как сокрушительная буря ворвалась в большевицкую цепь, залёгшую в низеньких окопчиках... Среди звериных криков битвы, пронзительного казачьего гикания, подобно львиному рычанию, вырывался громоподобный, победный голос Павлова. Большевики дрогнули. Началась беспощадная бойня... Подхорунжий поднял на свой рогач четверых, но к концу сражения от его оружия остался только обломанный, окровавленный держак...

Старик не без опасливого смущения покачал головой:

– Ну и влятить таперича мне от моей бабки! Живьём съест.., ни мосольчика не оставит, скажить, тресни тебя в живот, в печёнки, в селезёнки, идол, куда рогач дел? Прямо, хучь не живи...

И он с отчаянием махнул рукой.

От выбывшего из строя казака Павлову досталась пика. Подхорунжий, прикидывая её в руке, остался очень доволен:

– Ну, таперича только держись, пёсьи сыны. Я им покажу казачью развязку!

И действительно, этим оружием он владел в совершенстве, виртуозно, и в последующих чуть-ли не ежедневных боях наносил ею опустошения в рядах красных.

По характеру старик был человек живой, общительный, весёлый, шутник большой руки, любил побалагурить с своим братом казаком, попеть в хору, не дурак был и выпить, но меру знал, а прежде всего и важнее всего для него были долг и служба. Для меня подхорунжий оказался незаменимым помощником. Моя сотня больше чем на три четверти состояла из неопытного молодняка. Им-то особенно и занялся он, в походах и на стоянках неустанно поучая их строю и боевым сноровкам, с нерешительных и нетвёрдых не спускал глаз и при столкновениях всегда держал их близко к себе, своим личным примером ободрял и натравливал их, как борзых на дикого зверя. В короткое время учеников его нельзя было узнать: они становились отменными храбрецами. Его военно-политические наставления были лаконичны:

– Своих старших и командиров слухай, не зевай, не моргай и приказы неукоснительно исполняй. А ежели кто ослухается, али по приказу не потрахвить, – запорю.

И действительно, провинившихся порол нещадно, порол собственноручно, плетью. На моё замечание, чтобы расправлялся полегче, Павлов возразил:

– По первоначалу иначе и нельзя. Нужно сразу линию направить. А даля и само пойдёть, как по маслу. Народ молодой, оголтыш, без рассуждения. Только чуть попусти, в мановение ока от рук отобьются. Тады бяды не оберёшься. А вы, ваша благородия, сидите сабе и будто ничего не видите и ничего не знаете. Выпорю, и никто жалиться не будеть. Всё лучше, чем за всякую мальность под суд отдавать.

И не хочу хвалиться, но в сотне у меня порядок держался образцовый: ни воровства, ни озорства, ни пьянства, ни грабежа, ни насилий.

Жена Павлова посещала нас часто, не меньше одного раза в неделю, и привозила горы всякой снеди: зажаренных поросят, барашков, индюшек, гусей, кур, сала, кислого молока, яиц, белого хлеба и спирту. Мы редко какой-нибудь денёк простаивали на одном месте, а всё время проводили то в передвижениях, то в боях. Как она никогда не заблукалась, всегда благополучно объезжала занятые большевиками пункты, Бог её знает. Ну, тогда в свободный часок у нас подымался пир горой.

В начале осени подхорунжий Павлов за отменную храбрость и особые отличия в боях был произведён в хорунжие. Бабка смоталась в Нижние Чиры и привезла своему мужу погоны и новую кокарду. Само собой разумеется, случая мы не упустили, а отменно «вспрыснули» офицерские погоны. Вновь «испечённый» хорунжий сиял от счастья, помолодел лет на 20-ть. Бабка глаз не сводила с своего старого красавца с офицерскими погонами на плечах и страшно «заносилась» тем, что теперь и она «ахвицерша». К нам на гулянку подъехали и офицеры из ближних сотен. Курень, занятый нами под стоянку, был большой, комнаты просторные. Старик и его бабка в своих лучших одеждах сидели на почётных местах, под образами. Хорунжий взял привезённую его женой из дома гармоню, а нам шепнул уговорить старуху «сыграть» какую-нибудь песню. Сначала она наотрез отказалась, даже обиделась, но, убедившись, что мы не насмехаемся над ней, а просим всерьёз, просим настойчиво, сдалась:

– Больше двадцати годков не игрывала, с самой смерти покойницы-мамушки моей, царство ей Небесное, вечный покой... Зарок дала. Ну, да Господь милостлив, для такого-то дня простить... А только ишь чево вздумали: в грех вводить старую каргу. Как же я играть-то буду? Голосу нету. Как говорится: «был, да весь сплыл».

Видимо, старуха конфузилась. Но мы усиленно упрашивали. Хорунжий несколько раз бегло перебрал пальцами лады и, наконец, ободряюще-любовно взглянув на свою верную подругу, что-то на ухо шепнул ей и заиграл...

“Я ве-ечор в лу-уз-а-ях гу-уля-ала, гру-усть хо-оте-ела ра-азогнать”... – полился как-бы с высоты неуверенный, дрожащий, тонкий и очень приятный голосок. Но вскоре он осмелел, окреп, усилился. Старик, подыгрывая на гармони, вполголоса вторил баском. Выходило расчудесно.

Верите ли, мы сразу забыли, что перед нами древние старцы. Они спели: “Едут-едут два героя, они ружьями блестят...”, “Да на усть-то было Дона Тихого, да по край-то было моря синяго...”, “Сажусь я на коня гнедого, слезами грудь я оболью...” и ещё несколько старинных, забытых молодыми поколениями, героических казачьих песен.

Древним боевым бытом, древней доблестной историей родного казачества повеяло на нас. Мы больно чувствовали, что всё это уже в прошлом, уже погребено, что разрушен наш быт, разорён наш край родимый, что потускнела слава и кровь льётся реками, что изо дня в день тает и гинет сила казачья, что всё у нас идёт к гибели. Вытянем ли, воскреснет ли наш Тихий Дон и когда? Хотелось отмахнуться, забыться. Понятно, что «вышло», – праздник был на славу! Даже бабку, никогда в жизни в рот не бравшую ни капли хмельного, уговорили «пригубить» стаканчик вина. Согласилась, а потом долго морщилась, отплёвывалась и обтирала рот и язык платочком.

Сами знаете, где уж собралась казачья компания, там без песенников не обойдётся. А у меня подобрались чудесные, молодые голоса. Подголоски такие, что любого курского соловья за пояс заткнут. Ну и вдарили, да так вдарили, аж дым коромыслом! Сперва все «играли» боевые песни, а потом как-то сразу всё зашевелилось, ожило, и под этот наш певучий полутонный говорок затрепыхались, загудели бубны, зазвенели медные тарелки, ложки затрепетали своими колокольчиками... Жгучий, как огонь, полымем полыхнул разудалый, размашистый,

привольный, как степь бескрайняя, его породившая, донской «казачок». Один по одному молодёжь пустилась в пляс, щеголяя друг перед другом своим искусством и ловкостью.

Правду сказать, хватили-таки мы здорово, на славу. Хмель забродил в головах. И вот в самый разгар пира новый хорунжий вышел на середину комнаты, молодецки притопнул ногой, расправил спину и, весь вытянувшись в струнку, подрос на целую голову. Я рот разинул, увидя перед собой не просто человека высокого роста, а заправского гиганта. Он крикнул песенникам, чтобы поддали жару. Те участили темп. Старик, удало пошевеливая широкими плечами, высокопобедно неся голову и гордо оглядывая нас, едва касаясь носками пола, попеременно слегка припадал то на одно, то на другое колено и одновременно засучивал то один, то другой рукав, быстро, легко пронёсся по комнате, потом, приостановившись, лихо подклинился, дробно, ловко с ноги на ногу переступая, пятился до самой стены и оттуда уже, крикнув песенникам: «живей, живей!», бросился вприсядку. Широким, серебристо-ковыльным опахалом на миг мелькнула его борода. А он, скрестив на груди руки, немного выставив вперёд и в стороны локти, легко и плавно, как барс, сделал во всю комнату круг.

Темп припева всё учащался и учащался, а танцор со вскриками и присвистом то привскакивал и, мелко-мелко семеня ногами, изображал на месте «журавля», то подавшись головой и плечами вперёд, со сложенными на груди руками, делал невообразимые выкрутасы и выверты ногами и часто, и мягко в такт припева притоптывая каблуками, проносился перед нами, то попеременно выбрасывал в пляске ноги, звонко шлёпал ладонями по подошвам, то вдруг подпрыгивал почти под самый потолок, поджимал в воздухе ноги и, разбросав в стороны руки, казалось, как подстреленная птица, вот-вот комом грянет на пол и разобьётся, но он, как ни в чём не бывало, становился на ноги и опять шёл своей лёгкой присядкой... Так отхватал он «казачка», выкинув перед нами столько разнообразных, замысловатых, почти всегда неожиданных и всегда красивых «коленец», что все мы диву дались, в лоск уложил молодых танцоров. А бабка, с задумчивой, горделиво-блаженной усмешкой на лице, наглядеться не могла на своего мужа. Запыхавшийся, потный, раскрасневшийся и довольный вернулся старик на своё место.

Едва забрезжил рассвет, как мы, наскоро подседлав коней, уже мчались к соседнему хутору, где, по нашей разведке, замечено было большое скопление бесчинствовавших красных...

В октябре большевики вытеснили нас из хутора Верхне-Сысой. Мы крупным намётом выбрались на открытый выгон. Тут стояли ветрянки да амбары для хранения общественного зерна. Над нашими головами с треском рвались шрапнели; пули свистали нам вдогонку. Но, слава Богу, ни те, ни другие не причиняли потерь. Наш хорунжий при всех атаках неизменно бывал впереди, всегда первым начинал бой, при отступлениях всегда в арьергарде. И на этот раз он замыкал собою сотню, по своему обыкновению строго следя за тем, чтобы кони не скакали и люди не отбивались от страха. Его громоподобный бас то и дело окрикивал то одного, то другого из нервничавших казаков. Вдруг его маштак взвился на дыбы и, мгновенно рухнув, с хрипением, в предсмертных судорогах, загребая землю, задрыгал ногами. Мы не успели подать помощи спешенному старику, как он, решительно и сердито махнув нам рукой, чтобы из-за него мы не задерживались, проворно юркнул под ближний амбар, стоявший на нескольких каменных кладках.

За хутором, вне сферы огня, мы живо перестроились. Несмотря на строгость старого хорунжего, за проступки по службе столь же нещадно поровшего своих родных внуков, как и всякого чужого, оказалось, что сотня любила его до самозабвения. Вахмистр и урядники, окружив меня, взволнованно, в один голос доложили, что никак нельзя оставлять нам нашего хорунжего, что вся сотня по какую угодно цену готова живого или мёртвого, но сейчас же отбить у красных доблестного деда. Я взглянул на лица. Решительные, суровые, строгие, все напряжённо *одним общим оком* выжидательно-нетерпеливо устремлены на меня. Я сознавал, что немедленная атака хутора – предприятие безумное, что лучше бы подождать до темноты, но по настроению моих казаков почувствовал, что мешкать невозможно. Я спешил сотню только на минуту, чтобы оправить седловку и подтянуть подпруги.

Через час хутор с налёта был взят нами. Мы напали на красных врасплох, одних перекрошили, других забрали в плен, остальные рассеялись, отняли пулемёты, ружья, патроны большую часть которых, как, согласно приказа, делали и всегда,

отправили в тыл для вновь формировавшихся полков. Судите сами, как торжествовала вся сотня, когда наш дед, живой и невредимый, выполз из-под амбара. Это был праздник, да ещё какой! Развесёлый, счастливый. Мы встретили старика радостным криком "ура!". Мы ликовали. А он весь был в пыли и навозе, и его роскошная снежно-белая борода стала чёрнопегой. Наши казачки́ – вообще народ весёлый, смешливый и лукавый, даже идя в атаку на действующие пулемёты, ни за что не упустят случая поскалить зубы над человеком, попавшим в смешное положение. И на этот раз молодёжь втихомолку подсмеивалась над непрезентабельным видом старика. А он, отряхиваясь от пыли и крысиного помёта, выдирая из бороды репьи и колючки, хмурился и хотя ему самому было смешно, делал вид, что сердится и ворчал:

– Вот, пёсьи сыны, загнали меня, старика-хорунжия, под анбар, как свинью в помои. Ишь, как вывотлался! Таперича када от всей этой пакости отбанишься?!

Через несколько дней нам опять пришлось выдержать тяжёлый, неравный бой у того же растреклятого хутора. Нас крыли из пушек; поливали из пулемётов и ружей; на хвосту у нас висела красная кавалерия, опять выбили на тот же выгон, опять на том же самом месте (чтоб оно провалилось), будто, скажешь, сам чёрт заколдовал его, под Павловым убили коня и опять он схоронился под тем же амбаром. На этот раз силы большевиков настолько подавляли нас, что мы, понеся потери, еле-еле унесли свои ноги. О немедленной атаке хутора тогда и думать было нечего. Нас перебили бы, как перепёлок. Даже и сейчас вспомнить страшно, морозом подирает по коже, – рассказчик передёрнул плечами, – как переволновалися мы об участи нашего незабвенного хорунжего и только спустя полдня, перед вечером, когда подтянулись подкрепления, мы, измученные продолжительным томлением, прямо, ей Богу, как разъярённые тигры бросились на большевиков. И никогда мои казаки не дрались так ожесточённо и беспощадно, как в этот день, лоском клали, на шашках и пиках вынесли красных из хутора. Далось это нам недаром, а стоило большого труда и потерь.

Но нашего доблестного Деда, души моей сотни мы не нашли в живых. Лев и умер по-львиному. От пленных мы добились подробностей: большевики знали наводившую в их рядах

ужас страшную «белую бороду» и очень обрадовались, когда открыли его убежище. Окружив амбар, они грозились поджечь его и выкурить Павлова, как лисицу из норы, если он сам не вылезет. Хорунжий не заставил долго упрашивать себя, а с обнажённой шашкой в зубах пулей выскочил им навстречу, заступивших ему дорогу троих во мгновение ока раскроил, положив на месте, и как стрела помчался к хутору. За ним с мерзейшими ругательствами погналась целая стая конных. Передний, уже в самом хуторе настигший старика, занёс над его головой саблю. Но тот, проворно увернувшись от удара, своей шашкой отхватил ему руку. Подоспевшие конные хотели окружить Павлова. Он не дал обойти себя, а прислонившись спиной к плетневому забору, громогласно осыпая их бранью, мужественно отбивался от наседавших, успев нескольких переранить, но, оглушённый сабельным ударом по голове, свалился. Красные долго мучили его, потом зарубили.

Мы нашли его окровавленное, изуродованное тело на выезде из хутора. Обычная большевицкая «работа»: у хорунжего были выжжены глаза, выбиты зубы, обрублены уши и нос, на руках вырваны ногти и раздроблены пальцы, на плечах вырезаны погоны, на тех же местах, где на погонах полагается быть звёздочкам, вколочены гвозди, на ногах от ступней до бёдер ножом изображены лампасы и совсем с мясом содрана кожа. Всё тело было в ужасных ожогах. А рядом курился потухавший костёр...»

Ив. Родіоновъ

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя 5

Столкновение судеб. О чем поведали старые записи 18
Встречи с Корниловым 20
Роковые дни. Смерть Донского атамана А. М. Каледина 38
Борьба продолжается (1-й Кубанский поход)... 41
Рыцари тернового венца… 45
Начало конца 47

Последнее «прощай»… 50
Из переписки в годы изгнания И. А. Родионова с генералом П. Н. Красновым (1934 г.) 51
Памяти Войскового атамана Африкана Богаевского. Заметки в дневнике (осень 1934 г.) 54
Отрывок из письма к П. Н. Краснову (1934 г.) 56
Эмигрантские будни 57
Горькие вести 61

В чём его вера 64
Забытый путь 69

Жизнь продолжается. Послесловие 87

«Незабвенной памяти великих страстотерпцев и мучеников русской земли…» 111
«Жертвы вечерние». Отрывки из повести 113
«Подхорунжий Павлов». Рассказ 135

АИРО В XXI ВЕКЕ

2006

Дмитрий Люкшин. Вторая русская смута: крестьянское измерение. («АИРО – Первая монография»).

А. Г. Ложкин. Право победителей. Правовой отдел СВАГ: история создания и деятельности. 1945–1949. («АИРО – Первая монография»).

Ф. Г. Куначёва. Религиозные воззрения абазин (с древнейших времён до наших дней). («АИРО – Первая монография»).

В. Э. Молодяков. Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887–1949) – дипломат, политик, мыслитель. («АИРО – Монография»).

Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917. Публ. Е.И. Щербаковой /Под ред. Г.А. Бордюгова. («АИРО – Первая публикация»).

Молодёжь и политика. Материалы семинара (сентябрь 2005) /Под редакцией Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 17.

Назревшая дискуссия. Некоторые итоги обсуждения истории Второй мировой войны. Общественный Форум (Москва, 28 сентября 2005 г.). Стенограмма /Под ред. Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 18.

Э. Саблина. 150 лет Православия в Японии. История Японской Православной Церкви и её основатель Святитель Николай. («АИРО – Монография»).

Советская политика в Австрии. 1945–1955 гг. Сборник документов /Под ред. и составление Геннадия Бордюгова, Вольфганга Мюллера, Нормана М. Querмарка, Арнольда Суппана. («АИРО – Первая публикация»).

Малороссия. Новороссия. Крым. Исторический и этнографический очерк. Сост. А.Г. Макаров и С.А. Макарова.

Советская Военная Администрация в Германии (СВАГ). Управление пропаганды (информации) и С. И. Тюльпанов. 1945–1949 гг. Сб. документов. /Под ред. Геннадия Бордюгова, Бернда Бонвеча и Нормана Querмарка. («АИРО – Первая публикация»). Изд. 2-е, дополн. и измен.

Портрет современного японского общества / Рук. проекта Э. В. Молодякова.

В. Э. Молодяков. Гото Симпэй и русско-японские отношения. («АИРО – Монография»).

Н. А. Четырина. Сергиевский посад в конце XVIII – начале XIX вв. (Посад как тип городского поселения). («АИРО – монография»).

П. Павленко. Либерально-демократическая партия в политической системе Японии. 1955–2001.

Павел Гвоздев. Русские на марше: от химеры к тотальной мобилизации.

Япония. Ежегодник. 2006.

Сергей Валянский. Хронотроника и эволюция социальных систем. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 20).

В тени «Тихого Дона». Фёдор Крюков – забытый русский писатель. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 21).

2007

Я. В. Леонтьев. «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и её литературные попутчики. («АИРО – Монография»).

Стивен Коэн. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза?

Ирина Каргина. Букет бессмертников. Константин Каргин и Михаил Шолохов: неизвестные страницы творческой биографии.

С. Ф. Платонов. Смутное время. Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII веков.

А.Г. Тепляков. «Непроницаемые недра»: ВЧК – ОГПУ в Сибири. 1918 – 1929 гг. («АИРО – Первая монография»).

Р. А. Гоголев. «Ангельский доктор» русской истории. Философия истории К.Н. Леонтьева: опыт реконструкции. («АИРО – Первая монография»).

И. А. Алексеева. История всемирного христианского молодёжного движения в России. («АИРО – Первая монография»).

В.И. Колесов. Служил Советскому Союзу… Воспоминания. («АИРО – Первая публикация»).

Фридрих Фирсов. Секретные коды истории Коминтерна. 1919 – 1943. («АИРО – Первая публикация в России»).

С.И. Валянский. Язык мой – враг мой.

Е. П. Розанова. Друг мой – враг мой, лексика моя.

Владимир Дмитриевич Есаков. Биобиблиографический указатель. Сост. Г.А. Бордюгов, Е.С. Левина / Предисловие А.П. Ненарокова.

Эльгена Васильевна Молодякова. Биобиблиографический указатель. Сост. Г. А. Бордюгов, А.Е. Куланов.

Япония открытая миру / Рук. проекта Э. В. Молодякова.

В.Г. Воловников. О необыкновенном годе необыкновенной эпохи (Неизвестная история выставки Пабло Пикассо в СССР в 1956 г.). («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 22).

В.Д. Соловей. Смысл, логика и форма русских революций. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 23).

Россия без Советского Союза: что потеряли и приобрели, что впереди? Стенограмма Общественного Форума 19 декабря 2006 г. и материалы дискуссии. Под ред. Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова и Алана Касаева. Библиотека либерального чтения. Выпуск 19.

Александр Рабинович. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. («АИРО – первая публикация в России»).

Революционная Россия. 1917 год в письмах А. Луначарского и Ю. Мартова. Под ред. Г. А. Бордюгова и Е. А. Котеленец, сост. Н.С. Антонова и Л.А. Роговая, введ. Л. Майер. («АИРО – первая публикация).

Владимир Путин. Рано подводить итоги / Под ред. Г. А. Бордюгова, А. Ч. Касаева (совместно с «АСТ»).

Япония. Ежегодник. 2007.

Николай Андреев. Первые стихи.

Служение России. Торгово-промышленная палата РФ. 1917 – 2007. Научно-популярное иллюстр. издание-альбом / Под ред. Е.М. Примакова (совместно с ТПП РФ).

2008

Тосио Сиратори. Новое пробуждение Японии / Сост. и вст. ст. В. Э. Молодякова

Ф. Торнау. Воспоминания кавказского офицера / Сост. А. Г. Макаров, С. Э. Макарова, вст. ст. С. Э. Макарова

De Futuro, или история будущего. Сб. статей / Под ред. Д. Андреева и В. Прозорова.

Danke, профессор Аймермахер. 12 писем из России / Сост. Г. А. Бордюгов, Т. М. Горяева.

Харуки Вада – сенсей российской истории / Сост. Г. А. Бордюгов.

Стивен Коэн и Советский Союз / Россия. / Сост. Г. А. Бордюгов, Л. Н. Доброхотов.

Узник Лубянки. Тюремные рукописи Н. И. Бухарина / Предисл. С. Бабурина, Введение Ст. Коэна. Под ред. Г. Бордюгова («АИРО – Первая публикация»)

Леонид Козлов. В диалоге с памятью («АИРО–Первая публикация»)

А. А. Куренышев. Крестьянские организации Русского Зарубежья. (1920–1951 гг.).

Е. В. Суровцева. Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920-е – 1950-е гг.).

Иван Родионов. Забытый путь. Из архивов писателя: письма, дневниковые записи, воспоминания, проза.

Глобальные вызовы – японский ответ / Рук. проекта Э. В. Молодякова.

И. А. Родионов

Забытый путь

Из архивов писателя:
письма, дневниковые записи, воспоминания, проза

Ответственный за выпуск А. Г. Макаров

Подписано в печать с оригинал-макета 3. 06. 2008 г.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Бумага офс. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 9. Тираж 500 экз.

АНО НИЦ «АИРО–XXI»
107207, Москва, Чусовская ул., д. 11, к. 7.
Тел.: (495) 466-16-35.
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
http: www.airo-xxi.ru